

Смена

№ 5 МАРТ 1981

**ФОРМУЛА РАБОЧЕГО ДНЯ:
„МАСТЕРСТВО, ИНИЦИАТИВА,
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ!“**

ЖИЗНЕННАЯ Д ГРАЖДАНСТВЕННАЯ

Более полутора лет — с № 17 «Смены» за 1979 год, со статьи слесаря Кима Андреева «Не хочу так работать» — ведется на страницах нашего журнала дискуссия под рубрикой: «Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость». Подчеркнем: анализ именно коллективный. В нем участвуют молодые рабочие, комсомольские работники, передовики и ветераны труда, руководители предприятий, учащиеся ПТУ, инженеры, журналисты, ученые, писатели... Обсуждены различные жизненно важные проблемы труда и нравственности, рабочего творчества и мировоззрения. Среди этих проблем: «Совесть как категория экономическая», «Новичок», «Бригада как образ жизни», «Дисциплина», «Профессионализм», «Инициатива» и ряд других. «Смена» наряду с целевыми статьями и корреспонденциями публиковала и отклики читателей (например, «Размышления о главном» № 16, 1980 г.) и ответы официальных лиц на критику (см. №№ 3, 5, 18, 1980 г.; № 1, 1981 г. и другие).

Сейчас, когда комсомольцы и молодежь страны изучают документы и решения XXVI съезда КПСС, настало время подвести первые итоги дискуссии.

Дело в том, что и прежде многие темы нам были подсказаны самим читателем — к нему, читателю, обращенные, они рождали все новые вопросы, которые и становились предметом каждого последующего разговора. Характерно, что тема нынешней подборки назревала от одной публикации журнала к другой по самой сути дискуссии.

Жизненная позиция! Без этой категории, то есть без учета отношения самой личности или даже коллектива к серьезным и острым проблемам труда, немыслим плодотворный результат разговора, ибо их активность или, наоборот, инертность, их принципиальность, настойчивость в преодолении всевозможных трудностей и проблем или, напротив, равнодушные, нежелание взять на себя ответственность за порученное дело, — вот от чего, по заключению самих же читателей, во многом зависит, будет ли работа в тягость или в радость.

Формула — жизненная позиция — представляется нам одновременно и итоговой и... начальной для дальнейшего разговора о месте и роли каждого в социально-экономическом строительстве, в воспитании у молодого работника того отношения к труду и жизни, которое по праву можно назвать коммунистическим. Активность каждого — залог успеха всеобщего нашего дела в претворении в жизнь решений XXVI съезда КПСС.

смена

Коллективный
критический анализ:
работа в тягость, работа в радость

Вячеслав ЗИЛОТИН,
узловой диспетчер
комсомольско-молодежной
смены № 1
станции Ясиноватая
Донецкой
железной дороги

ления трещали по всем швам. А главное, чувствуем: единомышленники нужны. Заговорили об этом на одном комсомольском собрании, причем както так разом — хором, что называется. И поручили нам с Ирией Романовой, комсоргом, заняться комплектованием смены молодыми.

Мы, естественно, — к руководству станции, в отдел кадров. Особых восторгов и одобрений не встретили. Разговоры каждый раз складывались один и те же.

— А зачем, собственно, и что это даст?

Объясняем. А сами видим, что не убеждаем.

— Ладно, — принимались растолковывать уже нам. — Станете вы по возрасту действительно комсомольско-молодежной сменой. Но у нас такие перемены, у опытных людей головы, случается, кругом идут. А что же тогда у вас будет твориться, если вы столько молодых сразу наберете?

активны

еще автоматики понаставили где только можно. Работай в свое удовольствие. Так любой заработает.

Но я-то помню другое.

Да, все это так — и реконструкция и автоматика. Еще можно привлечь ЭВМ, узловой вычислительный центр. Все это было. А легко не было.

Самые скромные прикидки до начали реконструкции, в каких темпах и масштабах теперь предстоит работать, действовали на многих попросту ошеломляющие. Причем на работников опытных, выдавших виды.

Одни просто не могли себе такую работу представить. За сомнениями других явно пропускало настороженное опасение: «А смогу ли?» Были и такие, кому новые возможности оказались в принципе не по душе.

Но вот закончилась реконструкция. Пришла пора не прикидывать, а вплотную приниматься за освоение новых мощностей. Сразу стало ясно: усилий любознательных одиночек тут недостаточно. Тут коллектив нужен. Самостоятельно никто в смене, к примеру, высокой скорости роспуска не добьется — ни дежурный по горке, ни машинист. А вот если выдерживать заданную скорость будет стремиться каждый — включая составителей, регулировщиков скорости, короче, всю смену, — тогда другое дело.

Наша смена, хотя и числилась тогда комсомольско-молодежной, от других ни возрастом, ни составом не отличалась. Так уж считалось: дело такое, что молодежь не потянет. Тут без опыта и строгости не обойдешься. Броде бы и верно все. Но время тогда наступило — многие старые представи-

тели к этому прибавить, что довольно прохладно встретили нашу затею и многие опытные рабочие. В других сменах посмеивались: «Попадут батяки в пекло захлестнуло?» В нашей смене тоже ворчали недовольно: «Наберете зеленых — возьмись с ними. А работать кто будет?»

А мы все-таки держались своего.

Не знаю, насколько мы убедили, насколько переупрямили руководство, но молодых в нам стали направлять. Выпускников ПТУ, вчерашних школьников, тех, кто не прижался в других сменах. И именно наша, уже действительно комсомольско-молодежная, смена первой освоила новую технологию переработки вагонопотока.

Почему именно она? Ведь опыта, умения больше было у других?

Представьте себе ситуацию. Опытный, все в своем хозяйстве знающий и умеющий маневровый диспетчер вдруг так вытаскивает состав в парк отправления, что «подрезает» все остальные пути. Хочешь — руками разводи, хочешь — за голову хватайся. И ведь обстановка позволяла сработать иначе. И все лишь потому, что действовал он машинально, как десятки, сотни раз до этого.

Освоение и нам далось нелегко, но у нас оно шло все-таки быстрее, чем у тех, кто оказался к работе по-новому внутренне не готов. Не говоря уже о тех, кто вынужден был работать по-новому через силу, не веря особенно в успех. А мы верили в него. Он был нужен нам.

Было у нас еще одно преимущество. Если хотите, незаслуженное. Многие

ОЗИЩИЯ ОСТЬ, ЛЕЛОВИТОСТЬ, СЕРДЕЧНОСТЬ

СЪЕЗД КПСС

ребята еще так неважко умели работать по-старому, что им в общем-то незачем было переучиваться. А ведь немало людей ситуацию, когда ты вчера умел все, а сегодня как бы новичок, воспринимают и переносят очень болезненно.

Признаться, было время, перегибал я тут палку: считал, что технический прогресс — это для молодых. Поэтому-то так упрямо и набирали их в смену. Не только поэтому, конечно, но что было, то было. Сейчас вижу: без опытных наших мастеров мы бы еще долго в новом оборудовании разбирались.

Ведь еще шел монтаж, а наш лучший дежурный по горке, коммунист Владимир Афанасьевич Ландышев уже изучал новую аппаратуру. На него глядя и другие потянулись. Потом он же организовал несколько поездок на станции, где уже эксплуатировалась техника, подобная той, на которой предстояло работать нам. Рядом с Ландышевым первыми стали доби-

«Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения. Выработать такую позицию — задача нравственного воспитания».

Из Отчетного доклада XXV съезду КПСС

ваться стабильных результатов бывшая телеграфистка Тамара Деревенец и вчерашняя школьница Марина Клименко. Да, собственно, каждого работника смены Ландышев чему-то научил — кого непосредственно делу, кого отношению к нему.

Теперь я убежден: не возраст — решающее обстоятельство. И не опыт, которым уже обладаешь. Сам человек.

Его подход к работе. Его небоязнь переработать, перетрудиться. То есть все просто: хочешь или не хочешь? И если действительно хочешь, накопленный в прежние годы опыт только поможет.

И тут необходимо — сразу! — внести уточнение. Желание, напор, решимость, уверенность в успехе — вещи серьезные, случается, и решающие, но

навстречу. Вот так, аргумент на аргумент, причина на причину, а там уже, глядишь, и отговорка на отговорку — возводится стена, которой человек отгораживается от дела, которое поначалу и хотел делать.

Помилуйте, я не за то, чтобы закрывать глаза на трудности, а за то, чтобы они не закрывали нам глаза на все остальное. И тогда видишь, что с ними надо бороться. Надо требовать, надо добиваться своего. Даже тогда, когда решение вопроса зависит не только от тебя.

Еще несколько месяцев назад наш узел был буквально забит задержанными вагонами. Что это за вагоны? Те, что поступили на узел без документов или с документами, неправильно

ЕЩЕ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

«А ты знаешь, что такое борьба?.. Это ведь не только стычки различных идей, различных точек зрения. В борьбу неодолимо вовлекаются человеческие судьбы, и линия фронта проходит через наши сердца. Сражаются армии, сражаются противоборствующие идеиные лагеры, сражаются несогласные одна с другой группы, а гибнут, страдают, мужают и торжествуют люди, у каждого из которых лишь одно, и не железное, а живое сердце, болионо откликающееся на все, что происходит вокруг».

Шараф РАШИДОВ,
«Сильнее бури»

«Что же дает людям удовлетворение, что заставляет их со всей добросовестностью, ответственностью исполнять изо дня в день одну и ту же работу, лишенную не только вдохновения, но и просто разнообразия?.. Характеры с новым содержанием героизма, где мерю служит не исключительный поступок, а каждодневность усилий, годы самоотверженного исполнения долга... Именно подобный труд геройчен, ибо он исполнен в высокой степени чувством долга перед обществом, перед коллективом. Кто-то ведь должен».

Даниил ГРАНИН

не всегда. Часто мало захотеть сделать, надо еще и уметь взяться за дело. Вот Ландышев сумел. Но бывает и по-другому.

Решили в нашем локомотивном депо сделать движение машинистов, водящих тяжеловесные поезда, массовым. Искусству — а это самое настоящее искусство — водить поезда повышенного веса и длины стали обучать буквально все бригады разом. Люди действительно загорелись, а потом остыть стали. Оказалось, учеба учебой, а на практике же все иначе. И сделать движение большегрузных поездов широким и повсеместным непросто. И одного желания машинистов тут недостаточно. Нужно сотрудничество с движеницами, работниками путевого и вагонного хозяйства. Об этом не подумали. Начались взаимные упреки. Одни говорят, что движеницы редко формируют большегрузные поезда. Другие — что машинисты не очень-то стремятся их водить. Разное говорят. А важное дело застопорилось. И какое дело! Ведь увеличение среднего веса составов на всей сети дорог страны только на 100 тонн позволяет перевезти в год дополнительно около 140 миллионов тонн грузов. Вот ведь о чём, кивая друг на друга, забывать нельзя.

Хотелось, пробовали, да вот... То помешало, те не помогли, эти не пошли оформленными. Для них отведен специальный путь, где они стоят, пока идут поиски документов. И они стоят. Иногда месяцами. Случается, оказываются среди них и вагоны, документация на которые поступила, да... затягивалась в технической конторе. Некоторые операторы и знают об этом, но сидят тихо, делая вид, что им ничего не известно. Сами понимаете, искать эти документы можно долго. На эти же пути порой задвигают вагоны, получившие в дороге повреждения — битые. Их перегружать следует, а их прячут с глаз долой. Стоят задержанные, а у заказчиков трещат сроки, горят планы. Все, конечно, понимали, что надо срочно разыскивать документы, перегружать битые вагоны. Понимали, что-то пытались делать, но лишь пытались. И так шло, пока задержанные вагоны не стали мешать работе всей станции. Вот тогда только и принялись за дело всерьез.

На постоянно действующем производственном совещании обсудили положение. Задержанными вагонами занялись не только операторы технических контор, бюро розыска, но и товарищеская контора, ее филиал, маневровые диспетчеры и дежурные по горке. Собственно, занялся этим делом весь коллектив станции. Число задержанных вагонов сразу пошло на убыль.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ.

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1291) МАРТ 1981

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Наша обложка:
монтажница
рижского
завода ВЭФ
Женна ШПАКОВА.

Фото
Сергея ВЕТРОВА.

1 КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: РАБОТА В ТЯГОСТЬ. РАБОТА В РАДОСТЬ. «ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ: ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ, ДЕЛОВИТОСТЬ, СЕРДЕЧНОСТЬ».

5 РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНЫ». Александр РОГИНСКИЙ. «ОТЦОВСКОЕ И СЫНОВНЕЕ».

8 Рассказ Валерия ПОВОЛЯЕВА «СЕВЕРНЫЕ СНЫ».

11 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ». Стихи югославского поэта Мирослава АНТИЧА.

12 ЭНЕРГЕТИКА — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. Евгений РЯБЧИКОВ. «СОЛНЦЕ».

15 ПРОШУ СЛОВА! Приглашаем к дискуссии «ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ».

16 Илья ВАЙС. «ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ «БАГГИ».

17 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «ВОРОНЫЕ, РЫЖИЕ, ГНЕДЫЕ...».

18 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».

20 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

24 Олег ИГНАТЬЕВ. «АПОЛЛО» ИДЕТ В ЧУЖИЕ ВОДЫ». Документальная повесть.

28 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «СРЕДА ОБИТАНИЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена». 1981 г.

Но как-то особой гордости по поводу этого достижения никто не испытывал. Ведь до битвы с задержанными можно было просто не доводить. И это было действительно проще сделать. А вот поди ж ты! Почему же все-таки довели? Почему так долго никого не волновало расплодившиеся по путям стада задержанных? Считали: пусть голова у тех болит, кому за них отвечать положено? Считали. В последнее время что-то вообщем появилось много «узких специалистов», кого, кроме персональных обязанностей, ничто не волнует. Они из принципа ни о чем больше думать не желают. На мой взгляд, несимпатичный, непродуктивный принцип. К тому же, когда со стороны помочь требуется, о нем как бы забывают на время.

Была и еще причина. Уважительная ли, судите сами. Поговорите с любым железнодорожником, и он вам расскажет, как грузополучатели оставляют в вагонах огромное количество ценнейшей продукции, не утруждая себя добровольной выгрузкой. Вокруг станций зачастую скапливаются горы угля, леса, других материалов, выброшенных после очистки подвижного состава. Не знаешь, куда это забытое добро девать. И понимаешь, что происходит? Вдруг оказывается, что, глядя на лес, который заказчик не удосужился выгрузить, довольно легко, видя задержанный сверх всяких сроков вагон с таким же лесом, убедить себя, что ничего страшного не происходит. И наоборот, зная, сколько у тебя на путях скопилось задержанных, можно спокойно воспринимать горы пропадающего добра вокруг станции, — все мы грехи. Замкнутый круг.

Свои грехи заставляют с «пониманием» относиться к грехам чужим. Чужие — не переживать о своих. И выходит, уже не ты сам, а они выбрали тебе позицию в том или ином деле. А ведь это унизительно.

Вот почему я считаю: рвать такой круг надо. И начинать тут не с других следует, а с себя.

Второй год мы регулярно побеждаем в социалистическом соревновании. Радуемся победам, но... Ведь соревнуемся, по сути, только со сменой № 2, остальные привычно сзади. Как-то даже обидно за них. И помочь мы готовы: накопленный в смене опыт ни от кого не скрывается. И все же...

Не раз мы говорили об этом между собой, но так ни на чём не остановились. А вот пришлось мне несколько раз выйти на работу в отстающих сменах — ситуация так складывалась, — вроде бы кое-что понял.

По-моему, многих в этих сменах тормозят инерция того, начального, периода реконструкции, неверия в дело. Уже слишком долго они выжидали. Даром такое не проходит. Вот многие до сих пор и воспринимают новую технологию словно по принуждению, как навязанную им. Равнодушно, без интереса. И дело на такой подход отвечает.

Но ведь и сейчас есть куда идти. То, чего мы добились, вовсе не предел. К тому же горка и дальше будет оснащаться новейшим оборудованием. Смогут ли те, кто пока отстает, догнать лучших или будут так же передвигаться следом? Не знаю. Знаю только, что выбирать им нужно сейчас. Потому что в жизни мы обычно оказываемся на позициях, заранее подготовленных. И чтобы действительно перемянить позицию, надо, чтобы сначала перемены произошли внутри.

А для этого нужно уметь взглянуть на свое дело, не ограничиваясь рамками обязанностей. Ведь пассажиров, производственников, ожидающих срочный груз, интересуют не персональные достижения каждого из нас. Им важно не то, какую сумел развить скорость машинист на каком-то участке или как быстро пропустил какой-то диспетчер состав на станции. Им

нужно, чтобы каждый поезд приходил вовремя.

Вот почему в условиях нашего соревнования после одного из собраний появился новый пункт, согласно которому нарушение графика пассажирского поезда разом перечеркивает все остальные достижения. Поверьте, пункт серьезный. Ведь премия мы получаем за переработку грузового вагонопотока. И находятся диспетчеры, которые к пассажирским поездам относятся как к чему-то только мешающему работать, то есть зарабатывать премиальные очки. К сожалению, вопрос с пассажирскими поездами то поднимается волной во весь рост, то такой же волной откатится, выпадет из поля зрения. Наш пункт в условиях соревнования позволяет это колыхание утихомирить.

В работе с грузовыми поездами во главу угла поставлено формирование поездов повышенного веса и длины. Основной показатель, по которому определяется победитель среди маневровых бригад, — отношение числа тяжеловесов к общему числу сформированных поездов. Что это дало? За год наша смена отправила 670 поездов повышенного веса, в которых сверх нормы было перевезено 225 тысяч тонн грузов. Может быть, нагляднее будет так: для отправления их потребовалось бы сформировать 62 полновесных, полносоставных поезда.

Но формировать тяжеловесов можно еще больше. На последнем сменном собрании маневровый диспетчер Виктор Левандовский и дежурный по станции Сергей Пузач говорили о том, что рамки отделения для этого дела тесны. Надо как-то приниматься за ликвидацию разобщенности с соседними отделениями. Чтобы не возникало ситуаций, когда одна станция принимает удлиненный состав, а соседняя отказывается и состав приходится дробить.

Все ближе был день открытия XXVI съезда КПСС. Комсомольско-молодежная смена нашей дороги двигалась навстречу съезду под лозунгом «Комсомольско-молодежному маршруту — ритм, скорость, качество!». Инициативу смены поддержал весь 19-тысячный отряд молодых железнодорожников, из которых 11 тысяч — комсомольцы. Шел напряженный поиск резервов увеличения веса и скорости движения поездов, сокращения простое подвижного состава, вы свобождения его для дополнительных перевозок. Только вся наша сквозная комсомольско-молодежная смена обязалась отправить дополнительно к плану 5 миллионов 900 тысяч тонн народнохозяйственных грузов. Высвободить за счет ускоренной переработки составов 26 тысяч вагонов.

Ритм. Скорость. Качество. За ними живые конкретные люди. Их воля, желание, энергия. За ними инициатива комсомольско-молодежной смены Ждановского отделения, возглавляемой Валерием Купцовым, которая обратилась к руководству дороги с просьбой повысить им нормы участковой и технической скоростей. Почин комсомольцев из Дебальцево — «От стыка до станции погрузки плюс 100 километров к заданной скорости!». Рекордные тяжеловесы комсомольско-молодежной колонны Чурнова из депо Родаково. Рационализаторские предложения бригады по обслуживанию технологической оснастки вагонного депо Красноармейска, руководимой Владимиром Чухно.

За ними активная жизненная позиция еще многих и многих ребят дороги. Это выигрышная позиция. От нее выигрывают дело, государство, люди, для которых мы работаем. Это выигрышная позиция и для нас самих. Потому что она глубоко нравственна. Потому что дает полное право чувствовать себя человеком, занимающим достойное место в нашей общей жизни.

Смена

Коллективный
критический анализ:
работа в тягость,
работа в радость

МЫСЛITЬ СЕРДЦЕМ

Виктор ШЕПЕЛЬ,
доктор философских наук,
профессор
Академии общественных наук
при ЦК КПСС

— Виктор Максимович, есть известная поговорка: «Сколько людей — столько и мнений». Наверное, точно так же можно сказать и «сколько людей — столько поступков». Я говорю о том, что в одной и той же ситуации действия людей могут быть прямо противоположными, а один и тот же жизненный факт может вызвать самые различные реакции. К примеру, в прошлом году на Калужском турбинном заводе я узнал, что один из лучших бригадиров, Виктор Чернов, перешел в отстающий цех и организовал новую комсомольско-молодежную бригаду. Отнеслись к этому по-разному: одни одобряли Чернова, вторые недоумевали, третьи подозревали какого-то подвоха. Почему кто-то ищет где полегче, кто-то, наоборот, где труднее, и почему оценивают это неодинаково?

— Действительно, как уловить в многогранной, многоликий жизни причины человеческих поступков? Хотя все люди неравнозначны, но есть в их поведении общее, определяющее начало. Психологи объясняют это духовным складом личности, ее мировоззренческими позициями. Мне думается, этого объяснения недостаточно. Дело не только в мировоззрении!

Вспомним слова Спинозы: «Обдумывая человеческие поступки, я всегда начинал не с того, чтобы смеяться, скрбеть или порицать, а с того, чтобы понять». В слове «понять» — широкий смысл, так как причин поступков очень много.

Психологический механизм человеческого познания социальной жизни условно можно представить в виде блоков: первый — практическое сознание, второй — теоретическое. Что такое практическое сознание? Оно формируется как результат личных впечатлений и простейших суждений, отражающих наиболее близкие потребности и интересы человека. Теоретическое сознание — сложившиеся понятия и суждения личности, достигнутые на основе оценки полученной информации.

К сожалению, занимаясь воспитанием людей, мы нередко как бы забегаем вперед, делая акцент на второй блок сознания, то есть убеждаем их делать и думать так, как нам нужно, а они в силу природных закономерностей познания делают так, как им хочется или может. Поэтому действия Чернова, перешагнувшего осознание своих близких потребностей и интересов, некоторым людям просто непонятны. О возможности подобного восприятия в свое время Герцен писал: «Люди думают, что достаточно доказать истину, как математическую теорему, чтобы ее приняли; что достаточно самому поверить, чтобы другие поверили. Выходит совсем иное: одни говорят одно, а другие слушают их и понимают другое, оттого, что их развитие разное». Вот мы и

дошли до причин неодинакости поступков и суждений — оно в разности социальной зрелости людей, в уровнях развития их сознания.

Двадцать пятый съезд партии подчеркнул важность комплексного подхода к воспитательной работе: это ориентирует на предметное познание природы человеческой психики и тех ее механизмов, которые определяют социальное поведение. Наряду с обогащением теоретического сознания человека — дачи определенных знаний — надо учитывать его потребности и интересы, личностные возможности познания и, исходя из этого, направленно формировать его практическое сознание. В тесной взаимосвязи этих двух блоков сознания — гарантия определенности поведения людей, единства их слова и дела.

Мировоззрение — это компас для человека. Без него он беспомощен в жизни. Но подчеркнем, что мировоззрение — это система взглядов и убеждений. Однако нам недостаточно, чтобы человек умел правильно мыслить. Очень важно, чтобы он умел мыслить сердцем. При таком умении и возможно решение на самом серьезном уровне проблемы формирования его активной жизненной позиции. Такая позиция — не только подтверждение его знаний. Это проявление органической взаимосвязи знаний и чувств, определенность поведения личности.

И прежде всего это относится к молодежи, к организации ее воспитания.

— Что значит «мыслить сердцем»?

— Иногда у нас нет времени, чтобы спокойно подумать, взвесить, как поступить в том или ином случае. Часто ситуация требует мгновенной реакции: когда восстать против нечестности, когда поддержать хорошее дело. В таких случаях надо чувствовать, что называется, «нутром», а рассудочная или оценочная позиция может оказаться плохим советчиком.

При современном огромном наплыве информации, повышении спроса на умственные усилия человека в профессиональной деятельности в большом напряжении оказывается интеллект людей и в дефиците находятся эмоции и чувства. Более того, рациональный стиль воспитания стал характерен для семейного и школьного. Неудивительно, что дети и молодые люди умеют неплохо соображать, но не всегда способны проявить чуткость по отношению к старшим, грубоваты друг с другом. Вырастая, они порой еще более усугубляют свою эмоциональную ущербность. Исследования свидетельствуют, что сегодня около 80 процентов конфликтов в трудовых коллективах происходят из-за непонимания людьми друг друга, неумения войти в положение другого, поставить себя на его место.

Наши эмоции и чувства — огромное общественное достояние. Умение вызывать в человеке высшие чувства — необходимое условие воспитательной работы. И не только положительные эмоции. Не нужно, даже вредно ограждать человека от отрицательных переживаний. Они необходимы: мозг, наша нервная система нуждаются в напряжении, тренировке, закаливании в такой же степени, как мышцы.

Жизнь нередко предлагает возможность испытать свои нравственные силы. Но иногда бывает, что из-за пассивной позиции приникается, дискредитируется даже благородное дело. На одном тракторном заводе объявили комсомольско-молодежный субботник. Фактически же вместо субботника собрали с рабочих... по три рубля. Наверное, по отчетам все это выглядело как действительно проведенный рабочий день, на самом же деле представляло извращение идеи. Как такие действия выглядели в глазах рабочих, какой воспитательный эффект произвели? Нетрудно представить... Хуже всего то, что рабочие эти деньги вносили. Поступать, как все, не значит поступать хорошо. Многое здесь зависело от личности? Очень. Найдись человек решительный, способный открыто выступить против явного обмана — и подобного могло не случиться.

— Это особенно влияет на молодежь, тем более на подростков.

— Низкая моральная сопротивляемость негативным сторонам жизни — это вовсе не свидетельство наличия каких-то дурных качеств у молодого человека. Возьмем такой период его жизни, как 14–18 лет. Это период бурного роста самосознания, начала активной социальной деятельности. И этому периоду присущи многие противоречивые моменты. Например, подростки пытаются предвосхитить свое будущее, не задумываясь о средствах его достижения; их образы будущего отличаются тем, что зачастую они ориентированы на результат, а не на процесс его достижения. В этот период становления личности возможно противопоставление личных ожиданий общественному долгу. Как правило, из этого проистекает ранний скепсис, разочарование, вовлекающее ребят в активную трудовую деятельность.

Но это не должно быть «игрой в труд». Эффективное воспитание возможно только там, где школьные трудовые объединения действуют по взрослому принципу: самостоятельность, хозрасчет, рентабельность. Так это делается, например, в шестнадцатой школе Жигулевска. Здесь школьные мастерские — настоящие предприятия, выпускающие радиоаппаратуру на 200 тысяч рублей в год. Обычные школьные уроки превратились в школу труда, школу жизни.

Конечно, прежде чем требовать от личности, надо ей многое дать. Человек ведь не рождается плохим или хорошим — он таким становится, это общепринятая истинка. Как же его следует развивать правильно, помочь выработать сопротивление негативному, верность идеалам? По Марксу, чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который собираешься воздействовать. Недостаточность этих знаний у тех, кто занимается воспитанием молодежи, и объясняет трудности, с которыми сталкиваются родители, учителя, наставники при формировании жизненной позиции у молодежи. Ясно, чтобы лучшее в человеке проявилось полнее, это лучше надо развивать. Ошибочно предполагать, что наши общественные условия сами автоматически все сделают. Порой мы к современному молодому человеку подходим ста-

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

тично, не видя динамичности его развития. Да и сами средства воспитания не всегда соответствуют тому человеческому материалу, на который они выходят.

Но особенно хотелось подчеркнуть тот факт, что мы консервативны по отношению к человеку: мы предъявляем ему требования, не учитывая зачастую качественные изменения, происходящие в его психологии.

— Что это за изменения и чем они вызваны?

— Есть целый ряд существенных факторов.

Первый: резкое возрастание темпов научно-технического развития общества, которое обуславливает частоту психической переадаптации людей. По данным ЮНЕСКО, лет двадцать назад человек мог однажды получить специальность — и работать по ней всю жизнь. Теперь ему приходится в процессе трудовой деятельности раз пять-шесть переучиваться. Так возникает проблема быстрой накапливаемости информации и выхода ее на человека, неустойчивость его динамических и оценочных стереотипов.

Второй фактор: непрерывное уменьшение форм непосредственного общения. Мы все больше пользуемся его техническими заменителями — телевизором, телефоном, радио. В гости ходим в основном на дни рождения и праздники; почти отучились писать письма — обстоятельные и откровенные. После работы быстренько разбегаемся по домам. А ведь богатство личности — это богатство ее общественных отношений. Разобщенность людей, замкнутость в своих квартирах неизбежно сужают круг интересов, мыслей, чувств, а стало быть, затрудняют воспитание нашей активной жизненной позиции.

И третий фактор — это сокращение прямых контактов с природой, животным миром. Еще с детства мы пресекаем эмоциональные порывы ребенка: собаку нельзя; кошку нельзя; с рыбками много хлопот...

Все это не может негативно не сказать на психологическом складе современной личности. Как мы видим, все большую нагрузку получает рациональная сфера, а в дефиците — эмоциональная. В итоге у нас много умных, начитанных людей, но не хватает чутких, лирических, если хотите. Симбиоз этих качеств делает личность наиболее привлекательной, более способной к проявлению достойной активной жизненной позиции.

— Видимо, надо сказать и о том, что активность активности рождается...

— Конечно, если не умеешь мучиться, переживать за товарищей и дело, понимать горе других, — это уже жизненная позиция эгоиста. У буржуазного предпринимателя, кстати, весьма активная жизненная позиция, но ее направленность и характер противоположны нашей. Мы вкладываем в нее идеально-нравственный смысл — активность по достижению наших социальных идеалов.

Скажут: но ведь и у нас активность порой проявляется, допустим, только в приобретении личных вещей.

В самом таком стремлении еще нет плохого. Приобретайте вещи на здоровье, но смотрите дальше их, пусть они не будут целью, а только сопутствующим моментом. Молодежь иногда упрекают в стремлении модно одеться. Я не вижу тут повода для упрека: естественно, человек должен внешне выглядеть современно. Но у некоторых вся жизненная цель сводится к тому, чтобы любой ценой достичь что-то модное из одежды. На этом и мелькает человек... Время проходит, а ему не на что оглянуться в прошлом. Если так случается — до чего же пустой и тоскливой становится его жизнь!

— Иначе говоря, справедливы утверждения некоторых людей старшего поколения о том, что нынешняя молодежь «не та» пошла по сравнению с прежней?

— Нет, я бы этого не сказал. Внутренняя ориентация молодого человека адекватна духу нашего времени, социально здорова. Это иллюстрируют, например, данные обширного исследования социолога Р. Гуревой. Было проведено обследование 15 тысяч школьников разных стран. На вопрос, что они больше всего ценят в жизни, французские школьники на первое место поставили здоровье, американские — деньги, советские — чистую совесть.

Вместе с тем надо откровенно сказать, что, хотя жить мы стали лучше, благополучнее, в чем-то это сказывается и отрицательно на формировании молодежи. Раньше таковы были условия жизни, что различные трудности, нехватки как бы сами являлись мощным воспитателем; активная жизненная

позиция выражалась в преодолении их, в протесте против несправедливости. Хорошо, конечно, что мы живем в иных условиях, но для формирования личности относительный покой опасен. Личность рождается в борьбе, в столкновениях, в преодолении трудностей.

Составным элементом жизненной позиции молодого человека является «идеологический иммунитет», органическое неприятие чужого нашим идеалам. Весь социалистический образ жизни порождает этот иммунитет — можно сказать, он впитывается с молоком матери. Однако, считая это в порядке вещей, мы упускаем из виду, что «идеологический иммунитет» нуждается в закреплении, в постоянном побуждении. Надо всячески оберегать его от разворачивающего воздействия.

— А если конкретно? Кто должен отвечать за несостоявшуюся личность, зря растроченное время, измельчание помыслов?

— Я убежден, что давно пора прекратить споры о том, кто больше отвечает за воспитание человека — школа, семья или общество. Семья — у истоков становления личности, а непосредственность семейных отношений дает наибольший воспитательный эффект. И кто, как не родители, больше всех заинтересованы в детях? Нравственная позиция родителей ежедневно, ежесекундно пропускает в конкретных поступках и суждениях — именно это воспитывает ребенка, а не «воспитательные беседы». Вот отец внушает сыну, что врать, красть нехорошо, а на другой день приносит с работы нужную в хозяйстве вещь. И сын наглядно усваивает: красть можно, нельзя попадаться...

К слову сказать, нас не может не беспокоить рост мелких хищений на предприятиях, приносящих огромный материальный и моральный ущерб. никакими административными мерами с такими явлениями не справиться, пока в каждом трудовом коллективе не будет острой реакции на них. Ведь всегда кто-то видит, знает. Но молчит! Исследования показали, что только 15 процентов мелких хищений пресекается самими рабочими.

— Чаще всего явления, о которых вы говорите, происходят там, где люди не объединены одной целью, работают каждый сам для себя. Наверное, не случайно индивидуальная сдельщина породила такую вещь, как амбарный замок на рабочей тумбочке — символ недоверия к окружающим...

— А «замок» на душе? Это же еще хуже... Вы помните, какое значение Ленин придавал личной заинтересованности в труде. Он говорил не о той заинтересованности, когда рабочий далее своего станка, своего кармана ничего не видит. Человек должен быть лично заинтересован в общем деле — только на такой психологической основе успешно вживаются в сознание идеально-нравственные критерии отношения к труду. Опыт бригадного подряда еще раз подтверждает верность ленинских положений. У «подрядчиков» повышается социальная активность, они в большей степени чувствуют себя хозяевами, ответственными не только за свои победы и упущения, но и других работников. По своей сути бригадная форма труда дает наилучшие условия для воспитания колLECTIVизма.

Кстати, идея работы на единый наряд родилась давно: это было в годы войны на Уралмашзаводе, когда токарь П. К. Спехов создал бригаду из своих учеников-подростков. Здесь соединялась помощь в освоении профессии, моральная и материальная поддержка молодых ребят. В этом наиболее ощущаемое единство экономики и морали.

Важнейшей задачей комсомола становится его инициатива в развитии новых, прогрессивных методов организации труда, так как они способствуют формированию нового человека, появлению личностей ярких, активных.

— До сих пор мы говорили о влиянии на человека извне. Но ведь он не пассивная «губка», которая только все впитывает — и хорошее и плохое.

— Развитие личности как характера прямо пропорционально развитию в ней самостоятельности — то есть способности твердо стоять на собственных ногах. Эти слова Плеханова будут справедливы всегда. Я уже сказал, что раньше самостоятельности активно учила сама жизнь. Нынешние условия благоприятны и в экономическом и в духовном плане. Однако трудности, столкновения, борьба не исчезли вообще — они видоизменились. Нет социальной несправедливости, но есть несправедливость во взаимоотношениях, замаскированная черствость, притворная забота о человеке. И бороться с этим весьма сложно... Теперь необходимо быть активно деятельным в достижении более высоких ступеней социального прогресса. Несамо-

стоятельный человек на такое не способен. А самостоятельность развивается при одном непрерывном условии: самовоспитании, самохочении быть личностью. Никакие педагоги, наставники не дадут человеку то, что он должен дать сам себе. И еще — постоянный самоанализ. Только тогда реально говорить о воспитании нашего внутреннего судьи — совести, опорного пункта активной жизненной позиции. Каждая победа над собой, своими инстинктами, слабостью — победа личности, залог ее будущих успехов.

В жизни каждого из нас может возникнуть такая ситуация, когда не окажется поддержки со стороны. И надо будет самому отстаивать, доказывать, бороться. Поэтому никогда и ни в чем нельзя отступать, если считаешь себя правым, не идти на компромисс с совестью: ладно, в мелочах я отступлю, зато в главном буду тверд. С мелочей-то все и начинается. Преодоление их я бы назвал психогимнастикой, которая должна присутствовать в повседневной жизни молодого человека. Такой тренажер наиболее активно формирует волю — тот самый компонент психического склада каждого из нас, который играет чрезвычайно важную роль в утверждении активной жизненной позиции человека.

Разум, чувство, воля. Их диалектическое единство создает психологическую основу для проявления активной жизненной позиции человеком.

— Если попробовать обобщить, в чем проявляется эта активность?

— В устойчивости линии поведения, определенности взглядов, оценок и действий. Своебразный оселок, на котором все это проверяется, — это отношение человека к труду. Второй «оселок» — отношение к людям. Третий — отношение к природе.

Самое что ни на есть конкретное проявление жизненной позиции рабочего человека — это трудовое обязательство. Здесь он предлагает то, что может дать производству, людям сверх обычного, сверх установленного. Так должно быть в принципе. Но на практике нередко сталкиваешься с тем, что в своих обязательствах работник лишь подтверждает то, что и так обязан делать: выполнять норму, не опаздывать на работу, не нарушать дисциплину. Обычное объяснение: принесли, мол, бумагу, я и подписал, вреда-то от этого нет. Есть, и еще какой! Конечно, можно и нужно критиковать за такую практику товарищей, готовящих обязательства «под копирку». Но тут речь о другом. О самом человеке, безропотно относящемся к заготовленной бумаге. Ведь это — обыкновенное равнодушие, антипод активной жизненной позиции.

...Мы по праву гордимся достижениями развитого социализма. Но мы все больше заинтересованы в активном проявлении идеально-нравственного потенциала нашего общества, потому и говорим о том, что тормозит его проявление. В этой связи формирование активности жизненной позиции — одна из ключевых проблем воспитания. Накануне XXVI съезда партии эта задача приобрела еще большую актуальность.

В дни подготовки к съезду с необычайной силой ощущаешь массовую активность людей, массовый трудовой порыв. Почти каждый день узнаем о новых патриотических починках, читаем в газетах рапорты о выполнении предсезонных трудовых обязательств. Это массовые коллективные почины, коллективные рапорты. Николаевские корабельщики отмечали каждый день наивысшей производительностью труда; прибрежники объединения «Светлана» выступили с инициативой обеспечить весь прирост продукции без увеличения численности рабочих.

Новую инициативу, творческую активность молодежи вызывала Всесоюзная эстафета комсомольских дел. В Москве, Ленинграде, Перми, на Украине широкое развитие получила практика Ленинских заданий комсомольским организациям, тесно связанных с конкретными целями трудовых коллективов. Молодежные бригады горьковского объединения «Красное Сормово» — инициаторы соревнования за право присвоения по итогам эстафеты звания бригады имени XXVI съезда КПСС... Тысячи коллективов приходят к съезду с самыми высокими достижениями. Но за коллективными починами, рапортами в адрес съезда стоят личности, из которых складывается трудовой коллектив. И если один сработал плохо — уже нельзя говорить, что весь коллектив трудится отлично. Такова цена нашей личной, профессиональной и гражданской зрелости. Хотелось бы, чтобы трудовой энтузиазм этих последних месяцев стал нормой каждого дня новой пятилетки. Активная жизненная позиция — вот что возвышает личность. От того, насколько мы будем социально активны сегодня, зависит наше будущее.

Беседу вели Владимир НИКОЛАЕВ.

ХХХар исходит из недр горы металла. Словно у печи, грекутся возле нее рабочие. Весна холодная, и даже копровщики замерзают, хотя у них-то работа самая горячая—резать металлом для шихты.

Илья Степанович Клец медленно идет по двору копрового цеха. Сапоги у него с большими раструбами. И походка, как у рыбака в шторм.

— Погрузил наш Степаныч,—говорит главный инженер СУ-115 треста «Донбассстальконструкция» В. З. Шанинов.—Раньше, бывало, как белка, на верхтуре. Легок был. Сейчас редко поднимается. Да и незачем лезть ему «на отметки», проверять то не надо, бригада классная. А работы хватает и на земле.

Илья Степанович подходит к нам, здоровается:

— Видишь, какие порядки, Владимир Захарович, много приходится металла таскать на себе. Это не годится.

— С такими орлами,—пробует шутить главный,—весь цех перетащить можно.

— Не годится,—настаивает на своем Клец,—ты это обдумай.

— Все будет в порядке, ведь ты меня знаешь,—успокаивает Шанинов,—все сделаем. Ну, а теперь вот с тобой о сыне хотят поговорить.

же мой-то? Начальство у него крепкое. Емельян Данилович Кашик старой закваски монтажник, справедливый человек, обидеть не мог. Деньги? Если что, я подсобить могу.

— Не гадай, отец.—(Ишь ты, догадался, о чем думают):—Я просто хочу уйти, новую жизнь начать, понимаешь? Женился, нужна перемена.

Я задумался. Учуял сразу, легкомыслie это. То самое, которое может в один миг жизнь сломать. В чем-то еще не дозрел сын, в чем-то не понял свою профессию. Рубит сплечу.

— Так не годится, Петр. Подумай еще, ведь ты природенный монтажник.

Сын долго молчал, и я понял: не надо давить, пусть сам разберется хорошенько. Главное—я его заставил задуматься.

«Природенный монтажник»,—это я сказал не с бухты-барахты. Слова эти имели под собой основание.

Всю жизнь мы прожили в ведомственных домах, где соседями были мои товарищи по бригаде, коллеги по работе. Разумеется, и друзья у Петра—сыновья монтажников. Конечно, дело не только в атмосфере, в которой воспитывался Петр, ведь старший все-таки пошел во врачи. Когда Петр был еще школьником, Виктор, старший, хотел обратить его в свою веру—записал в кружок «Юный медик». Но хватило Петра всего на несколько занятий. А на стройку с удовольствием ходил. Я почувствовал: можно к монтажу приучить. Ну и приучил. Отдал в бригаду Кашика. Сначала, конечно, Петр работал

СМЕНА

Коллективный
критический анализ:
работа в тягость,
работа в радость

представлял собой особый тип монтажника-умельца, был главным образом «ручником». В нем все словно было создано для точности. Но и высотник знатный. Чем выше работал, тем свободнее себя чувствовал. Вот он и рассказал, а вернее, показал мне, что такое высотный монтаж.

Техники тогда было мало, из самой мощной—знаменитый трофейный кран «Деррик», который передвигался по рельсам с помощью лебедок. Он закреплялся вантами, в землю мы закапывали якоря. Благодаря этому крану мы могли, например, на строительстве дробильной фабрики работать и на 45-метровой высоте, а это по тем временам кое-что да значило.

Если я начну сейчас вспоминать все объекты, на которых довелось поработать, то, наверное, запутаюсь. Было много мелкой работы, но были стройки значительные. Вот, например, мост через нашу удивительную (особенно в паводок) реку Кальмиус. Этот мост и сейчас стоит, и ничего ему не делается. Строили мы его методом надвижки, тогда это для монтажников было в диковинку. Мост мы собирали быстро...

Может быть, решение уйти у Петра было вызвано

ОТЦОВСКОЕ СЫНОВНИЕ

Острый испытывающий взгляд в мою сторону.

— О сын? Не похоже, чтобы что-то натворил, он у меня спокойный.

— Да, спокойный, Степаныч, не волнуйся. Нужен он для разговора и ты нужен.

В бытовке Илья Степанович тщательно, словно хирург инструменты, разложил на столе руки. «Основательный, очень основательный человек»,—подумалось. Интересно, что же он скажет о сыне, какая, скажем, будет первая фраза. В тресте многие говорили мне: «Держит Петра в ежовых руках». Знал я и другое: сын сам напросился в бригаду к отцу.

— Ну что сказать? Сын у меня хороший.

О сыне он говорил неторопливо, подбирая слово за словом. Когда я встретился с Клецем-младшим, то Петр так же умно и спокойно рассказывал об отце. Сравнивал с другими, не менее именитыми бригадирами. Он как бы «доказывал» мне отца. Это была не слепая любовь, не задавленность авторитетом, а именно знание. Верно,шло это с далеких лет детства, с того по-детски гордого «А знаешь, кто мой отец?» к зрелому: «Это мой отец». Тогда подумалось: лучше самих Клеца-старшего и Клеца-младшего о них никто не расскажет.

ОТЕЦ. УТРЕННИЙ РАЗГОВОР

Люблю я эти часы. Город еще спит, а мы, предранние, уже ритм рабочий набрали—живем. Детей учил, можно сказать, с пеленок вставать с первыми петухами. Жить большие будешь, да и дисциплинирует... Вот наступил момент, когда мы вместе с Петром на работу собирались стали, в одну бригаду. Пришел из армии, погулял немного, потом задумал жениться. Ну что ж, дело молодое, сыграли свадьбу, стали вместе жить. Но что-то ломало Петра, это я видел.

И вот одним утром сидим мы на кухоньке за завтраком. Петр молчит, только вилкой елозит по тарелке.

— Что нудишься, Петя?—не выдерживаю.—Что сказать хочешь?

— А то, отец, что решил я расстаться с монтажом.

Я не удивился этим его словам. У каждого молодого, проработавшего по одной специальности несколько лет, наступает вот такой кризис. Причины здесь могут быть разными: кого не устраивает заработка, кого начальство, а кто просто устал. Что

учеником—второй разряд. Но быстро получил и третий. Кашик Емельян Данилович тридцать два года в управлении, человек признанный, передовик. Он у меня, когда я прорабом был, в бригаде работал... Так получилось, приехал я с курсов из Москвы, тогда строили вторую домину на Донецком металлургическом заводе, попросили на пару месяцев сменить робу монтажника на костюм прораба. Ну, я и дал согласие. А Кашик занял бригадирское место. Я прорабом не два месяца, а целых 13 лет отработил, а Кашик бригадирствует и по сей день. Говорю это для того, чтобы подчеркнуть: отдавал я сына человеку, которого хорошо знал. А Емельян Данилович—с характером. Жесткий, слово у него—закон. Будешь работать—покажу, расскажу, не будешь—лишний. Потому я и отдал Петра в эту бригаду: хотелось, чтобы сразу закалку настоящую монтажную прошел. Так и сказал Кашику и потом не раз ему говорил (мы соседи, в одном доме жили): «Спрос с сына у тебя должен быть особым; мне важно, чтобы он профессию нашу до дна узнал, как теневые, так и солнечные стороны».

Ну и, конечно же (сын об этом только догадывался), едва ли не каждый день спрашивал у Кашика, как прорабаются дела.

Он одинаково отвечал:

— Деру восемь шкур, будет добрый монтажник. «Верха» не боится, руки ловкие, голова понятливая.

Ну, я, разумеется, таким ответом только радовался. И вдруг этот разговор...

Всегда, когда я в чем-то не понимаю сына, стараюсь вспомнить себя в этом возрасте, в подобных ситуациях.

Было ли со мной такое, что я хотел уйти с монтажа? Трудно сейчас сказать—не помню. А раз не помню, значит, серьезного следа не оставил во мне. Значит, не было. Окончил ФЗУ по четвертому разряду, через месяц уже был пятый. Возможно, —так как быстро «пошел», потому что любил высотный монтаж. У нас даже была специальная группа монтажников-верхолазов. И тогда такой монтаж особенно ценился. От высотника требовалась воля, мужество, умение. Это была особо строгая школа, и я благодарен, что прошел ее.

Донецк после войны представлял собой груду развалин; торчали, словно остины печей, терриконы. Первым «восстановительным» объектом у меня был Новотроицкий рудник, дробильная фабрика. Первый мой учитель—Семен Ермолаевич Шубочкин. Сейчас таких людей встретишь редко. Он

еще и этим: он пока не работал на крупных стройках, где и методы, и организация, и дух работы совсем иные, нежели на небольших объектах.

Так я и сказал сыну, когда вечером мы снова завели разговор об уходе.

— Хорошо, отец,—пообещал он,—я подумаю.

СЫН. ВЫБОР ЦЕЛИ

В бытовке жарко, печь шпарит так, что кажется, ты на верхней полке парилки. Я расстегиваю бушлат, вытягиваю ноги. Сегодня тяжелый день. Не потому, что много работы или сложна она; наоборот, совершенно не сложная, нудная—доделывать за завод, который прислал бракованные конструкции. С утра проворачиваю отверстия в форме. Вишку в люльке с резаком и дырявлю металл. Такую работу не люблю.

Сейчас обед, а есть не хочется. Смотрю, как аппетитно уплетает Молдаван строганый жареный картофель и котлеты по-киевски. Богатырь: поработал на славу и нагулял зверский аппетит.

Володя сегодня не в духе. На работу не явился новенький—Дмитрий. Это ЧП. Один раз он отпросился, ему поверили, второй раз уже прогуливает по-настоящему. Не быть ему в нашей бригаде. Молдаван утром так и сказал: «Все». Если бы Дмитрий (он мне, к слову, сразу не понравился) был совсем молодым, ему бы объяснили, что и почему. А тридцатилетнему что объяснять? Дима стал понятным с первых шагов, видел одно—заработка. Если это становится главным, не быть тебе рабочим. Вот мы сейчас сидим на неденежной работе, и что? Не делать ее? Кто же сделает за тебя?

— Ты «деду» все рассказал?—спрашивает Молдаван.

«Дедом» называют отца. Эта кличка давно ходит за ним по стройкам; в ней тоуважение, которое и старые и молодые монтажники к нему испытывают.

Да, отец в курсе всех наших дел. Бригада разбита сейчас на два звена: одно на реконструкции копрового цеха металлургического завода, второе здесь, на строительстве административного здания. Отец у нас бывает наездами, но дома все выспрашивает, как идут дела. Молдаван, хотя и молодой, опытнейший монтажник, уже работал бригадиром. Впрочем, наша бригада, если можно так сказать, «команда звезд». Тут собрались специалисты высочайшей квалификации, многие из них сами руководили

бригадами. Как отцу удается собрать таких людей? Секрет тут, кажется, прост: они идут к нему сами. Идут, потому что знают отца. Знают отца, потому что он, коммунист, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, известен среди монтажников. Известен, потому что хорошо работает. Ну а как расшифровать это «хорошо работает»? Это уже сложно. У отца своя система работы; я познавал ее на себе, и если стал монтажником, то, конечно же, благодаря отцу.

Я не хотел становиться монтажником. Летчик — вот, казалось мне, достойнейшая из профессий. И я готовил себя к ней. Занимался активно спортом — фехтованием. Занимался увлеченно, хотя и понимал, что спорт не будет главным в жизни. И все же летчиком не стал. Из-за монтажа. Летчик — высота, и монтажник — это высота. А когда я увидел отца в деле, когда несколько раз побывал на его объектах, понял: это — мое.

Мое вот по какой причине: я люблю благородный риск, когда человек работает в крайне сложных условиях и от него требуется максимум умения, воли. Ведь есть профессии, где хватает сложности, но нет вот этого будоражащего благородного риска. Значит, человек проявляет себя не полностью, всего лишь частично. На такое я не согласен. Работа, так считаю, — это полная отдача себя. Теперь я понимаю, что не ошибся, выбрав монтаж.

Отец отдал меня в бригаду Кашика и, наверное, правильно сделал. Это совершенно неистовый в работе человек. Вулкан, который все время извергается. И те, кто находится в поле его деятельности, невольно попадают в зону высокого напряжения. У Емельяна Даниловича я был единственным учеником в бригаде, и меня активно «осваивали». Учение шло быстро. Я уже до армии имел четвертый разряд, но, честно говоря, не считал себя классным монтажником.

Кашик — атакующий, как я его называл, монтажник. Он ведет за собой всех, и это качество, откровенно, мне не очень нравилось в нем. Ведь если бригадир все берет на себя, значит, все остальные — просто исполнители. До определенного момента и я был согласен на такую роль, но а потом... Потом, и это вполне естественно, захотелось самостоительности. Творческая работа — это в первую очередь самостоятельность. Если будешь только слепо выполнять кем-то найденное, никогда не сможешь сказать свое слово.

Отец никогда не ставит себя выше, изолированно от других. Его первая встреча с человеком, первое знакомство — это сразу и первое доверие: «А ну покажи, на что способен».

Меня многие отговаривали: не иди к отцу, у тебя там будет особое положение. «Ну какое особое положение, — думал я, — отец просто будет строго спрашивать». И это подтвердилось еще задолго до того, как я пришел в его бригаду. Нас бросили на строительство станции техобслуживания монтировать покрытие из профилирующего листа. Так случилось, что бригады Кашика и отца работали рядом. Отец редко видел меня в деле, хотя иногда и заглядывал на наши объекты. Но так долго мы вместе раньше не работали. Он не скрывал, что ему интересно посмотреть, кем же я стал. И вот в шутку он вызвал меня на соревнование (и всю нашу бригаду также).

— А ну покажи, сынок, чему выучился.

Делали мы одну работу, поэтому было легко сравнивать, кто и что успел. Отец, как жнец в поле, работал неторопливо, движения его были равномерными, я бы даже сказал, замедленными. Но он опередил всех и, разумеется, меня в том числе, хотя ему приходилось часто отлучаться по бригадным делам. Это было настоящее мастерство. Что я еще тогда заметил: монтажники его бригады были разбиты на пары, каждая из которых трудилась на определенном участке и вроде бы не была связана никак с остальными. Но это была лишь видимость: пары хорошо увязывались, видна была слаженность, коллективность труда.

Отец похвалил меня:

— Сноровка есть, и, главное, к монтажу готовишься, не просто лезешь на высоту.

Для меня это была высшая похвала.

Отец часто дома работает: что-то рассчитывает в своем домашнем блокноте, читает техническую литературу. Блокнот у него удивительный: как-то я заглянул в него и ничего не мог разобрать. Сплошные цифры, иногда рисунки. Все это, как он говорит, его «высшая математика». Так он рассчитывает работу бригады, и каждая цифра не просто цифра — целое понятие. Блокнот довольно толстый, и отец никогда с ним не расстается, чтобы в любой момент можно было что-нибудь поправить или записать.

Однажды в этом блокноте я увидел свое имя; наверное, отец что-то вычислял по поводу моей личности.

Когда я решил перейти в его бригаду, отец сказал мне:

— Учи, Петр, я жесткий человек на работе.

— Знаю, — улыбнулся я.

— Рано улыбаешься, я с тебя похлестче Данилыча спрашивать буду, может, еще пожалеешь, что к отцу пошел.

— Я видел твою бригаду в деле, ничего страшного, а работы я не боюсь.

— Ну, посмотрим.

На этом наш разговор был закончен. А вскоре мы уже вместе отправлялись на работу, брали общий «тормозок», ехали в одном трамвае. Правда, на этом наше «общее» кончалось. В бригаде я был как все. Отец формально ни к кому меня не прикреплял, но так получилось, что, как говорится, «совершенно случайно» я (потом узнал, что было не так) попал в руки уникального специалиста Бориса Тимофеевича Катакова.

ОТЕЦ. ВВЕРХ ПО ЛЕСТИЦЕ

Как-то Петр спросил меня:

— А почему ты, отец, ушел из прорабов, ведь работа чистая да и ценили тебя на этой должности?

Ответить на этот вопрос было нелегко. Действительно, долгое время я проработал прорабом, хотя и не имел специального образования. Тринадцать лет — срок немалый, за это время много сложнейших объектов было построено. Казалось, скжился и с должностью и со своим положением. И все-таки вернулся в бригады. Причин несколько. Главная — должность прораба все-таки перестала быть творческой. Много бумажной работы. У кого голос покрепче да характер покруче, тот часто и прав. И потом, я никогда не хотел «сделать карьеру», для меня этот вопрос просто не стоял. Некоторые почему-то считают, что быть бригадиром всю жизнь — значит остановиться в росте. Нет. Карьера по «вертикали» (когда рабочий становится ИТР и доходит до больших должностей) — не по мне. А бригадирство — что ж, наверное, я без этого уже не могу.

Признаюсь, вопрос сына меня несколько задел. А что он думает сам? Ведь и ему придется решать эту непростую проблему: оставаться монтажником или стать инженером? Петр много читает, библиотека у него интересная, я в ней сам «записан». И в технике разбирается, и характера ему не занимать. Об этом могу судить хотя бы по одному такому факту. Захотел он научиться рисовать. Вот так поставил перед собой такую цель. И через некоторое время гляжу: уже получается по клеточкам. А потом и без клеточек стал рисовать с натуры. С институтом дело оказалось посложнее. После бригадирских курсов начали разговор об институте. Кивает, соглашается, а не поступает.

— Что ж ты, сын, так и хочешь оставаться без образования? — спрашиваю.

— Да нет, отец. Образование я получаю — самообразованием. Но я хочу быть хорошим монтажником, как ты.

— Я не смог учиться, закончить институт или техникум, — говорю, — потому что время такое было, не до учебы, надо было хозяйство восстанавливать.

Кивает, соглашается. И все по-прежнему. Вот только недавно, после того как в бригаду пришел, всерьез засел за учебники. Поступил в институт, закончит, не обязательно идти в мастера или прорабы — никто не заставляет. Можно и монтажником с дипломом работать, нынче монтаж сложный пошел, без инженерных знаний порой не обойтись. Сколько встречал я (особенно на пусконаладке) инженеров в рабочей спецовке.

Когда он шел ко мне в коллектив, предупредил его:

— Должен лучше всех работать.

А как лучше, если тут сплошные «академики» монтажа? И все же можно. Ведь он новое поколение, должен и свое что-то дать профессии, должен во что бы то ни стало лучше нас работать, ведь таким, как он, продолжать дело наше, монтажное.

На первых порах ему было трудно, видел. Немного суетился, все хотел показать, что не хуже других. Как-то на высоте хотел немного полихичить. Я сказал: в моей бригаде наверху все ползком да с монтажными поясами. Настоящий монтаж начинается с техники безопасности. Немного, по-моему, обиделся. А вообще есть в нем наша закваска, все-таки не растерялся в бригаде. А легко было и потеряться. Многие не выдерживали, законы у нас жесткие.

Бригадиром работать очень интересно, и, если Петр станет им, буду рад за него. Если говорить о карьере, то хороший бригадир — большое достижение. Но авторитет здесь приобрести непросто.

Каждая бригада имеет свой характер, стиль рабо-

ты. У нас так: малейший сбой чувствуют все. А поскольку простоявать не привыкли, то бригадиру приходится нелегко. Надо и материалами обеспечить, и работой, и чертежи просмотреть, и план составить... Не все объекты равнозначны, не на всех можно показать одинаково высокую выработку. Случается, что по сравнению с предыдущей новая стройка — уже вчерашний день. А задача бригадира — даже на «сереньком» объекте — настроить бригаду на высокие показатели. Конечно, можно поступать проще: выбивать выгодные объемы. Но это противно моему характеру, никогда не ходил в просителях.

Монтажник на любой стройке должен уметь «показать себя», выполнить работы как можно быстрее и качественнее. На передовых стройках, разумеется, работать легче. За свою долгую жизнь монтажника я строил и в Липецке, и в Енакиево, и в Донецке... Тут домны, прокатные станы, коксохим-заводы, марганцовские печи, телевизионные вышки. На каждом из этих объектов было что-то свое, новое, но запомнились особо те, где организация была наилучшей. Это пока не часто встречается. В первую очередь хотелось бы назвать Никопольскую марганцевую обогатительную фабрику, телевизионную вышку в Донецке...

В Никополе за шесть месяцев мы смонтировали почти 4 тысячи кубических метров сборного железобетона, 1700 тонн металлоконструкций. Об отличной организации работ (никаких задержек с поставками, недоразумениями со смежниками) говорит тот факт, что ни разу бригада не задерживалась даже на минуту после смены. Для меня это серьезный показатель. Ведь когда строители «сидят» на объекте день и ночь, штурмуют, мешая друг другу работать, то ни о какой организации и речи быть не может. Здесь же все было расписано, словно по нотам. И первую телевизионную вышку в Донецке мы закончили за 8 месяцев, значительно опередив сроки.

На таких стройках можно многому научиться, многое узнать. Говорю это к тому, что моему сыну в этом смысле повезло: он успел поработать на интереснейшем объекте — строительстве электросталеплавильного цеха Донецкого металлургического завода имени В. И. Ленина. Это была Всесоюзная ударная комсомольская стройка, значение ее придавалось огромное. Это был главный объект для моей бригады за последние годы.

Здесь я, пожалуй, увидел, каким специалистом стал сын. Он трудился в паре с Катаковым; понимали друг друга с полуслова. У меня даже создалось впечатление, что они отдельный коллектив. Собственно, так оно и было: когда два человека, которым дана определенная работа, полностью сосредоточиваются на ней, стараются сделать ее наилучшим образом, то это уже хоть и маленький, но дееспособный коллектив. К паре Катаков — Клец-младший я так и относился. Задания им выдавал в общих чертах, редко проверял, не досаждал мелкой опекой. Дело у них спорилось, впрочем, как и у всей бригады.

Вскоре мы перешли на установку колонн. Здесь применили безвыверочный монтаж. Им, к сожалению, еще не так часто пользуются на наших стройках. И на это есть свои причины. Безвыверочный монтаж требует особо качественных конструкций. Малейший брак, и прекрасная идея гибнет на корню. А то, что метод этот прекрасен, подтвердила наша работа на сооружении главного корпуса.

Благодаря четкой организации и выработки была солидной — до 150 процентов: 610 килограммов конструкций приходилось на каждого монтажника, а это по тем временам был неплохой показатель. Монтаж закончили на полмесяца раньше срока.

Затем бригада перешла на склад сыпучих материалов. Здесь нам, по сути, никто не мешал, было минимум смежников. Можно было в полной мере показать свой класс.

СЫН. ПАСПОРТ БРИГАДЫ

Еще задолго до того, как начал работать у отца, я слышал это выражение «Отличный паспорт бригады Клеца». Поначалу было невдомек, что имелось в виду. Потом выяснилось.

Паспорт — документ, в котором как бы удостоверено: эта бригада может отлично выполнить какие-то работы, ей можно поручить такой-то сложности задания. Посмотрел в паспорт — и знаешь, с кем имеешь дело. Но такой документ может иметь не всякую бригаду.

Понятно, что я гордился «Отличным паспортом бригады Клеца». Но в то же время меня интересовало, как удалось отцу добиться столь высокого признания. Ведь просто хороших бригад много, но они, как правило, существуют недолго; закончился объект — и распался коллектив. У отца же наоборот: чем больше времени, тем крепче бригада. А ведь ему, когда он снова стал после проработки

бригадиром, дали малоквалифицированных специалистов. И он с ними работал, пока не создал бригаду, костяк которой трудится и сейчас. К отцу шли люди, сами проработавшие бригадирами. Шли к «Степанычу», и не всем еще разрешался такой переход. Словно какое-то магнитное поле было вокруг отца.

Шаг за шагом я для себя раскрывал заново отца — как человека и как специалиста. Собственно, в нем это было слито воедино: человеческие качества переплавлялись в профессиональные.

У него, понял я, была своя система воспитания, своя система организации. Но прежде чем рассказать об этом, я непременно должен остановиться подробнее на людях, которыми руководит отец. И начать хотел бы со второго «деда» — Бориса Тимофеевича Катакова. Сам Катаков с Алтая, родителей потерял еще в детстве, поэтому с таким вниманием относится к нам, молодым. Знает цену доброго слова.

Катаков умеет все. И очень интересен его подход к менее опытному монтажнику. Отец, как я уже говорил, неспроста прикрепил меня именно к Борису Тимофеевичу. Катаков никогда не навязывает своего мнения. Ты должен понять свою ошибку сам — вот его основной принцип. На главном корпусе при монтаже ферм на соединениях с колоннами требовалось в «косынке» закрутить 8 болтов. Я все, кажется, делал правильно: сначала вставлял один болт, закреплял его, затем оправкой лицевал следующее отверстие. Но в результате получился перекос. Смотрю, Тимофеевич улыбается.

С самого начала пошел неверным путем, — говорит. — Рихтовать надо сразу несколько отверстий по диагонали, чтобы закрепить всю «косынку».

— А что же вы сразу не сказали, а ждали, пока я в тупик не зашел?

— Ошибки свои надо знать досконально. Один такой урок, и больше подобных промахов не допустишь, это я по себе знаю.

Вот так: заблудясь, хорошенко поплутай в темках, а если сам не выберешься — тогда уж поможет тебе Катаков. С этой позицией можно спорить (времени все-таки много уходит на подобные уроки), но в ней есть свой резон. На себе хорошо прочувствовал: действительно, урок лучше усваивается, а времени потом экономится гораздо больше.

Вообще я заметил (это относится и к отцу), они с Катаковым очень скожи в этом. Чем выше мастерство рабочего, тем он дальше видит. Видит конечный результат. Неопытные обычно хватаются за первый попавшийся вариант, который кажется им выходом из положения. А потом оказывается, что это не было решением проблемы, а был именно выход, который лишь улучшил работу на какое-то мгновение. Классный монтажник — как шахматист, «проигрывает ситуацию» на много ходов вперед и никогда не поддается на всякого рода ложные выгоды.

Совсем другой человек Молдаван. Тут, конечно, и разница в возрасте сказывается. Володя помоложе Катакова, но главное отличие — в подходе и характере. Молдаван горяч, нетерпелив, жаден к работе. Он не может спокойно смотреть, как кто-то делает ошибку, тут же срывается и делает сам. Молдаван не любит проигрывать; это касается и игр и работы. Если выдалась свободная минута, он места себе не находит. Есть у него одна слабость — большой любитель бань. Дома душ, все удобства, но нет, если в банке не побывает, плохо себя чувствует. И нас частенько тянет в парилку. И на работе ее устраивает.

Первое время мы с Володей конфликтовали. Он стремительный, любит импровизацию, все делает быстро, я же, прежде чем что-то делаю, долго думать буду. Так учил меня отец («никогда не спеши, это стройка»), такой у меня характер. Эта вот медлительность поначалу и выводила из себя Молдавана. Потом привык и даже сам немного убавил пылу: не всегда скорость помогает.

Очень похож на Молдавана И. Д. Жиденов, которого мы называем «комплексом» за его универсализм: он и сварщик, и слесарь, и токарев — специалист широкого профиля. Жиденов у нас заводила. Все споры, дискуссии — от него. Помню, на одном объекте, на печном пролете площадку по вине проектировщиков семь раз переделывали, и каждый раз Жиденов сотрясал воздух кулаками, поддавал жару — и это, как ни странно, помогало.

К нам, как я уже говорил, трудно попасть, и те, кто приходит в бригаду, обязательно «испытываются» на характер, профессионализм, человечность. Но одновременно к новичкам отношение особенное.

Вот однажды я привел в бригаду Сашу Королева. Саша в то время работал мастером в профтехучилище, то есть был преподавателем, сам учил и воспитывал, а тут попал в ученики. Но этот психологический переход дался ему легко, потому что увидел: здесь собирались специалисты высокой ква-

лификации. Прошло два месяца, я спросил у его сестры: «Ну, что Саша говорит о бригаде?» Она рассмеялась. Говорит: «Коллектив хороший, обидно только, ходят как за несмысленным, очень уж много внимания уделяют мне».

Королев очень быстро вошел в бригаду. Наверное, еще и потому, что у него отличный характер и отличный... тенор. И когда он запоет, к горлу ком подступает.

Вообще у нас бригада «крикливая». Со стороны, когда работаем, может показаться, что ругаемся. Но это не так. И когда работа ладится, у нас никто не молчит. Или поют, или громко обсуждают новости (например, у нас очень уважают телепередачу «Человек и закон», самым щадительным образом обсуждают, почему, по каким мотивам произошло преступление). Это не мешает, а помогает работе.

Вот такая у нас бригада. А разность характеров сближает. Я бы сравнил наш коллектив с большой рекой, в которую впадают разные притоки — один норовистый, быстрый и шумный, другой медленный, — но течение у этой реки одно: уверенное. И такой же характер.

Ну, а теперь, наверное, самое время рассказать, как отцу удалось построить такую бригаду. Ведь все начинается с бригадира, он главный проектировщик и строитель. Тут же законы, что и в сооружении зданий. Чуть ошибешься — и перекос, заложишь непрочный фундамент — и стены дадут трещину.

Начну с того, что отец знал, какую бригаду хотел создать. Сказать «управляемую» (многие не достигли и этого уровня) — мало. Бригада должна выдавать продукцию высокого качества, не перенапрягаясь.

Почему инженер приходит и уходит с работы в положенное время? — не раз спрашивал меня отец. И отвечал: очевидно, потому, что труд его хорошо организован. А рабочие, строительные бригады часто занимаются штурмовщиной: это нервотрепка, дискредитация самой профессии. Так не должно быть. Должно быть как на заводе — ровная работа в одном темпе. Только тогда будут и резервы, если понадобится резкий рывок, будет и уверенность, что любую работу сделаешь. Вот таково кредо отца.

Хорошая организация — это прежде всего реальное планирование.

На складе съпучих материалов металлургического завода нам предложили работать в две смены. В один из вечеров отец занялся своей «высшей математикой». Долго сидел над расчетами, а потом позвал меня.

— Вот смотри: две смены, это значит, вечерняя при прожекторах. Они хотя и светят ярко, но или слепят, или недосвечивают где надо. Не лучше ли укрупненной бригадой по всему фронту сработать в одну смену, как думаешь?

Так и было предложено руководству — двухсменное задание выполнять в одну. Были сомнения, ведь увеличивался резко объем, но расчеты отца оказались верными — успевали собрать и смонтировать блок в смену.

Отец видит не часть работы, а законченный цикл.

На этом же объекте бригаде было предложено класть шифер на крыше цеха. Работа выгодная, денежная. Можно вырвать объемы, добьти хорошие показатели. Но отец рассудил иначе. Прежде чем заниматься крышей, надо отрихтовать подкровельные балки, сделать подходы. Работа более сложная, трудоемкая, но, не сделав ее, не добьешься в целом хорошего результата. Преимущества такой технологии очевидны: бригада полностью заканчивает работы внутри цеха, и остается лишь покрытие.

Еще один у отца принцип — не создавать «незавершенку». Психологически трудно настраиваться на недоделанное. Практика показывает: бригада, повторно выполняющая работы, дает низкую производительность труда.

«Если бы была в мире сила, которая вернула бы всех... все они повторили бы эти годы... Чтобы можно было просто сказать «помнишь?» и углубиться в сладкую тяжесть воспоминаний, где смешаны реки, холмы, пот, холод, смерть, усталость, мечты и святое чувство нужной работы. Чтобы в минуту сомнения тебя поддерживали прошедшие годы, когда ты не дешевил, не так бездумной водичкой по подготовленным желобам, а знал грубость и красоту реального мира, жил, как положено жить мужчине и человеку. Если ты научился искать человека не в гладком приспособленце, а в тех, кто пробует жизнь на своей неказистой шкуре, если ты устоял против гипноза приобретательства и безопасных уютных истин, если ты с усмешкой знаешь, что мир многогран и стопроцентная добродетель пока достигнута только в легендах, если ты веруешь в грубую ярость твоей работы, — тебе всегда будет слышен из дальнего времени крик безвестного работяги: «А ведь можем, ребята! Ей-богу, можем!..» Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?»

Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость

смена

Вечером часто собираемся с отцом. Слушать его интересно: в своей жизни он много строил, опыт громадный. И то, что рассказывает, я крепко запоминаю, знаю, потом обязательно пригодится.

ОТЕЦ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

* Ну вот, теперь могу сказать: за сына спокоен. Тот случай, когда он хотел уйти с монтажа, сыграл-таки свою роль. Хорошенько подумал, понял: ушел бы от нас — ушел бы от специальности своей, призыва. А сейчас я уже не сомневаюсь, что Петр — монтажник по призванию. Когда-то он занимался фехтованием, и, как говорил мне его тренер, у него был меткий удар. Вот и на монтаже он уже отличается меткостью. Но наша меткость особого рода. Ты должен решить сложную задачу — как сделать работу быстрее и качественнее. Быстрее — не значит торопиться. Надо найти такие пути, которые бы позволили прийти к цели по кратчайшей прямой.

Недавно я спросил его:

- Что собираешься делать дальше?
- Как что? — даже удивился он. — Работать.
- Ну, а насчет бригадирства?
- Рановато.

...Выйдет из него бригадир, хотя характер должен быть чуточку пожестче, но с этим, верно, торопиться не следует. Руководить людьми — дело ответственное, деликатное. Тут не только надо быть специалистом, личностью, но и психологом, стратегом. Я вот сколько уже на монтаже — в одном управлении только тридцать два года, — а все не перестаю удивляться ежедневной новизне моей работы.

Но время идет, скоро и на пенсию. Поеду к своим в Новотроицкое, это недалеко — всего в 40 километрах от Донецка. С детства люблю землю, люблю работать на ней. Ну, а Петр продолжит, думаю, мое дело.

Неожиданный порыв ветра качнул ферму, Петр запрокинул голову. Главное, подумал, прямо сейчас поставить на опоры. Пусть и невелика масса — всего 4,5 тонны, а совладать с фермой при ветре не так легко.

Подошел Молдаван.

— Давай наверх. Прихватим, а потом обед.

Петр глянул на часы — уже давно обеденное время. Но у них закон: пока не укрепишь конструкцию, ни о каких перерывах речи не может быть.

Через некоторое время звено Молдавана сидело в полном составе в бытовке.

— Выработка у нас что надо — до 800 килограммов металлоконструкций на человека. Могу вас поздравить — бригада выполнила пятилетку, — гремел Молдаван. — Вот такие вот приятные новости. Но есть и неприятные: строители снова подводят нас. Давай, Петр, поезжай к отцу, пусть где надо «постучит кулаком по столу»...

Перепрыгиваем через шпалы, небольшие замерзшие лужи, Клец-младший показывает мне дорогу.

— Запоздала в этом году весна, — замечает он. И вдруг останавливается. И без перехода: — Смотрите, какой красавец!

Низкие облака, едва не цепляясь за высокие трубы металлургического завода, быстро несутся над землей. Это придает стремительность линиям огромных цехов, домен.

— Сколько здесь отец настроил, — говорит задумчиво Петр. — Да и мне здесь уже довелось руки приложить.

Олег КУВАЕВ, «Территория»

Итак, ваше мнение, дорогие читатели!

СЕВЕРНЫЕ СНЫ

Валерий ПОВОЛЯЕВ

РАССКАЗ

Во сне Лукашина охватило чувство какой-то неясной и непонятной тревоги, странная неодолимая маэста — ну будто он отошел недолго от своей палатки в тайгу, а на палатку тем временем наткнулся криволапый лесной хозяин, начал мять ее, рвать, вышвыривать наружу продукты, пробовать их на зуб — словом,чинить разгром, вредить человечку, зная, что без палатки, без еды тот не сможет одолеть тайгу, погибнет. Ох, и тяжелое же это ощущение! Лукашин заворочался на постели грузно, застонал, стараясь изгнать тревогу и черные краски из своего сна, но безуспешно, он только раздразнил того, кто нами во сне командует, и этот неведомый командир швырнул Лукашину в глаза горсть угольно-блестящих мелких блох, и те закопошились, заскакали заполошно перед взором, еще более нагнетая тревоги.

В это время в дверь лукашинской избы, строенной по-зимнему, добротно, в расчете на здешние звероватые морозы, постучали. Решительно, громко, враз выбивая Лукашина из сна и возвращая в привычное, уже набившее оскумину повседневье. Угольные блохи мгновенно собрались в кучку, застыли, начали походить на горку заскорузлой осетровой икры, а затем и вовсе растаяли.

— Кто? Чего? — спыльм со сна голосом пробормотал Лукашин, щелкнул выключателем. В комнате у него было два выключателя — один у входа, другой над головой. Так удобно.

Раньше, когда поселок освещала дизельная установка, света очень часто не бывало: то дизель ломался, то генератор летел ко всем чертам, то на ночь надо было установку выключать, то еще что-нибудь происходило — и поселок жил впопыхах. Сейчас же этого нет — к ним постоянную электролинию протянули. Хотя на всякий случай у Лукашина всегда под рукой имеется огарок, мертвое вспаянное в чашку с застывшим в ней озерцом свечного сала. Запалить огарок — дело нескользких секунд.

Стук повторился. Был он по-прежнему напористым и громким.

— Счас, — одолевая сипоту, выдохнул Лукашин, сунул ноги в тапки, сшитые когда-то из мягкой оленьей шкуры, а теперь вытертые до кожистого глянца и затвердевшие до сухарной ломкости, защелпал к двери, прикрывая рукою зевок. — Кто там?

— Лукашин! А, Лукашин! — отозвался за дверью кто-то незнакомый. — Одевайся! Срочно к Виноградову! Вызывают!

— Вот куриный дух, — спыль и беззлобно выдохнул Лукашин, услышал, как за спиной, в печной трубе чисто и звучно завыл ветер, заскреблось там что-то — похоже, домовой возно затеял. В окна хлестнуло ружейной дробью — таким крупным и твердым был снег. Пурга затевается, что ли? Сон окончательно слетел с Лукашина. — Счас приду! — выкрикнул он в дверь. — Передай Виноградову!

Ответа Лукашин не услышал — в дверь забарабанил снег.

А на улице действительно затевалась пурга. Она тут по-разному рождается: либо в один присест, махом, тяжело и зло обваливаясь на землю, корежа дома и выдувая в тундре снег до земли, поднимая белыми охапками наверх и уноси в океан, либо напротив — рождается неторопливо, медленно, но неуклонно, с каждым часом набирая силу, зверяя, пугая хохотом и яростью людей, всех обитателей тундры, даже землю. Затевающаяся пурга, судя по всему, принадлежала ко второму разряду. Уличные огни, часто развесленные на столбах-времянках, — обязательное освещение в бесконечные полярные ночи (раньше этого тоже не было) — были мутными и едва видными. Стояло Лукашину чуть прижмуриться, чтобы глаза не стебало снегом, как огни пропадали совсем. Тем не менее он быстро добирался до виноградовской избы: хорошо знал дорогу, мог ходить вслепую. В сенях отряхнул унты, долбя промерзлыми скользкими подошвами крашеный деревянный пол, вошел в самую избу, поморщился от вязкого темного дыма, неторопливыми ватными пластами перемещающегося в воздухе. Лукашин не курил и не любил запаха дыма.

Виноградов же, напротив, был заядлым курцом. Он курил напропалую и, похоже, даже спал саженной сигаретой в зубах и просыпался, чтобы запалить очередную. Без табака и дыма, без крутого горького духа самосада либо крепких, вышибающих слезу сигарет «Памир», которые тут все звали не иначе как «помер», Виноградов и жизни своей не мыслил. Наверное, оттого курильщик Виноградов выглядел морщинистым, коричнево-печеным, словно сущеная груша, выуженная из мешка с затвердевшим компотом, с тускловерхой темной лысиной, покрытой старческой гречкой, хотя Виноградов и не был старым. Что ж, курит — и пусть курит, у Лукашина с Виноградовым кабинеты разные — у начальника участка Виноградова эта вот изба, у Лукашина — кабина трактора. Некурящий Лукашин являл собою полную противоположность Виноградову не только в увлечении табаком — он был тугощеким, гладкокожим, румяным, был он весь светлый какой-то: и глаза прозрачно-медовые, цвета липового настоя, и

волосы, и ресницы, и легкий пух, чуть приметный на скулах. Роднило их одно — оба они были далеко не красавцами.

Вообще-то была бы воля, Лукашин всем на Севере запретил курить. Ей-богу. И в первую очередь Виноградову — вон каким старым от курева сделался. Но воли не было: не тракторист Лукашин здесь числился начальником, а инженер Виноградов.

— Садись, — предложил Виноградов, невидимый в табачном дыму. — Механизм твой как? На ходу? Скребет еще гусеницами планету? Не разваливается?

— Живой. Скребет, — ответил Лукашин, осторожно садясь на новенькую трехногую табуретку, оклеенную сверху скользким пластиком — им в столовую привезли пятьдесят таких табуреток, так Виноградов отнял пять штук в личное пользование, принес себе в дом, поскольку рубленая изба эта была у него и жильем и кантонером одновременно. — Железо все же сделается? Гриппом не болеет, воспалением легких тоже.

— Верно, — согласился невидимый Виноградов, вздохнул, и по движению непроницаемых сизых пластов Лукашин определил, где тот находится.

— Лукашин, ты храбрый человек? — неожиданно спросил Виноградов. — На медведя в одиночку доводилось ходить?

— Не доводилось, — ровным, недрогнувшим голосом признался Лукашин.

— Да-а? — удивился Виноградов. — А ты сибиряк? По происхождению, так сказать.

— Сибиряк.

— А я вот — нет, — пробормотал Виноградов, в лад Лукашину также нисколько не сокрушаясь по поводу того, что родился в какой-то благословенной теплой Тьмытаракии, а не в холодной Сибири. — Впрочем, ладно. Чего я все вокруг да около хожу?

— Не знаю.

— Радиограмма только что пришла, — устало произнес Виноградов, — с гутинской буровой. На пласт они, похоже, вышли. Месторождение под ними. Но ситуация у них сложилась не ахти какая хорошая — бентонит в бригаде кончается.

Что такое бентонит, Лукашин знал. И видел не раз, как из распоротых мешков, взбивая цветастые облака, просыпалась на землю голубая глина, мелкая-премелкая, будто тертый уголь. Когда бурят землю, то обязательно используют раствор этой голубой глины, без нее дело дохлое: стоит буру проткнуть плоть газового или нефтяного курдюка, как земное богатство выхлестит наверх, причинит немало худа. Ничем не удержать тогда богатство — ничем, кроме разведенного бентонита.

— Чего ж, когда вертолет ходил, не забросили? — бурчливо поинтересовался Лукашин.

— Сейчас поздно искать правых и виноватых, надо помогать бригаде.

Космы табачного дыма заколыхались на этот раз основательно, раздвинулись, и наконец в разъеме простиупил печеноликий Виноградов. За ним виднелся еще кто-то. Лукашин прятался, разобрал, и в уголках губ у него собирались плетенки морщин — вот уж кого он не любил так не любил, уж очень вздорным и дерганым человеком был виноградовский зам Поседко.

Поседко никогда не говорил ровным голосом, он даже не знал, что это такое, он просто не умел этого делать — все время кричал. Был он низкоросл донельзя, про таких говорят: «Метр с кепкой» — Поседко за глаза так и величили, — но зато широк в плечах, жилист и цепок, как кleş.

— Хочу тебя попросить, Лукашин, чтоб ты доставил на буровую бентонит. Тонны три. Могу попросить, а?

— Чего просить — приказывай! — прокричал Поседко.

— Да погоди ты! — окоротил крикун Виноградов, встал, приблизился к Лукашину. — Приказывать я не могу. Сам понимаешь... Нужно бы напарника тебе, как положено, — да нет людей, все и так закрученны. Пурга начинается к тому же, а это же почти сто километров пути — расстояние! Часов десять — две-надцать надо добираться... Сумеешь или нет?

Сощурившись, Поседко выбил в ладонь кашель и прокричал:

— Раз молчит, значит, на печь пильнуть хочет. Не годен он для этого дела. Другого искать надо.

— Сумеешь? — терпеливо допытывался Виноградов. Голос его был спокойным, озабоченным, все время в нем звучали какие-то печальные нотки.

— Удивляюсь я тебе! — Поседко загреб в ладонь дыма, нырнул куда-то вниз и растворился.

Виноградов тем временем запалил очередную сигарету, гасить спичку не стал, а поднес к глазам, посмотрел на пламя. Зрачки у него были глубокими и черными — ничего в них не отражалось: ни плоский огонь спички, ни космы табачного дыма, ни внутренность избы, ни сам Лукашин. Забота виноградовская

Рисунок
Владимира ДЕЛБЫ

была понята: ведь если на гутинской буровой газ с ревом выплеснется из под земли, то он всю округу к чертовой матери разнесет, технику покалечит, людей изуродует, и понадобятся недели, а то и месяцы, чтобы загнать его обратно. Но вот какая вещь — ведь не имеет права Лукашин один, без страховки, выезжать в тундру, за это его запросто трактора лишить могут и перевести на должность чистильщика картошки либо продувщика макарон на кухне — и никто, даже товарищ начальник Виноградов, тогда не сумеет за Лукашина заступиться. А потом это же опасно — одному в тундре! Тут и заплутать можно, и трактор поломать, и в снегу увязнуть, и свирепые полярные волки могут напасть...

— Ты чего так долго его уговариваешь? — снова выкрикнул Метр-с-кепкой. — Пусть спать домой идет, либо к матери на Большую землю пусть летит.

«Ах ты, куриный дух! — заколотились звонкие молоточки у Лукашина в висках. — Надо же, как разгавкался. — В груди у него взбунтовалось, закипело что-то несогласное, и он закрутил головою, словно конь, на которого напали слепни. — Ну, куриный бог, давит блох и курит папиросы. Ну, гриб поганый, попался бы ты где-нибудь на короткой пустынной дорожке, когда один на один разговоры можно вести, я бы живо псину дурь из тебя выбил».

Лукашин вздохнул и, не зная еще, как он будет выполнять задание, как поедет один в тундру, тихо проговорил:

— Ладно, я повезу глину. — И добавил твердо, изгнав из голоса сипы и слабость: — И довезу. Будет она на гутинской буровой.

— Спасибо, — тихо произнес Виноградов. Помедлил малость, чего-то соображая, потом договорил все так же тихо: — От беды всю тундру отведешь. Да ведь тогда не мешкать. Готовь трактор, а я санями займусь. Глину грузить будем.

Через десять минут было разбужено полпоселка: забота, она ведь вмиг всех поднимает на ноги, а беда — и того быстрее.

Вышел Лукашин из виноградовского балкона на улицу, в серые густые хвосты снега нырнул, а в ушах у него все еще полоскалось резкое, громкое:

— И ты думаешь, Виноградов, он докорябается? Не сдаст? Не пришло бы тебе голову на плаху класть.

— Не придется, — зло пробурчал Лукашин, выплюнув изо рта снег, — докорябаюсь! Назло докорябаюсь!

Злость не самое лучшее подспорье в работе. Как и слепой азарт. Или стремление помочь всем и вся, за которым упускается дело собственное, к коему приставлен. В общем, работа требует к себе ровного, заинтересованного и, так сказать, постоянного отношения.

Чего только не передумашь, когда находишься в дороге, кого только не переберешь по косточкам под зонки, пионерский какой-то стук тракторного движка, поглядывая в залепленное снегом ветровое стекло на рыхлую белую матернию, разрубаемую гусеницами! И детство вспомниши, и маманию свою, которая всегда видится Лукашину с аккуратной молочной крынкой-махоткой в руках — давно уже умерла мать, а все вспоминается, все блазнится она. Отец ушел из жизни еще раньше — погиб на фронте, когда Тулу от Гитлера оборонял. Лукашин паданом еще в ту пору был, в третий класс ходил, и не запомнил он отца совсем, выветрился батя из памяти — вот ведь какая жестокая вещь.

Перед радиатором трактора что-то мелькнуло — то ли снеговой хвост, то ли разбуженный песец отрыгнул в сторону. Лукашин быстрым движением руки сбросил газ, почувствовал, как сзади, за кабиной, заскрипело что-то тяжелое — это на трактор навалились сани, груженные глиной. Лукашин поморщился, будто ему, а не мощной железной машине было тяжело, потянулся, протирая стекло ладонью, — что там? Вглядился в чистый, не залепленный снегом пятак стекла. Ничего. Понудилось, видать.

И вновь потянулась дорога. Впрочем, какая там дорога — нетореная целина, по которой нога-то человеческая ступала, может быть, один раз в десять лет. Тундра. Ровное, промерзлое и засыпанное снегом поле.

Пурга тем временем все усиливалась и усиливала. Если раньше Лукашин мог хоть что-то разглядеть в ветровом стекле: между снеговыми наслоениями были видны чистые участки, пятаки, которые тундра просматривалась метров на двенадцать — пятнадцать, — то сейчас эти пятаки залепило, и Лукашин стучал кулаком по стеклу, чтобы сбить налив, но даже если ему и удавалось это сделать, все равно ни штука не было видно. Снег сгустился, сделался плотным, фары трактора упирались в него, как в стенку.

Хорошо, что хоть тундра тут ровная, как билльярдный стол, шары по ней гонять без запинки можно, ни обо что не споткнутся, так что совсем неважно, пробита сквозь тундура дорога или нет. Тундра, она как степь. И снега тут никогда много не бывает — все время ветер его подгребает, уносит на материк.

Неожиданно сильно, с напором взвыл ветер, надавил на кабину так, что заглушил звяканье и стук мотора. Затрещали, запели тонко металлические переборки, перекрытия, стояки. Лукашину сделалось тревожно.

А вдруг он заплутает? Ведь заблудиться в этой воющей страшной тундре ничего не стоит, зарубок и отметок тут почти никаких. Направление одно — двигаться на север, строго на север. В пятнадцати километрах от гутинской буровой он должен натолкнуться на столбы электропередач — пока еще не оснащенные, без проводов, их тянули осенью в тундре и остановились на полдороге — помещали холода и выюты. Столбы эти прямо в brigadu и приведут. Да потом и сам Лукашин не вчера на свет родился — дорогу он знает.

Снова где-то рядом ахнул взрыв ветра, будто лопнуло пушечное ядро, снеговой заряд потряс кабину, заставил застонать металлические суставы ее.

Лукашин покрутил головою: н-нет, подиога, не возьмешь, не одолеешь, все равно до гутинской буровой доползу, все равно. Он сделал перегазовку и двинулся дальше.

Неожиданно на память пришел разговор с виноградовским заместителем крикуном Поседко, и Лукашин почувствовал, как скелы у него наливаются чем-то горячим, а внутри, тесня грудь, рождается злость. Конечно, Поседко не совсем нормальный человек — комплексованный он, рост-то вон какой, метр с кепкой, а честолюбия отпущенено на двухметрового гиганта, вот отсюда и берет исток химическая реакция, ножницы эти и рождают злость.

Проехавшись таким образом по Поседко, Лукашин успокоился.

И вдруг увидел, что перед радиатором трактора возникли три черные точки, исчезали: а вдруг полярный медведь, нельзя давить зверюгу — отвернулся в сторону. Три черные точки исчезли. Невольно вспомнилась одна история.

На их полуострове, на самой северной точке, у бровки океана стоит поселок. Небольшой — засыпушек тридцать всего. А в полукилометре от поселка, подле аэродрома, которым снабжаются не только поселок, а и весь Северный морской ледовитый путь — склады. Там же, у складских бараков, — магазины, продуктовый и промтоварный. От поселка к складам ведет дорога, по ней ходят люди, ходят машины — в общем, она наезженная. И вот какая вещь — на этой дороге стали появляться белые медведи. Подстерегали людей, когда те шли с продуктами, отнимали у них авоськи с маслом и говяжьей тушенкой и уходили в тундру. Тех, кто шел без продуктов, не трогали. А разглядеть полярных медведей в серой слепой мгле полярной ночи было чрезвычайно трудно: они будто были растворены в воздухе — невидимки, и только. Распознают медведей здесь по трем черным движущимся точкам — носу и глазам. Когда в невесомости, в серой крупье остекленелого полярного воздуха перемещаются три черные точки — значит, берегись — следом идет медведь. Морду зверь поднял, глазами стреляет в спину, нос настороже держит.

Но самое поразительное: медведи знали, что их выдают нос и глаза, и стоило человеку с лакомой продуктовой авоськой замедлить ход, оглянуться, как медведи тут же замирали и прикрывали лапой глаза и нос. Честное слово.

Но белые медведи там, на севере полуострова, у океана, водятся, сюда же, в глубину тундры, они не забредают, здесь им делать нечего. Так что три черные точки просто примерещились Лукашину, приблазнились.

Ровная дорога всегда утомляет, она муторна. И поговорить не с кем. Не с самим же собой вести душепасительные беседы?

Лукашин снова сделал перегазовку, сбивая мерный гуд мотора, потом распахнул дверцу и, уклоняясь от жестких, словно набитых толченым стеклом хвостов пурги, взглянул вверх: а вдруг ветер только понизу идет, а наверху тихо и звезды сквозь снег просвечивают? Сориентироваться по звездам всегда полезно. Но нет. Наверху тоже мело, ничего не просвечивало сквозь густую снежную наволочь, стремительно несущуюся над головой.

Он не сразу понял, что отклонился в сторону. Посмотрел на часы — уже пора бы прибыть в гугинскую бригаду. Но, увы, никаких следов бригады он не встретил. Хотя в пурге и трудно что-либо различить, да еще в зимнее время, когда полярная ночь стоит, а все-таки можно встретить эти следы. Особенно если человек бывалый, он всегда следы найдет. А Лукашин считал себя именно таким человеком.

— Стоп! — скомандовал он себе. — Не спеши. Оглянись по сторонам... И спокойно, спокойно...

Он знал, что такое заблудиться в тундре. Да еще зимой. В пургу. Почувствовал, как по лицу проползло что-то холодное, стекло за воротник... Если заблудишься, тут никакая машина не спасет. Пока трактор будет работать, будешь еще жить, но как только движок съест последнюю ложку солярки и заглохнет — тут, увы, не дано жить. Замерзнешь.

Остановив трактор, Лукашин выбрался из кабины и, увертываясь от снеговых бичей, спрыгнул с гусеницы вниз. Прошел вперед, к радиатору, где плавили в яркую желтизну пространства фары, стал между ними. Вгляделся вперед. Ничего приметного. Посмотрел вправо, влево — тоже ничего. Куда же он отклонился, в какую сторону — в правую или в левую? Вот этот ребус и предстояло Лукашину разгадать. Если он разгадает, то и сам спасен будет, и гугинскую бригаду от ЧП спасет. «Спокойно, Лукашин, спокойно...» Постарайся сориентироваться. Ну куда ты отклонился, куда? Он плотно прижался спиной к теплому радиатору трактора, ощущая позвоночником, лопатками, сердцем своим дрожь, исходящую от железного чрева машины.

Вдруг увидел, как совсем недалеко из густой снеговой каши вытали три точки, приблизились, заметно увеличились в размерах. Лукашин помотал головой неверие: неужто медведь? Или блазнится все-таки?

Но не успел ответить на вопросы, которые задал сам себе, как три точки сдвинулись вправо и растворились в серой воющей каши.

Свят-свят-свят! Лукашин сдернул с руки варежку. Вытянул руку перед собой. Пальцы дрожали. Он засунул их себе в рот, укусил: не сон ли это? Ощущив боль, понял: не сон.

Перед ним снова появились три точки, приблизились и снова ушли вправо, будто медведь ходил совсем рядышком, чертил круги. А может, это указка, что надо забирать вправо, ориентир, так сказать?

Лукашин попятился. Цепляясь руками за гусеницу, добрался до кабины. Перед тем, как залезть в нее, взглянул на сани — целы ли? А то ведь так и потерять их немудрено. Сани с грузом были на месте.

Он залез в кабину, захлопнул дверцу. Перед тем, как тронуться дальше, пожалел: жаль, что ружье с собой не захватил. Оружие, каким бы оно хильм ни было, всегда смелость придает. А у Лукашина оружие дома есть. И не хилье: вертикалька шестнадцатого калибра.

Страха не было — только какое-то странное ощущение пустоты, космической невесомости, смутной тревоги, что, как рассказывают фронтовики, почти всегда возникала у солдата перед тяжелой атакой, когда надо было идти на кинжаленный огонь. Вместе с тем им овладело спокойствие, чувство холодного расчета и одновременно — лихости, когда все бывает напочем. Приняв движение трех точек вправо за некий посланный свыше знак, Лукашин тронул трактор с места, потянул рычаг поворота на себя, беря вправо.

Потом, подумав немного, еще добавил чуть-чуть, передвинул рычажок газа на полный. Затащил-закхекал движок, из трубы полетели густые искры, крахмально завишил снег под гусеницами, завыла оскорблена, злясь на Лукашина, пурга.

Когда он остановился во второй раз, чтобы снова сориентироваться, и приподнялся на сиденье, счищая со стекла нагар, посыпал кулаком налипшую, прикипевшую с той стороны, то перед радиатором снова возникли три знакомые черные точки — два смешливых любопытных глаза, в которых, как показалось Лукашину, отразились огни фар его трактора, и сухой, настороженный нос с чуткими стволами ноздрей. Лукашин даже отпрянул назад, вжался в сиденье: свят-свят-свят! Точки приблизились, медленно двинулись вправо и исчезли.

Чего они показывают, чего желаю? Или кого?

Страха по-прежнему не было. Лукашин посмотрел на часы — уже довольно много времени он плутает, еще полтора-два часа, и солярка в топливных баках сойдет на нет.

Он сильнее вжался в сиденье и, когда перед радиатором опять показались черные точки, дал газ. Но в последний момент не выдержал, потянул на себя правый рычаг — а вдруг это действительно медведь? Не привидение, а мильный северный умка?

Ровно через полтора часа у него кончилось горючее — дизель остановился на высоком вскрике, будто живое существо, которому по горлу рубанули ножом, в моторе что-то захрипело, забулькало, и тут же наступила тишина. В первый момент Лукашин испугался — все, пропал! — но в следующий миг он одолел собственный испуг — еще не все потеряно, у него есть запасная бочка солярки, тросток и саням прикрученная.

Вдруг он услышал далекий, но очень отчетливый смех. Так мог смеяться только один человек — Метр-с-кепкой: зло, торжествующе, наслаждаясь чужим поражением. Не дошел-таки Лукашин до гугинской буровой. Не дотянул. Смех этот был кощунственным и страшным — ведь Лукашин может погибнуть, запутав в тундре, окостенеть на морозе, а этот смеется. Н-ну, кулак тебе в подых!

Заправляться надо было как можно скорее — не то остынет мотор, и тогда черта два его заведешь. Лукашин проворно выметнулся из кабины, захлопнул было за собою дверь, но потом все же приоткрыл ее — а вдруг действительно медведь, тогда надо будет нырять в кабину без задержки. Лиши бы не зацепиться за что-нибудь. Он бросил взгляд в снеговой пятак, освещенный фарами: нет ли там чего подозрительного?

Потом отвязал от саней бочонок с соляркой, подкатил его к трактору.

На переливку горючего ушло пятнадцать минут. За это время дизель успел остыть. А пускак — маленький пусковой мотор, тот и вовсе ледяным сделался. Лукашин рванул на себя ремешок пускака, очень похожий на тот, которым заводят лодочные моторы, — безуспешно. Второй, третий раз рванул, четвертый, пятый — все вхолостую.

Он буквально выдохся, когда понял, что пока не подогреет движок, не обложит его тряпьем и не подожжет, ни пускак, ни дизель он не заведет.

Нащупав под сиденьем телогрейку, еще новую, мало ношенную, он расплакал ее ножом, николько не жалея о том, что делает.

— Н-нет, куриный дух Поседко, ухарь ты поселковый, вр-решь, я все-таки дотелепаю до гугинской буровой, привезу к ним глину. Вр-решь, твоя не возьмет. Н-не возьмет! — Лукашин, стиснув зубы, в последний раз секнул ножом по телогрейке, швырнулся под ноги, подкатил бочонок с остатками солярки, выпил горючее на разрезанные куски.

Потом обложил бока дизеля с двух сторон кусками телогрейки, внизу соорудил кучку, пристроил немного тряпья под пускаком, кое-как подпалил все это, ломая одну за другой гаснущие на ветру спички. Когда пламя занялось — умудрился обжечься о него. Вот невезучий период какой наступил, а? Хуже и не придумаешь.

«Поплохело что-то у тебя в жизни, Лукашин», — пробормотал он про себя. Едва прогорело пламя, он дернул шнур пускака. И снова пускак не завелся. Лукашин стиснул зубы так, что, показалось, сломал себе пару зубов. Слишком уж громкий хруст раздался. Закрутил головой, отшатнулся и, развернувшись всем корпусом, рванул шнур за деревянную бобышку, привязанную к концу его. Пускак на сей раз подал голос — вернее не голос, а какой-то жалкий, задавленный всхлип. Но этот всхлип прозвучал для Лукашина громче иного крика, и он здорово ему обрадовался. Опять из всей силы, во всю длину руки, рванул шнур...

Через пять минут он все же завел пускак, а еще через пять запустил и дизель. На душе у него совсем отлегло. Раз дизель завелся, значит, старый, много повидавший на своем веку трактор его на ходу, значит, он, Лукашин, спасен. Покрутится, покрутится он немного по тундре и, глядишь, найдет следы гугинской бригады. А там и саму бригаду отыщет.

Двинулся в путь, и — вона! — снова перед радиатором возникла морда умки, три смешливые живые точки приблизились и ушли за пределы видимого. На сей раз влево ушли.

«Ага, выходит, влево повернуть надо, — смекнул Лукашин и тут же посмеялся над самим собой: — Ишь, какой догадливый!»

А вдруг эти движущиеся точки в обман его вводят, вдруг блуждают они? Лукашин прислушался к самому себе: нет ли каких тревожных позывов, указывающих на опасность, не съежилась ли душа, обращаясь в сиротливый дрожащий клубок, не гудит ли кровь в ушах? Нет, все было в порядке, и Лукашин повернул свой трактор на сей раз влево.

Трещала железная кабина под напором ветра, ветровое стекло стебал снег, с грохотом скреб по крыше, уносился назад, гусеницы давили ледяную крошки с хрустом, вызывающим зубную боль, сквозь стекло ни шута не было видно, но Лукашин, ствердив обмороженные, в нескольких местах до крови растрескавшиеся губы, упрямо вел трактор вперед.

Стал донимать сон. Он устал ведь, Лукашин, — вон сколько часов за рычагами сидит, отдых организму нужен, пауза. А если отдохнет, тогда он хоть до Северного полюса готов будет ехать. Но спать было нельзя, и Лукашин с трудом разлеплял глаза, ципал себя пальцами за щеки, тер виски, стараясь одолеть сон. Но тот не отступал, и тогда Лукашин делал над собой буквально нечеловеческое усилие, освобождаясь от сна. Мелькали перед ним цветастые дымные пятна, в прогалах виднелись лица знакомых и незнакомых людей, они менялись: вон показалась мать с призывающими глазами и вопросительно раскрытым ртом, в руках она держала знакомую махотку с молоком — наверное, сейчас будет предлагать парного испить, и Лукашин отрицательно замотал головой — не надо, мать, сейчас молока, лучше потом, когда работа будет закончена; вон среди пятен прорыпал еще кто-то, знакомый... Через несколько секунд он опять увидел три точки, перед ним вдруг встала огромная медвежья голова, в лицо Лукашину пахнуло чем-то горьким, зловонным, и он закричал.

Очнулся Лукашин от этого самого крика, дернулся на сиденье, воизгаясь головою в потолок и враз приходя в себя. В мозг тут же ввинтился горячий шурп, обжег все, да так круто, что из глаз зеленые звезды посыпались: заблуждал он, потерял дорогу и вряд ли теперь найдет гугинскую бригаду...

Он скривился мученически лицом, стиснул зубы, окорачивая лет зеленых звезд, приподнялся, притискиваясь лицом к стеклу кабины: не видится ли что впереди?

Заскрипели, застонали снова стонки и распорки кабины — навалилась, надавила всей грудью на нее старая ведьма-пурга, застучала ногами по железной крыше, запрыгала, стараясь пробить насквозь металл, вбила снежные хлесткие буруны перед радиатором, стебанула снегом по фарам, норовя выплевать из — и ничего не стало видно, будто в молоко Лукашин вместе с трактором погрузился. Но минуты через полторы посветлело, снова завиднелся снег, попадающий под гусеницы, и сквозь вой и хохот пурги пробилось к Лукашину лязгание трактов, визг настя, натуженное гудение дизеля. Неужто этот старый куроед Поседко окажется прав, неужто он, Лукашин, подведет Виноградова, доверившего ему груз, подведет гугинцев, которые из последних сил сдерживают газовый напор, сгният по дороге, сгубят груз и до весны останется лежать мертвым под снегом?

Н-нет, не годится это, н-не годится! Лукашин упрямо завертел головой. На него снова начал давить сон, веки буквально склеивались, и не было такой силы, что могла бы размежить их, и перед Лукашином то ли в одури, то ли наяву начали снова мелькать лица, лица, лица... Он уцепился пальцами за щеку, сделал круговое движение, рванул, оставил на коже синяк.

Лица, кружившиеся перед ним, пропали. Он вглядился в окно, увидел три точки, появившиеся перед радиатором, мокро поблескивающие в свете фар, призывающие и настороженные одновременно. Точки приблизились к самому радиатору, вильнули влево.

Лукашин чуть повернул трактор влево, сделал перегазовку, услышал, как сзади тупо торкнулись на крюке прицепа сани, выкрикнул что-то бессвязное.

От крика в ушах зазвенело, сон снова чуть отступил, и Лукашин, отгоняя его окончательно, запел. В горле у него что-то хрюпело, булькало, рвалось, клокотало, но он ничего этого не слышал — он был подчинен мелодии, ритму, словам песен, которые пел. Только это звучало в его ушах, больше ничего. Он пел

песни своего детства, про «мать-старушку, что сына ждет домой», пел «Вставай, страна огромная» и «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля» — пел то, что знал, что помнил, что любил... И несколько раз, на какие-то миги прерывая песню, перед ним появлялся невидимый в метели белый умка, высовывал из снежной простины свою морду, целил глазами и стволами носа в Лукашина, а потом проворно и ловко отпрыгивал в сторону. И Лукашин поворачивал трактор туда, куда был совершен прыжок.

Потом его начал сковывать цепенящий холод — мороз усилился и пробивал теперь кабину насквозь. Лукашин понимал, что значит усилившийся мороз. На таком морозе стала крохится, как прелья хлеб, — тряски, пальцы, которые соединяют звенья гусеницы, запросто полететь могут, и тогда пиши пропало, тогда верная погибель, тлен и вечная тишина Лукашину уж точно уготованы. Руки его намертво прилипали к деревянным торчкам рычагов, и стоило великих усилий отодрать их, чтобы согреть окостеневшие пальцы, было больно и хотелось спать. Несмотря на оцепенение и то, что весь он сделался вялым, негибким, а щеки и нос восковой белизной покрылись, отвердели и попроказничали, Лукашин не чувствовал холода. Ему чудилось тепло, он видел сады, он шел по благоуханной, сплошь покрытой лепестками-паданцами земле, слышал, как журчат пчелы и шмели, весело вскрикивали, переговариваясь друг с другом, птицы, едва слышно положившись в слабом ветерке листва и где-то неподалеку журчали, подает свой серебряный голос убегающая вдаль вода. Видел он и себя сидящим на ступеньках крыльца родного деревенского дома, неподалеку в траве стоял самовар с насыженной на горловину дымохода новенькой, утыканной блестящими заклепками трубой, пускал в небо сизые пахучие кольца, словно пароход, а вокруг бесшумно порхали бабочки, стараясь пополоскаться в кольцах крыльями, погреться, хотя и так было тепло — самая настоящая благодатная летняя теплынь была разлита вокруг, майская благость царила в природе...

Хотя какими-то далекими позывами, приходящими извне, эта благость пресекалась, и тогда Лукашину становилось немного не по себе. Тревожно делалось, и он понимал, что надо что-то совершить, дабы изгнать эту тревогу из себя, освободиться от нее и навсегда, но вот что делать, каким образом изгнать ее — не знал.

Не знал, не понимал в эти минуты Лукашин, что замерзает. Он вскидывался, приходил в себя ненадолго, когда перед трактором возникали три знакомые точки, почти механически доворачивал машину влево или вправо, улыбался чуть приметно, зная уже, что три точки — это мираж, призрак тунды, не более, и что призраки, как правило, являются человеку перед самым его концом. Снова возникли лица. Среди них два совсем некстати. А может быть, и кстати... Спокойный, чуть ироничный лиц Виноградова с незнакомой печалью, которая была готова вот-вот выплыть из его глаз, и печаль эту Лукашин принял на свой счет и даже съежился, — Виноградов укорял его за то, что не довел трактор с грузом до бедствующей гугинской бригады; еще Лукашин увидел Поседко, ехидно сощурившегося, сузившего глаза до размера горошин, — виноградовский заместитель торжествовал: он был прав, не надо было посыпать Лукашина в этот рейс. Ох, куриный дух!

Когда силы окончательно покинули ослабевшего, добитого морозом и усталостью Лукашина, посеченного холодом, пургой, изжульянного дорогой, перед ним вдруг замерцали, заиграли радужно три огня. Он вначале подумал, что это опять умка тешится над ним, в обман вгоняет, но нет — на сей раз никакого обмана не было: Лукашин увидел огни гугинской бурой.

Хрипя, давясь слабым, почти лишенным кислорода морозным воздухом, он довел трактор до бурой и тормознул у самых балков: увидел в последний миг медвежью морду, полусиреную-полудобрую, вспомнил про мираж — и надавил ногой на тормоз. Поскольку он не передвинул рычажок газа в нулевое положение, то мотор трактора тут же заглох.

И разом взвилась, взвихнулась пурга, захочата, вой и хохот ее были страшными, торжествующими — она, кажется, все-таки брала верх над человеком, не сможет он выбраться из железной кабины, замерзнет там. Косматые снеговые буруны взвихнулись на капоте и крыше машины, застучали ногами, отмечая свою победу... И Лукашин, чувствуя, что он сдал совсем, раздавлен он, распущен, как козявка, как майский жук, попавший под колеса тяжелого грузовика, теряя сознание, завалился на рычаги трактора, бессильно ткнулся головой в стекло, сполз на дно кабины.

Рано было выйти торжествовать — в этот миг распахнулась дверь близкого балка, который Лукашин чуть не снес своим трактором, потом засветился световой квадрат слева — и там открылась дверь, на улицу, прикрываясь полами одежды от снега и ветра, вывалились люди.

Лукашин уже не чувствовал, как его вытащили из трактора. Его внесли в балок, раздели, натерли горчицей и, когда тело сделалось красным, соскобили жгучую желтоватую кашку ножом, промыли кожу спиртом, завернули в две шубы и уложили спать.

Проснулся он только через двое суток, похудевший, с черными на помороженном лице пятнами, непохожий на себя, молчаливый.

За то, что бентонит был вовремя доставлен в гугинскую бригаду и намечавшаяся беда была сведена на нет, Виноградов приказал выписать трактористу Лукашину премию и предоставить очередной отпуск на три месяца раньше срока.

Уехав на юг, Лукашин затосковал там на третий же день, чувствуя себя одиноким, потерянным, никому не нужным. Ни солнце, ни море, ни заездные красавицы не радовали его: Лукашина тянуло — и с каждым днем все сильнее и сильнее — на Север.

И ничего он не мог с этой тягой поделать. Не дано было. Лишь усилием воли он заставил себя отбыть отпуск до конца. Но когда уж особенно остро допекала его тоска и грезилась тундра с ее снегом и метельным воем, низкое серое небо и медведи, отнимающие у людей авоськи с продуктами — тыфу, черт, придется заняться этими медведями всерьез! — и становилось совсем невмоготу, он хмыкал, брал суковатую лакированную палку, купленную на базаре, и шел в какое-нибудь тихое и пустынное место или на берег моря, где долго бродил в одиночестве, слушал, как скрипят песок и галька под ногами, собирая ракушки, а если штормило — подолгу наблюдал нескончаемую битву морской стихии с волнорезами. Он понимал бесцельность этих прогулок, понимал, что тоску надо брать в тиски не этим средством, и тогда снисходительно начинал улыбаться. Он прощал себе все свои чудачества.

Ибо не в них было дело, не в них была зарыта собака...

Мирослав Антич — современный югославский поэт и драматург. Он принадлежит к поколению молодых сербских поэтов, которые в 50—60-х годах открыли для себя Сергея Есенина и стали продолжателями его поэтического осмысливания мира.

Лирико-драматургическая поэзия М. Антича отмечена большой эмоциональной напряженностью, богатством интонаций, яркой метафоричностью. Стихи поэта впервые публикуются на русском языке. Их перевела студентка славянского отделения филологического факультета МГУ Ирина Чивилихина. Она изучает сербохорватский язык и литературу. Предлагаемые переводы — ее дебют в центральной печати.

Мирослав АНТИЧ

Романс

Ты видишь, невозможно
возвращение
Туда, где навсегда тебя оставили.
Чем безмятежней звездное свечение,
Тем неизбежней близость угасания.

И, сердце обманув в груди
израненной,
Я синих птиц твоих на волю
выпустил.
Там слишком многое казалось
правильным,
Что оказалось странным и
неискренним.

Ты знаешь, и перронам плакать
хотется,
Им, как и людям, не хватает
нежности,
А поезд ночью — символ
одиночества:
Ведь ехать не с кем, некуда
и незачем.

Но я прошу тебя, забудь и выпусти
Синец моих из глаз своих
печальных,
А слезы на дожде не скоро
высохнут,
Хотя, пожалуй, это странно
и неправильно.

Алена

Тиса, лениво вздохнув, просыпается,
Плещет водою мутно-зеленою.
Кто это ходит под окнами, мается?
Кто это ходит так поздно, Алена?

Над фонарями — яркими точками
Чей-то бубенчик долго смеется.
Окна пошире раскрой заколоченные—
В комнату медленно месяц вольется.

Полночь коснется рукою неверною
Тонких волос, задрожит на ветру.
Ты догадалась, Алена, наверное,
Я никогда, никогда не умру.

Рисунки Валерия СМИРНОВА

Небо... небо...
Зимний ветер
По весне сухой и колкий.
Месяц обронил на ветки
Хохот желтый.
Словно мертвый,
Темно-синий,
День на мельнице застылой
Вдруг твои осветят косы.
Из-за золотоволосой
Я погибну.
Я погибну от стремлений,
От надежды и от мыслей,
От знакомой песни чистой
И от головокруженья,

От безделья, и от муки
И от странной нежной силы,
Словно грудь, лицо и руки
Солнце окрестило,
И водою из купели
Даровало мне прозренье,
Чтоб глаза от ослепления
Заболели, заболели,
Опьяняли
И смеялись
До безумия, до боли.
Ты позволишь мне в апреле
Быть с тобою?
Ты позволишь мне смеяться
Этим сумасшедшим смехом?
Для того, чтоб целоваться,
Ветви цепкие акций
Не помеха,
Не помеха...
И до шепота слабей
И до крика вырастая,
Звезды глаз твоих синеют,
Голубеют,
Исчезают,
Умирают...
Умираю,
Но весною
Средь цветочного бесстрастия
Снова для себя открою:
Ты одна на свете — счастье!

Перевод с сербохорватского
Ирины Чивилихиной.

Евгений РЯБЧИКОВ

■ а лесной полянке группа молодых ребят готовилась к чаепитию. Они сидели... По привычке я едва не сказал «у костра». Но костра не было. Чайник стоял на какой-то треноге, довольно простой по конструкции. Прошло несколько минут, и над кружкой закурился парок. Чай у нас часто называют солнечным напитком, но на сей раз это отнюдь не метафора. Молодые ученые из Государственного энергетического института имени Г. М. Крижановского разработали немало образцов солнечных кухонь и печей, многие из которых уже успешно используются в народном хозяйстве.

Я молча прихватывал обжигающий напиток, приготовленный в необычной печи, и вспоминал все, что знаю о нашем добром и могущественном Солнце, заворожившем меня еще в раннем детстве.

В один из вечеров я увидел отца за каким-то странным занятием: он коптил над керосиновой лампой кусочки битого оконного стекла. В ответ на мои расспросы он только хитро улыбнулся: «Разбужу тебя пораньше, тогда и узнаешь».

Было еще темно, когда мы тихонько, чтобы не разбудить сестренок, ушли на Волгу.

В ночном белесом тумане не было видно ни белян, ни расшив, ни бусиров, только светились на мачтах фонари да на волнах покачивались огоньки бакенов. Подняв голову и закинув за спину руки, отец принял рассмотривать усеянное золотистыми точками небо. Он любил звезды и мог часами рассказывать о созвездии Тельца, о загадочной Андромеде и всем советовать: «Смотрите на звезды! Они зовут и учат, заставляют думать о самом важном — о Вселенной и о месте в ней человека».

Любяясь испещренным золотистыми огоньками небом, отец задумчиво сказал: «Сейчас увидишь самую близкую к нам звезду».

За приречными лесами, за дымчатой далю горизонта с величавой медлительностью выглянуло Солнце. Собственно, это еще было не само светило, а всего лишь его огненная горбушка, но сразу стали таять густые сумеречные тени. Из невидимости ночи появились на Волге буксиры и беляны. Солнце поднималось все выше, становясь то пурпурным, то алым, то янтарным, пока не превратилось в ярко-пламенный диск.

Отец протянул мне кусочек закопченного оконного стекла, оно тотчас сотворило чудо: я увидел нависший над Землей огромный огнедышащий шар, прекрасный и страшный...

— В далекой древности египтяне называли Солнце Ра, — едва ли не шепотом, чтобы не спугнуть мой восторг, рассказал мне отец. — Греки и римляне называли его Гелиосом и Аполлоном, а славяне именовали всесильным богом Ярило.

Моя мальчишеская душа, так мало знавшая о жизни, вдруг выпорхнула за пределы не только берегов Волги, но улетела за пределы пределов — в великую и неразгаданную тайну мироздания. Совет отца «глядеть на звезды и думать о Солнце» привел меня позднее в астрономическую башню нижегородской обсерватории. Мой школьный товарищ Борис Кукаркин, впоследствии известный астроном, член-корреспондент Академии наук СССР, а тогда еще ющий, очкастый паренек, предложил мне заглянуть в настоящий телескоп. Луна и Марс представили в таких масштабах, что я просто ахнул. Но подлинное потрясение ждало меня, когда увидел огненно-косматое, раскаленное до неистовой яркости, все в гребнях пламенных протуберанцев светило. Казалось, беззвучные грандиозные пожарища на Солнце должны были метнуться к Земле и все на ней испепелить.

А потом мне посчастливилось тихим утром подняться по узкой и крутой лестнице в светелку старого калужского дома над Окой и «увидеть» сидевшего в глубокой задумчивости Константина Эдуардовича Циолковского. Из-под железных очков на меня смотрели глаза гения. Беседа с Циолковским унесла меня с Земли в вечные и бесконечные звездные простран-

ства. Деловито, словно архитектор Вселенной, Циолковский говорил о небесных телах и добавлял к ним будущие внеземные города, заселенные людьми, — «эфирные острова», их космические заводы и научные лаборатории.

— Люди будущего, — уверенно произнес Константин Эдуардович, — расселясь по всей Солнечной системе, будут купаться в лучах Солнца и иметь в своем распоряжении изобилие его лучистой энергии.

Удивительно, как точно и деловито распоряжался небесными телами Циолковский, и Солнце было для него отнюдь не божеством, а мощным источником энергии, индустриальной основой будущей космической цивилизации.

Друг и единомышленник Циолковского, Александр Леонидович Чижевский (1897—1964), с юных лет увлекся изучением Солнца. Еще в 1915 году он выступил с докладом «Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли». Он высказал смелую, казавшуюся тогда невероятной мысль, что «...человек и микроб — существа не только земные, но и космические».

Александр Леонидович создал новую науку — гелиобиологию. Он организовал первую на планете службу защиты людей от пагубного воздействия солнечной радиации.

Прежде чем продолжать рассказ об исследованиях Солнца, нужно хотя бы вкратце дать общие сведения о нем. Трудно, конечно, представить себе «нашу» Галактику среди множества галактик Вселенной, а в ней, заполненной миллионами звезд, как бы на ее «краю», во всяком случае, на огромном расстоянии в 30000 световых лет от центра, «наше» Солнце. По астрономическим масштабам это совсем небольшая звезда класса «желтый карлик». Но этот «карлик» в 330000 раз массивнее Земли, диаметр его равен примерно 1392000 километров.

По нашим земным понятиям Солнце находится от нас очень далеко — примерно в 150 миллионах километров. Свет, как известно, распространяющийся со скоростью 300000 километров в секунду, прибывает к нам от Солнца через восемь с немногим минут.

Таковы масштабы.

Что же представляет собой само Солнце? Как и другие звезды, это раскаленный плазменный шар, состоящий из водорода — 82 процента и гелия — 17 процентов. Все остальные элементы составляют в нем всего лишь 1 процент. По современным представлениям, внутри Солнца существует область высокого давления, где температура достигает 15—20 миллионов градусов. Она настолько велика, что вещества не может сохранять свою упорядоченную структуру из атомов и молекул и становится плазмой. Внутри Солнца происходит бесконечная термоядерная реакция, и, по сути дела, Солнце — не что иное, как непрерывно взрывающиеся миллионы водородных бомб, только, к счастью, несущие нам не гибель, а свет, тепло, жизнь.

С Земли видна лишь светящаяся поверхность светила — фотосфера, температура которой достигает 6000 градусов. Вокруг нее образуется тонкая газообразная масса — хромосфера. В свою очередь, она окружена еще более тонким слоем газообразной массы, именуемой короной Солнца.

По расчетам ученых, Солнце возникло около 4,7 миллиарда лет тому назад, а наша Земля — примерно 4,6 миллиарда лет, так что они по астрономическим меркам едва ли не ровесники.

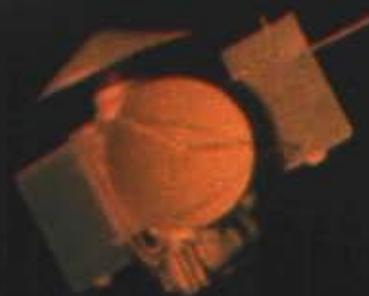
Пятна на Солнце, обнаруженные Галилеем, действительно существуют, и их появление оказывает подчас трагическое влияние на земную жизнь. Более 200 лет назад английский астроном Вильгельм Гершель обратил внимание на то, что каждые одиннадцать лет регулярно повышались в стране цены на зерно и овчью шерсть. Астроном принял изучать состояние хлебов и результаты стрижки овец и установил: через каждые одиннадцать лет, когда появляются на Солнце пятна, Землю мучают засухи, падают урожаи, происходит падеж скота. Следовательно, появление пятен на Солнце чередуется примерно через одиннадцать лет, и пятна имеют прямое воздействие на земную жизнь.

Моя встреча с Александром Леонидовичем Чижевским и началась с разговора о солнечных пятнах. Собрав огромное количество фактов нарушений жизненных процессов на Земле в период возмущений на Солнце, ученый установил закономерности в прямых солнечно-земных связях, их непосредственное воздействие на жизнь и здоровье людей. Он доказал, что многие эпидемические заболевания, их начало, развитие и окончание ритмически следуют за солнечной активностью. В 1928 году ученый открыл влияние циклической деятельности Солнца на частоту инфарктов и инсультов. Все это привело к тому, что, заложив основы новой науки — гелиобиологии, А. Л. Чижевский поставил вопрос об организации медицинской службы Солнца. «Часовые Солнца» должны, по мысли ученого, заранее оповещать людей о приближающихся возмущениях на Солнце, давать рекомендации врачам и больным.

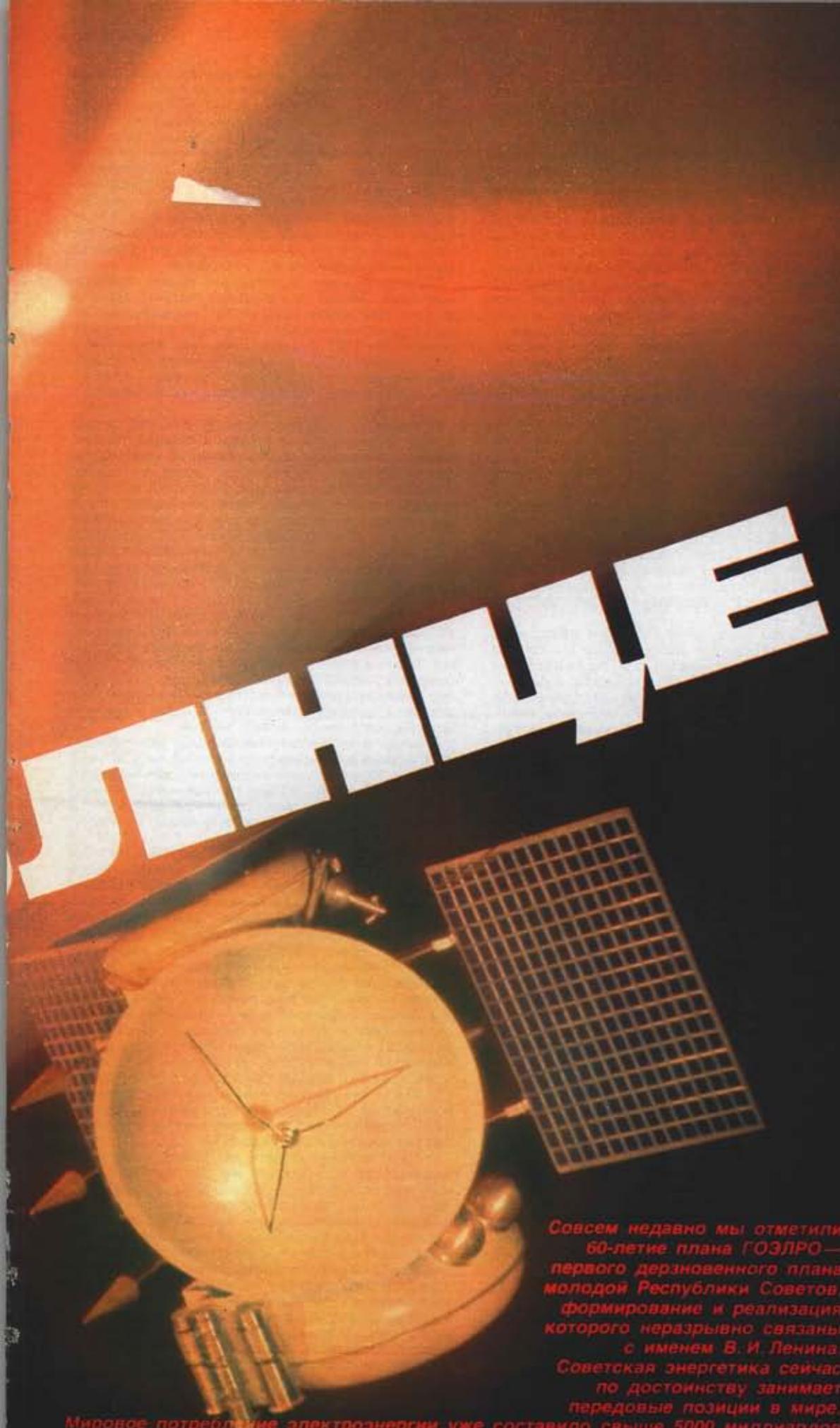
Взаимосвязи Человека и Солнца стали основной

Энергетика —
вчера, сегодня, завтра

100

СТАНУТ ЛИ
СОЛНЕЧНЫЕ ЛУЧИ,
ДАВШИЕ ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ,
МОЩНЫМ ИСТОЧНИКОМ
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ
ЭНЕРГИИ?

Совсем недавно мы отметили 60-летие плана ГОЭЛРО — первого дерзновенного плана молодой Республики Советов, формирование и реализация которого неразрывно связаны с именем В. И. Ленина.

Советская энергетика сейчас по достоинству занимает передовые позиции в мире.

Мировое потребление электроэнергии уже составило свыше 5000 миллиардов киловатт-часов. Считают, что в 1985 году эта огромная цифра увеличится вдвое. И прирост будет достигнут не только за счет увеличения мощности традиционных ГЭС, ТЭЦ, ГРЭС и АЭС. Видите, уже и атомные электростанции становятся традиционными. Чтобы получить электроэнергию, человек заставляет трудиться все силы природы.

И появляются новые электростанции — солнечные и приливные ветряные и геотермальные. В проекте ЦК КПСС к XXVI съезду говорится: «увеличить масштабы использования в народном хозяйстве возобновляемых источников энергии». Об этих относительно новых источниках энергии и пойдет речь в серии материалов под рубрикой «Энергетика — вчера, сегодня, завтра».

темой 104 научных работ А. Л. Чижевского. Он утверждал: «Солнце правит Землею» — и делал вывод: «Жизнь в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное».

Мечты, проекты и планы А. Л. Чижевского о создании «солнечной медицины», «солнечной генетики», о введении «солнечных прогнозов» стали теперь реальностью. Еще в предвоенные годы в Ленинграде возник новый раздел биологии — фотобиология, занявшая исследованием воздействия света на организм и его роли в жизни растений, животных и человека. Начальные работы велись особенно интенсивно в стенах Института цитологии Академии наук СССР и тесно связанны с исследованиями члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Николаевича Насонова и профессора Владимира Яковлевича Александрова.

Со временем острые проблемы охраны окружающей среды, грозные удары энергетического кризиса, потрясшего народы и страны, бурное развитие космонавтики и многое другое потребовали всестороннего изучения Солнца для широкого использования его энергии как в промышленности, так и в быту, и создания комплекса защитных мер от его пагубного воздействия. Теперь Солнце находится под строгим и неусыпным надзором сети специальных обсерваторий, расположенных по всей планете.

Большое внимание уделяется изучению светила и в нашей стране, тем более, что над ней никогда не заходит Солнце. Едва показывается светило над Дальним Востоком, как оно тотчас оказывается в сфере внимания астрономических инструментов, установленных на сопке недалеко от Уссурийска, — там действует самая восточная в СССР «Уссурийская станция службы Солнца». Сведения от этой станции, как и результаты наблюдений всех 16 специализированных «солнечных обсерваторий» страны, поступают в Москву, где немедленно используются при составлении общего «солнечного прогноза».

Среди «часовых Солнца» особо важное место занимает Крымская астрофизическая обсерватория Академии наук СССР, которой руководит академик Андрей Борисович Северный. Он и предложил мне посмотреть в «солнечный телескоп». Взглянул я — и все дрогнуло во мне: совсем рядом кипела бушующим огнем, плескалась жгучим пламенем, вся в сдвигавшихся и обрушивающихся вулканах, полная текущей слепящей лавы, вздыбленная поверхность светила. До огненного варева, до неистового багрового ада почти 150 миллионов километров, а казалось, огонь хлещет в лицо. И подумал я тогда: вот год за годом, миллионы и миллиарды лет Солнце «работает», выбрасывает в космос гигантское количество энергии, из которой лишь двухмиллиардная часть достается Земле. А эта «часть» — 40 триллионов килокалорий тепла каждую секунду. И каждую секунду Солнце теряет в своей массе 43 килограмма. Естественно, у меня появилось щемящее чувство тревоги: а не наступит ли угасание, а затем и смерть Солнца? Надолго ли хватит его тепла и света для Земли?

К подобным тревожным вопросам астрофизики привыкли. С уверенностью оптимистов они ответили: Солнце непрерывно светит в течение миллиардов лет и за это время потеряло в своей массе всего лишь около 0,07 процента. Это означает, что оно будет непрерывно действовать еще десятки миллиардов лет.

За последнее время в исследованиях Солнца четко определились два основных направления: во-первых, как использовать его живительную бесплатную энергию в народном хозяйстве и в быту; во-вторых, как надежно защитить человека и все живое от губительного воздействия лучевой энергии. Первое направление имеет большую историю. Еще в Древней Греции и в Древнем Риме две с половиной тысячи лет назад солнечная энергия использовалась для обогрева жилых домов и оранжерей. Вызвано это было «энергетическим» кризисом той поры: в результате хищнического истребления лесов не стало хватать дров, и нужда заставила так строить дома, чтобы в зимнее время на них падало как можно больше солнечного тепла. Древнегреческий драматург Эсхил писал: цивилизованные народы тем и отличаются от варваров, что их дома «обращены лицом к Солнцу».

В минувших веках известно было свойство линз и вогнутых зеркал собирать солнечные лучи в фокус. Используя зажигательные стекла, весталки добывали священный огонь в Древнем Риме на жертвенниках у храма Весты. Существует легенда, по которой великий Архимед с помощью зеркал сжег римский флот, осаждавший Сиракузы.

В эпоху раннего средневековья учёные Средней Азии тоже знали, как можно с помощью линз собирать в одной точке лучи Солнца. Бируни и его не менее известный современник Ибн-Сина были знакомы с фокусирующими свойствами линз и зеркал. Гениальный русский учёный М. В. Ломоносов представил в 1741 году в Петербургскую Академию наук доклад о воз-

можности изготовления «зажигательного инструмента» путем концентрации солнечных лучей линзами и зеркалами.

Стремление ученых и конструкторов принудить Солнце работать по их усмотрению наталкивалось на множество препятствий. Рассеянные в воздухе солнечные лучи плохо поддавались «ловле», ученые не могли найти такой аккумулятор, который бы собирал и сохранял в себе лучистую энергию, как это делают растения. Ведь не случайно великий К. А. Тимирязев определил растения как «консервы солнечных лучей».

Пока на Земле было вдоволь топлива — угля, нефти, дров, торфа — люди довольствовались их запасами и не очень-то раскошевливались на «обуждение» Солнца, тем более на экспериментальные работы по превращению лучистой энергии в электроэнергию. Однако бурное развитие человечества, быстрое истощение природного топлива, чудовищное загрязнение окружающей среды дымом и копотью, наконец, вспыхнувший и прокатившийся по всему миру энергетический кризис заставили людей задуматься о своем будущем и круто повернуться к Солнцу, к его неиссякаемой «энергетической сокровищнице».

Не останавливаясь на отдельных «солнечных исследованиях» дореволюционной России, хочу отметить, что в СССР серьезное внимание «проблемам Солнца» уделял еще в тридцатые годы профессор Б. П. Вейнберг. Совместно с другими исследователями он разработал и опробовал солнечные аппараты для нагрева и кипячения воды, ее опреснения и получения пара. Еще до Великой Отечественной войны ташкентский исследователь К. Трофимов создал устройство для нагрева воды в банях и прачечных, а также для сушки кирпича и фруктов. В лаборатории Трофимова побывал в 1935 году Юлиус Фучик. В своем фантастическом очерке «Мир без угля» неистовый репортер рассказал о реальных достижениях «скромного ташкентского профессора Трофимова».

В послевоенное время развитие гелиотехники в СССР было связано с именем академика Академии наук Туркменской ССР В. А. Баума и его школы. В те годы я и увидел в Ташкенте огромный железобетонный «подсолнух», повернувшийся к Солнцу над корпусами ташкентского консервного завода: это был уникальный для своего времени концентратор солнечных лучей, созданный видным советским гелиотехником Ф. Ф. Молеро. Охваченный любопытством, я облизал чащу десятиметрового параболоида — вся она была покрыта зеркальными квадратами, с помощью которых чаща собирала солнечные лучи, концентрировала их и снабжала тепловой энергией консервный завод. Теперь в стране построено предприятия, с конвейера которого сходят установки, использующие солнечную энергию. Такие водонагреватели идут в колхозы, санатории, бани, прачечные, дома отдыха. Специалисты Физико-технического института Академии наук Узбекской ССР разработали конструкции солнечных кухонь для полевых станов и высокогорных стойбищ чабанов. Параболическое зеркало из электрополированного алюминия позволяет вскипятить 3 литра воды за какие-нибудь 20—30 минут. Нужно отметить, что этот Физико-технический институт располагает теперь специально оборудованной гелиополигоном, на котором проводятся испытания новых моделей.

В нашей стране, чрезвычайно богатой запасами природного топлива, уделяется серьезное внимание развитию «солнечной науки и техники». В Алуште, на Южном берегу Крыма, где щедрое солнце и ясное небо, строится самая мощная в СССР экспериментальная база для использования солнечных лучей. В лабораторном корпусе будут проверять и испытывать солнечные установки для отопления зданий зимой и кондиционирования их летом. В плавательном бассейне пройдут исследования возможности подогрева морской воды Солнцем зимой и летом. Ученые Государственного энергетического института имени Г. М. Кржижановского проведут здесь проверку систем отопления лучами Солнца жилых домов. Кстати, тепло для одной из гостиниц Симферополя уже длительное время дает гелиоустановка. «Солнечные дома» различных конструкций построены в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, на юге Украины.

Для «ловли» солнечных лучей и их использования существует несколько способов. Если расплакать гидрид лития, а затем остудить его, чтобы он вновь превратился в твердое вещество, то в процессе кристаллизации гидрида лития выделяется тепло, которое было затрачено на его расплавление. Это свойство лития и некоторых других металлов используется гелиотехниками для создания солнечных батарей — аккумуляторов тепла. Днем, нагреваясь на Солнце, они плавятся, а ночью, затвердевая, через теплообменники и систему центрального отопления отдают тепло дому.

Литиевые солнечные аккумуляторы — не единственное средство «ловли» солнечной энергии и накопления ее впрок. В Ереване действует установка,

параболические зеркала которой создают столь высокую температуру, что при ней плавятся вольфрам, титан, ниобий. В этой «солнечной установке» получаются не только сверхчистые металлы, но и новые материалы с неожиданными свойствами.

За последнее время заметно продвинулись вперед новаторские работы в области так называемого фотозелектрического эффекта. Пионером исследований в этой области явился выдающийся русский физик Александр Григорьевич Столетов (1839—1899). Установлено, что при падении света на некоторые металлы из них «выбиваются» электроны. Это явление называли «фотозелектрическим эффектом». Превращать лучистую энергию в электрическую можно и с помощью кремниевых пластинок: они улавливают и непосредственно преобразуют в электричество до 15 процентов падающей на них энергии солнечных лучей. Из кремниевых пластинок создаются солнечные батареи — генераторы тока. Впервые они были практически использованы в портативных радиоприемниках «Фестиваль», «Кристалл» и «Солнечный».

Международный успех к полупроводниковым фотодиодам пришел не на Земле, а в космосе. На третьем советском искусственном спутнике Земли, помимо химических источников тока, были установлены комплекты солнечных батарей. Они состояли из ряда элементов, представлявших собой тонкие пластинки из чистого монокристаллического кремния с заранее заданной электронной проводимостью. Создатели солнечной батареи разделили ее на 9 секций и так их расположили на поверхности искусственного небесного тела, что, как бы ни поворачивался в полете спутник, часть его секций всегда освещалась Солнцем.

С тех пор все космические корабли и орбитальные станции обеспечиваются электрической энергией от своих бортовых солнечных батарей. Когда я впервые увидел на стапеле космической верфи корабль с распластанными панелями — крыльями солнечной батареи, то искренне восхищался их изяществом, какой-то летучестью и гармоничным сочетанием с архитектурой искусственного небесного тела. Стоило коснуться пальцами зеркальной поверхности солнечной панели, как я почувствовал неровную мозаику «стекляшек» — полупроводниковых преобразователей. Они были чем-то похожи на соты, эти аккуратно сформированные ячейки, покрыты слоем кремния с примесью мышьяка или фосфора. Каждая такая ячейка в своеобразных сотах невелика и создает напряжение всего в 0,5 вольта. Но когда «стекляшки» собирают воедино на панели, то они сообща дают мощность в 4 киловатта. А этого, если обратиться к земным масштабам, достаточно для освещения небольшого поселка.

Современные обитаемые орбитальные станции типа «Салют» сами добывают себе энергию для электромоторов и механизмов, систем управления, связи и жизнеобеспечения, научной аппаратуры и освещения: они черпают ее из вечного и бесконечного океана лучистой энергии Солнца. Когда кванты солнечного света —光子 попадают на фотодиоды солнечных батарей, то между слоями возникает поток электронов, образуется разность потенциалов, и во внешней цепи, соединяющей слои, появляется электрический ток.

Создание кремниевых фотопреобразователей явилось подлинной революцией в электротехнике. Крупный вклад в разработку фотозелектрических преобразователей внесли коллективы Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе Академии наук СССР, Института физики твердого тела Академии наук СССР и ряда других организаций. Видную роль в развитии фотозелектрического метода преобразования солнечной энергии сыграли в нашей стране член-корреспондент АН СССР Н. С. Лидаренко и профессор А. П. Ландман.

Среди ученых не затихают дискуссии: какими должны быть наземные солнечные станции? Использовать ли оправдавший себя в космосе метод кремниевых батарей или вместо монокристаллического кремния применять более дешевые поликристаллические или органические полупроводники? Наиболее перспективным считается сейчас путь использования концентратов солнечного излучения — наземные станции будут представлять собой зеркальные поля, концентрирующие солнечную энергию. Изготовление зеркал примерно в тысячу раз дешевле солнечной батареи той же площади, и, естественно, стоимость станции значительно снижается.

Потребуются еще время и усилия, прежде чем будут найдены эффективные средства «переработки» и сохранения солнечной энергии. Однако нет ни малейшего сомнения, что будущее — за Солнцем. И в этом убеждает каскад изобретений, самых различных предложений, даже открытый.

Житель Лозанны Макс Шрик построил «солнечную лодку» — ее двигатель работает на солнечной энергии. Подлинной сенсацией явилось сообщение, что

канадский инженер и авиамоделист Ларри Мауро поднялся в воздух на... «солнечном самолете» «Солнечный райзер» и пролетел на нем почти километр. Вскоре пришло новое сообщение — англичане К. Стюарт, Ф. Ту и Д. Х. Уильямс совершили второй в истории человечества «солнечный полет» на моноплане «Солнечный-1». Ровно 55 секунд продолжался полет «Летающего пингвина» изобретателя-любителя Поля Маккреди. Управляла его «солнечным самолетом» молодая учительница Янис Браун. Перед полетом ей пришлось похудеть на 2 килограмма и даже острить, чтобы ее вес не превышал допустимые расчетами 43 килограмма.

Солнечный маяк в Тасмании, вблизи Хобарта: солнечные насосы в Сенегале, Нигерии, Мали и других африканских государствах, поднимающие воду из подземных морей; солнечные плавательные бассейны в ГДР и даже солнечные зажигалки в Бразилии — в центре вогнутого металлического зеркальца укрепляется сигарета, и прикурить от солнца — дело секунд... Изобретателен, настойчив и пытлив человек.

В Туркмении уже несколько лет успешно работает первая солнечная электрическая станция, правда, небольшой мощности. Есть солнечные электростанции на Байкале и на Ладожском озере, на Черном, Азовском и Аральском морях. Всего в нашей стране действует около 100 солнечных электрических станций — СЭС. А ныне сооружается на экспериментальной базе в Крыму промышленная СЭС мощностью 5000 киловатт. Такой же, кстати, мощностью обладала и первая в мире атомная электрическая станция в Обнинске. Ныне же мощность АЭС исчисляется миллионами киловатт.

Крымская СЭС будет иметь стометровую башню и 1600 гелиостатов с зеркальным полем 40000 квадратных метров. Солнечные лучи, пойманные гелиостатами, будут концентрироваться в приемнике башни. Здесь они нагреют в парогенераторе воду до кипения, пар приведет в действие турбину. Крым со своей СЭС откроет в одиннадцатой пятилетке новую страницу в истории освоения солнечной энергии.

Ученые, «конструкторы-солнцеведы» уже прикидывают возможные варианты строительства СЭС мощностью в 300—500 тысяч и даже в миллион киловатт. Большой мощности СЭС проектируются и за рубежом. И все же окончательно «солнечную проблему» в энергетике, думаю, можно решить только в космосе, где нет капризов погоды.

Еще в начале космической эры академик Н. Н. Семенов высказал мысль, казавшуюся тогда фантастической: когда-нибудь солнечные батареи покроют всю поверхность Луны и выработанная ими энергия будет передаваться на Землю. Ныне существуют весьма реальные проекты создания в просторах космоса мощных СЭС и передачи их энергии на Землю. Ученые считают, что после 2000 года в космосе будет действовать не менее 100 СКЭС — солнечных космических электрических станций. Это будут станции, созданные на так называемой геостационарной орбите, то есть на расстоянии 36000 километров от поверхности нашей планеты, где период обращения станции составляет 24 часа. Вследствие этого и Земля и станция будут вращаться синхронно, СКЭС как бы повиснет над одной точкой земной поверхности. СКЭС надо иметь два крыла размером 6 на 5 километров, чтобы по выработке электрической энергии превзойти Братскую ГЭС.

А как транспортировать на Землю полученную энергию? Не по проводам же! По мысли ученых, можно использовать два способа беспроводной передачи больших мощностей на дальние расстояния: с помощью лазерного луча и сверхвысокочастотного излучения. Преобразованная в микроволновые импульсы, энергия будет передана через атмосферу на Землю, где ее включат в общую электросеть. Кстати, идея передачи больших количеств электрической энергии без проводов с помощью сверхвысокочастотного излучения принадлежит выдающемуся советскому ученому академику П. Л. Капице.

Установленная на Земле приемная антенна — гигантская чаша диаметром более километра — будет принимать СВЧ — сверхвысокочастотное излучение от космической станции, «перерабатывать» его в постоянный или переменный ток и включать в общую энергосистему.

Это не утопия. За кружящими голову проектами просматривается расчетное будущее. А будущее, как писал Маяковский, «не приходит само»: нужны молодые силы и энергия, таланты и дерзновение для познания тайн Солнца и покорения его воле Человека.

У поэта Эдуардаса Межелайтиса есть строки:

В шар земной упираясь ногами,
Солнца шар я держу на руках...

Мы — дети Солнца, и кому же, как не нам, разгадывать его загадки, брать его энергию, творя наше и наших детей солнечное будущее!

приглашаем к дискуссии

«ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ»

Задумывались ли вы, читатель, насколько прочны ваши родственные связи и связи окружающих вас близких и знакомых людей? Почему родные люди — мать с сыном, сестра с братом, даже живущие в одном городе — становятся иногда далекими друг другу, а то и чуть ли не чужими? В какой степени оказывает влияние на нашу личную жизнь, на родственные взаимоотношения цивилизация? Такие вопросы все чаще в читке приносят нам редакционная почта.

Родственные, кровные узы — непреходящее людское богатство. Любое нарушение этих уз ранит душу человека. Конфликт, в результате которого родные люди становятся далекими друг от друга, вносит дистармацию во внутренний мир личности. А это уже не может не касаться общества в целом.

Для начала дискуссии мы выбрали из нашей почты письмо жительницы Подмосковья А. С. Красовой. Давайте попробуем вместе разобраться в тех жизненных коллизиях, о которых пишет читательница.

Уважаемая редакция!

Хотя я и не молодая — скоро начну заниматься оформлением пенсии, — решила написать вам в надежде, что вы поймете мое состояние. Недавно я тяжело болела, даже пришлось ложиться в больницу. О многом передумала за время болезни. Сначала к думам примешивалась душевная боль, а потом тревога. Дело в том, что у меня есть племянник Сережа. Живет он в Москве, и о том, что я попала в больницу, мои соседи сразу сообщили ему по телефону. Шли дни, а он все не приезжал, хотя электричка к нам из Москвы идет 45 минут — меньше, чем он тратит времени на дорогу из дома в свой институт. Обидно мне было до слез, но я подумала, что, может, у него самого какие-то неприятности на работе или в семье. Выписалась и сразу же позвонила ему.

— У меня все в порядке, — ответил племянник бодрым голосом. — Вы уж не обижайтесь, что не навестил вас, просто столько дел, что времени на все не хватает.

Вот так. А ведь я фактически вырастила его. Мать Сергея, моя сестра Катерина, по роду своей работы часто бывала в отъездах, и мне приходилось брать к себе мальчика: и кормить, и стирать ему, и уроки вместе делать... Теперь он вырос, обзавелся семьей, и мне хочется от него неизменной благодарности за эту помощь ждать, а только простого человеческого внимания. Ведь родственники же...

Вспомнила о своей обиде и поневоле задумалась о родственных взаимоотношениях и связях близких, знакомых людей.

Вот у Сережи я — единственная родственница, живущая недалеко от него. А с тех пор, как пришел из армии (сейчас ему тридцать лет), сколько раз был он у меня? По пальцам можно пересчитать; и приезжал-то в основном так, по нужде: один раз денег попросил взаймы, другой — с товарищами по дороге на рыбальку. Я, правда, когда есть время и силы, езжу к нему. У него двое детишек, и я люблю их, как своих родных. Приглашать он сам особенно не приглашает, ну, а я боюсь быть навязчивой.

Может, я чем-то ему надоела, допекаю советами да наставлениями? Нет, кажется, в его семейную жизнь я не вмешиваюсь. Только чувствую, нет у него ко мне душевного тепла, родственных чувств. Но ведь и по отношению к другим родственникам Сережа такой же. У него есть в Чернигове дядя по отцу.

Что с ним, жив ли он вообще, Сережа не знает. Шесть лет назад умер Сережин папа, с тех пор нет вестей из Чернигова. Племянник туда не пишет, в дядя, может быть, и писал бы, да Сережин адрес давно изменился.

Вот пишу все это и думаю: а мы-то сами, люди постарше, намного ли душевнее молодых? Кроме Катерины, у меня есть еще одна сестра — Надежда, которая живет в Уфе. Так вот вместе, втроем, за последние двенадцать лет собирались мы впервые только на похоронах матери. Сестры в многолетней ссоре: когда-то их мужья крепко поругались. Давно уже нет в живых мужа Катерины; наверное, забыл обиду и муж Надежды, но даже смерть матери родных сестер не помирила!

Почему же в наше время так непрочны стали родственные узы, почему так безжалостно рвутся их нити? Я знаю одну семью, которая нарочно поругалась со своей родней: утомляли их гости, «постояльцы», как они привезли родственников из глаза называли. Живет, между прочим, эта семья в отдельной трехкомнатной квартире. А возьмите взаимоотношения детей и родителей... Право, лишний раз упоминать об этом — только расстраиваться. В нашей больничной палате лежала пожилая женщина, которую, как и меня, не навещал никто из близких.

Между тем ее сын с семьей живет в Клину — это совсем рядом с нашим поселком. Но она ему даже не сообщила, что лежит в больнице. Так велика ее обида на сына. С тех пор, как он два года назад женился, совсем перестал навещать мать. У этой женщины рано умер муж, и сына она растила одна. Трудно было, но все же, когда однажды ей встретился неплохой человек и предложил жить вместе, она отказалась. Каково будет сыну с отчимом? А сын вырос, выучился, получил хорошую специальность и... забыл мать.

Я самаросла в деревне. Мой отец был пасечником. Запечатлевшись он в моей памяти не только мастером своего дела, но и прекрасным, добрым семьянином. Заповедью жизни считал отец писаные и неписаные законы родственности, «свойственности», как тогда говорили. С глубоким смыслом любил он повторять пословицу: «Русский человек без родни не живет». А сколько других поговорок ходило, которых сегодня что-то не слыхать: «Братская любовь крепче каменных стен».

«Вся семья вместе, так и душа на месте», «Скора в своей родне до первого взгляда...» Это было все еще на моей памяти, а если заглянуть дальше, что называется, в глубь веков? Семейность и общинность исконно отличали характер русского народа. Семейство средней руки, или «двор», как его в старину называли, насчитывало 10—15, а нередко и 20 человек. Семья стремилась к своему сплочению, расширянию, охотно принимала под свой кров осиротевших детей даже дальних родственников. А сегодня, мне кажется, в нас все больше и больше проникает какая-то духовная, родственная разъединенность. Особенно это касается людей, живущих в крупных городах.

В детстве городские дома представлялись мне чем-то вроде ульев. В небольшой комнате сестры Катерины, где теснилась ее семья, всегда находилось место и нам с мамой. Да что говорить, вся коммунальная квартира жила как одна семья. Конечно, бывало, ссорились, но и тут же мирились.

Злобу недолго держали: все время ведь друг у друга на виду. Кроме того, было понятие «двор». Во дворе стояли сараи, на одном из них была голубятня. Голубятники начинали свистеть, улюлюкать, гонять голубей с самого утра. Никто из жильцов не возмущался этим шумом: чего серчать, шум-то свой, привычный, нашего двора. То есть жили, думая и о других, на многие вещи смотрели проще, чем сейчас. Теперь повсюду строят много квартирные дома-башни, дворы постепенно исчезли, место, где можно было бы ребятам поиграть в лапту или в прятки, заняли владельцы автомобилей. Соседи не только по дому, а и по площадке живут обособленно, варятся в собственном соку, имени друг друга часто не знают...

Странно получается: живем лучше, а черствеем больше. Сегодня

материальное положение семьи, поддержка государства таковы, что в случае болезни или даже смерти кого-нибудь из членов семья проживет и без помощи родственников. Сеть яслей и детских садов помогает родителям в воспитании детей обходиться без непременного участия тетушек и бабушек. Но если отпадает необходимость общаться с близкими по нужде, разве не остается потребность в душевных, родственных связях?

Недавно из телевизионной передачи узнала, что сочетание букв НТР (научно-техническая революция) в шутку, конечно, расшифровывают и так: «научно-техническое разрушение». Имеется в виду разрушение окружающей среды. Считаю, что это определение подходит и к тому незримому процессу, который незаметно начинает проникать в среду родных, близких людей: разрушаются родственные связи, губятся родовые корни.

Как остановить это?

А. С. КРАСОВА,
Московская область.

Ждем ваших суждений, дорогие читатели. Дискуссия «Далекие близкие» начинается.

Это называется «багги»

Илья ВАЙС

Багги — в те дни это слово было на устах у всех: Латвийский городок Валмиера, казалось, жил одним — багги. На автостраде и возле гостиницы, в кафе и на набережной Гауди афиши бросались в глаза: «зали, не давали пройти багги!». — «Багги...» — слышалось в автобусах и в магазинах. Молодые спортивные ребята и люди в годнях местных жителей и привезли, «привезли» и гуманитарии обсуждали, предсказывали и вот сегодня — ни погода не изменяется, ни удаленность трассы от города — приехали в карьер. На гонки багги. В Валмиере проводились в рамках Центральной выставки научно-технического творчества молодежи 1980 года V Всесоюзный смотр-конкурс автомобильной багги.

Термин «багги» появился, в общем, недавно, лет двадцать тому назад.

Открытая машина с мотоциклетным или автомобильным двигателем, лишенная какого бы то ни было комфорта, практически без кузова (все наружные панели сугубо функциональны — либо закрывают узлы и агрегаты, либо служат безопасности гонщика), с надежными страховочными дугами на случай столкновения или опрокидывания. Поскольку конструкция предназначена для гонки по сильно пересеченной местности, главное тут — подвеска: ей приходится выдерживать такие беспощадные и разнообразные нагрузки, какие и не снимались остальным спортивным автомобилям.

У нас этот вид автоспорта вошел в обиход совсем недавно: официальные соревнования проводятся всего восемь лет. Мастеров спорта, завоевавших свое звание в лихой машине — багги, не наберется пока и десяти. Но вот феномен: едва выйдя из младенческого возраста, багги (непонятно даже, какого рода — все-таки, пожалуй, среднего) превратились из редкости, уникума в популярное явление молодежной жизни. Недаром эти машины из года в год экспонируются на выставках технического творчества молодежи. Интерес к новинкам растет с неслыханным ускорением. Баггистов — сотни. Существующие же «блочинные жокеи» просто не счесть — огромные толпы зрителей на трассах уже привычны. А сколько выдающихся автомобилистов — колесников, мотокроссменов, раллистов, уже добившихся в «своих» видах и успехов и титулов, — изменили прежней «специальности» для багги, где все надо начинать сначала!

В чем же дело? Где объяснение багги-буму?

В начале пятидесятых годов на автоспортивном небосклоне ярко загорелась звезда ралли. Месяц от месяца популярность этих соревнований увеличивалась. Уже казалось, что столь мужественные и увлекательные состязания совсем скоро завоюют мир и будут процветать всегда. Но вот что-то изменилось — в последние годы во многих странах ралли проводятся все реже и реже. Одна из причин: при нынешней интенсивности движения обеспечить безопасность и четкость проведения ралли на обычных дорогах, открытых

КОСМОНАВТ ГЕОРГИЙ ГРЕЧКО — ОДИН ИЗ ЭНТУЗИАСТОВ НОВОГО ВИДА СПОРТА.

для всего транспорта, все труднее и труднее. А смысл этих соревнований в том и состоит, чтобы состязаться на нормальных улицах, площадях и перекрестках. К тому же любой спорт испокон веку существует столько же для спортсменов, сколько и для зрителей. И если ралли-водитель, сидя за рулем, всегда «в курсе дела», то ралли-болельщику, стоящему на обочине, часто непонятно: кто идет хорошо, кто выбился из графика и за кого, собственно, болеть?

Можно, конечно, обратиться к тем видам автоспорта, которые «привязаны» к специальным трассам. Кросс, ипподромная гонка, шоссейно-кольцевые соревнования — все это и зрелищно и безопасно для окружающих. Но есть серьезный минус. Спорт держится на физкультуре, рекорды опираются на массовость — где же взять тысячи оборудованных трасс для сотен тысяч любителей? Дорого, трудновато, требует большого времени на строительство.

Даже незатейливый картинг — и тот нуждается в специальной трассе. Там, где кончается асфальт, кончается и картинг...

Багги же (журналисты уже окрестили его «картынг на траве») — спорт универсальных достоинств. Что стоит подобрать лужайку, или грунтовую дорогу, или заброшенный карьер? Скорость — как на шоссейно-кольцевой трассе, рельеф трассы — как на автокроссе.

— Слушай, кому это надо? — спросил меня вечером сосед, по гостиничному номеру, долговязый парень со шкиперской бородой. Тоже москвич, биолог, он приехал в Валмиеру по совсем другим делам, и сутра с багги ему как-то не понравилась. — Сам говоришь, ломают технику почем зря. Мальчишкам потешить?

Так малышики лучше пусть в хоккей играют, а то посмотрят он на эту гонку, придет домой, соорудит такую «багги»... Глупая ведь забава.

Что сказать моему соседу? Что багги мне нравится — и все? Звучит не слишком доказательно. А ведь каждый автомобиль багги стоят, наверное, недешево. Есть ли от этого вида спорта прямая, практическая польза?

С этим вопросом я постучался в дверь номера напротив — там жил почетный судья вальмийских соревнований, дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Владимир Викторович Аксенов.

— Какая польза? — переспросил Аксенов. — На мой взгляд, багги — это уникальный инструмент, чтобы воспитать в себе умение необходимые для мужчины качества, чтобы себя проверить и чтобы людям свой характер показать. Эта маленькая машинка напоминает мне установку для подготовки космонавтов. Ведь на трассе что ни секунда, то новая неожиданность. С такой точки зрения, пожалуй, и сравнивать багги с каким-то другим видом спорта трудно. Сохранение нормальной жизнеспособности в экстремальных, головокружительно — в буквальном смысле! — меняющихся условиях, умение в непредсказуемой ситуации безошибочно выполнять свои функции, верно оценивать обстановку, виртуозно владеть собой, не впадать в панику... А какая пропаганда научно-технических знаний, какая возможность применить их, эти знания! Если парень — неплохой баггист, то можно быть уверенными — он окажется на высоте и в армии, и за станком на заводе, и, наверное, просто в трудной жизненной переделке.

Дальше. Багги — из тех редких видов спорта, где оценивается и спортивный результат, и оригинальность конструкции, смелость инженерного решения и грамотность его воплощения, эстетика машины, наконец. На наших состязаниях мы наградили дипломами многих спортсменов, привезших на финиш далеко не первыми...

И сугубо спортивная сторона дела здесь очень хороша! А захватывающая зрелищность, красота! Вот сколько «польз» дает багги, и это еще, я думаю, не все... Знаете, есть энтузиасты нового вида спорта и среди моих товарищей, космонавтов — Георгий Михайлович Гречко, например, в большой дружбе с баггистами, да и самого его можно иногда увидеть за рулем багги...

Когда я наутро передавал соседу мнение космонавта, он слушал внимательно.

И я рассказал оппоненту-биологу про своего знакомого баггиста Германа Будакова, двадцатидвухлетнего кандидата в мастера спорта.

Подростком он прошел через весь набор воспитательных средств, применяемых любящими родителями к детям: Фигурное катание, музыка, английский язык с репетитором... Но... Сначала парню надоели коньки, потом музыка, язык... А упрямство, однако, в нем возникло. Однажды Гера пришел к отцу с журналом: смотри, пап, какая машина, багги

называется. Давай сделаем — кататься будем!

Сыну представили самые серьезные — старшие классы. Но Юрий Семенович согласился — почувствовал что-то в словах сына. А может, сам увлекся новой идеей. Во всяком случае, взялся за дело.

Будаков-младший стал помогать отцу не с восторгом. Но вскоре матчи катания! На трещащий, быстрый, неподходящий ни на какие «Волги» самоделки.

Правда, ее еще предстояло сделать. Типовых проектов багги не существует, конструкция же требуется не какая-нибудь, а классная: чтобы машина ходила не хуже других и не ломалась. Герман полез в технические справочники, учебники и постепенно превратился по этой части в энциклопедиста. Расчитал малом асфальт — перед гаражом — вот и «натураша» модель в плане. Вычитал, как итальянцы на ФИАТе работают над эстетикой кузова — а как же, все должно быть на высшем уровне.

Чертит, сшивает, моделировал, варил, гнул с пластик трубки, кое-что и отцу стал подсказывать. Однажды услышал: на кузовах настоящих багги пишут группу крови гонщика и резус-фактор: на всякий случай. Но отступать было уже несклонно, да и характер не позволял. Парень тогда еще не знал, что конструкция предохранительных элементов багги чрезвычайно надежна и оттого этот вид спорта едва ли не самый безопасный среди родственных надо только уметь при аварии вести себя грамотно.

Машинка была почти готова, когда Гера понял грустную вещь: с багги надо еще суметь стать на «ты», а вот если не хватит силенки или выносливости... Отсюда — мышцы качать, зарядка каждый день, режим...

На первой машине (потом-то будут еще три) Герман выиграл свое первое соревнование. Пока небольшое — районного масштаба. Но с этого момента началось спортивное возрождение Будакова, и не только спортивное. Герман теперь — один из лучших советских баггистов, обладатель особого диплома смотря-конкурса НТТМ за оригинальность конструкции машины, производственник отличный, атлет дай бог каждому и человек надежный, с мужским характером. Сам он любит повторять: багги — это то, что объединяет голову, руки и характер.

По дороге в школу, в здании которой поселились гонщики, я, настроенный на спортивную багги, вдруг задумался: а как быть заинтересовавшимся багги школьникам? Но в Валмиере ответа на этот вопрос я не нашел и уже в Москве обратился к человеку, с самого начала стоявшему «у руля» отечественного багги — ответственному за развитие этого вида спорта в Федерации автомобильного спорта СССР, мастеру спорта СССР, заслуженному тренеру РСФСР Владимиру Константиновичу Егорову.

— У багги, как у всякого нового дела, множество проблем, — сказал В. К. Егоров. — Но главное уже ясно: багги — быть. Отсюда ясно и другое: необходимо искать пути для преодоления трудностей роста. К этому виду спорта лучше всего приобщаться в юном возрасте. Поэтому сейчас начинает развиваться так называемый «молодежный» класс этих машин — с рабочим объемом двигателей до 350 кубических сантиметров. Таковы как раз моторы от одноцилиндровых мотоциклов, от инвалидных колясок. Как их достать, скажем, кружку юных техников? Во многих местах ребята собирают металлом, а в обмен получают на авторемонтных предприятиях списанную инвалидную коляску. Очевидно, есть смысл как-то распространить, узаконить подобные, выгодные всем контакты. Молодежный класс нужен! И пусть он не даст мировых рекордов, но приобщит к спорту, привьет вкус к технике, наконец, отвлечет многих «трудных» подростков от улицы и воспитает в них волю, изобретательность, мужество, выработает реакцию и внимание. К тому же 350 «кубиков» — это массовость и сравнительная дешевизна, то есть тот физкультурный фундамент, на котором зиждется вся пирамида спорта.

Сейчас у советского багги пора юности. Разработка конструкций этих машин теперь стала темой дипломных работ студентов МАДИ и втуза при ЗИЛе. По-видимому, в ближайшие годы советские баггисты выйдут и на международные трассы.

Репортаж об интересном

Мария БОГДАНОВА.
Фото Бориса РАСКИНА.

Аукцион — одна из древнейших форм продажи товаров. Она существует во всех крупных торговых городах мира: Лондоне, Нью-Йорке, Амстердаме, Калькутте... У нас первый аукцион состоялся в 1935 году в Ленинграде. Продавалась на нем знаменитая российская пушнина. А в 1965 году в Москве открылся первый конный аукцион чистокровных верховых и рысистых пород на ВДНХ. Цены на аукционе (кроме первоначальной) устанавливают сами покупатели. От

их желания приобрести тот или иной товар, от их личной оценки зависит сумма, за которую он и будет продан. Молоточек аукционатора — неизменный атрибут торгов. Пока не раздастся его удар, покупатели могут раздумывать, присматриваться, вносить свои предложения, конкурируя друг с другом.

На Московский аукцион спортивных и племенных лошадей своих питомцев поставляют конные заводы из разных краев нашей страны. Каждый из этих заводов (а их более десяти) специализируется на разведении определенных пород. Буденновские лошади приходят с заводов имени 1-й Конной армии и имени С. М. Буденного, лошади латвийской породы — из совхоза «Тервете». Оттуда же

поступают ганновераны (представители этой породы попадают на аукцион и с Жагарского завода Латвии). Красавцы ахалтекинцы — уроженцы Дагестана и далекой Туркмении.

...Вот появилась на манеже аукциона карабахская кобылка Амазонка. Правда, теперь она уже зовется «лот № 1». Так обозначают продающихся на аукционе лошадей. Два раза подымался молоточек, прежде чем раздался окончательный удар. Амазонка поедет в ФРГ. Там ей дадут другую кличку. Но, где бы она ни оказалась, с ней навсегда останется метка о ее происхождении — тавро Аргамского конного завода.

Большие надежды возлагались на жеребчика латвийской породы — Фавора. Но массивный, серый Фавор хоть и прыгал хорошо и держался с достоинством, не смог раззадорить клиентов. Он был просто угловатым, хотя и рослым подростком, еще не умеющим должным образом преподнести свои достоинства. А на аукционе, где всего за несколько минут покупатели должны решить, за какую цену стоит брать лошадь, это умение бывает решающим.

Замер с поднятым молоточком аукционатор — ждет набавления к уже заявленной сумме.

— Разве это цена, господа, за такую лошадь? Как бы не пожалеть потом...

Самую сильную вспышку конкурентной борьбы вызвала лошадь буденновской породы — Небесная. Рыжая, со светлой гривой, она вылетела на манеж легко и стремительно. Бежала плавно и мягко, как при замедленной съемке, с разевающейся светлой гривой и неподвижной, гордо выпянутой головой.

— Небесная!

Аукционатор не спешит называть цену. Теперь кобылка направилась к трибунам, но не по прямой, а вдоль дальней стены манежа, будто знала, как надо себя держать, чтобы вскружить голову покупателям. И вот назначена первоначальная

цена. Посыпались предложения. Аукционатор едва послевал следить за табличками с номерами покупателей, которые поднимались, каждый раз повышая цену как минимум на сто долларов. Повернув голову в их сторону, Небесная, казалось, сама выбирала себе хозяина. Покупатели просто таяли от удовольствия, глядя на нее, и таяла их прежняя осторожительность: они все набавляли цену, стараясь перехватить лошадь друг у друга. Наконец дело дошло до весьма солидной суммы, и молоточек ведущего ударило в кафедру, оповестив, что лошадь продана.

Так совершилась самая крупная торговая сделка сентябрьского аукциона.

Да, торговать — это искусство. Оно требует умения организовать быстрый и выгодный ход торгов, привлечь покупателей, показать товар лицом.

Московский аукцион спортивных и племенных лошадей молод — первые торги датированы 1971 годом. Но он уже набирает силу, пропагандируя отечественное конное дело, принося государству немалую экономическую выгоду. За валюту, которую мы выручаем на аукционе, покупаются у зарубежных партнеров станки, оборудование, машины...

Что и говорить, кони — ходкий товар в буквальном и переносном смысле этого слова.

...Последний «лот», взметнулся вверх табличка с новой ценой, третий раз опускается молоточек аукционатора. Все. Нынешние торги закончены. Расходятся покупатели, кто радостно улыбаясь (повезло — выгодная сделка!), кто хмуря брови (перехватили отличный товар!), кто спокойно подводя результаты сегодняшнего бизнеса.

До следующей осени, до следующего сентября. До того волнующего момента, когда на манеж аукциона выбежит золотистое четвероногое чудо, когда все привстанут в волнении, и молоточек аукционатора вновь поднимется для решающего удара.

Вороные, рыжие, гнездые

ЧТО У ВАС?

СОХРАННОСТЬ
ГАРАНТИРУЕТСЯ!

МАРШРУТЫ КОМСОМОЛИИ

ПОЕЗД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Тарко-Сале — таежный поселок Ямalo-Ненецкого автономного округа — пока что конечная станция железнодорожной линии, что соединит Сургут с Уренгой. Станция эта принимает только рабочие составы — с рельсами, шпалами, стройматериалом. Всесоюзная ударная комсомольская стройка продолжается. И не случайно именно в Тарко-Сале закончился маршрут агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Молодогвардейц». Сюда, на самую горячую точку стройки, агитпоезд пришел впервые.

...Почти три года назад, в день открытия XVIII съезда ВЛКСМ, вышел в необычный рейс из Тюмени новый агитпоезд. Комсомольские пропагандисты побывали на самых отдаленных станциях Красноярского края и Омской области, на ударных стройках Абакана, Сургута, Нижневартовска... Агитаторы и самодеятельные артисты на самолетах и вертолетах прилетали к оленеводам и нефтедобывающим, лесорубам и электромонтажникам. Слово комсомольских пропагандистов звучало в заводских цехах и вагончиках строителей, в красных уголках общежитий, на колхозном поле, на зернотеке.

«Красным поездом» называли состав молодые сибиряки. «Красным» не только за цвет вагонов, но прежде всего за ту атмосферу праздника и духовного накала, которая сопровождала по всему маршруту этот поезд особого назначения.

Владимир ДВОРЦКИЙ.
Фото автора

ПРОЕКТЫ

«ВЕЛОПОЛИТЕН»? А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ!

Бесшумный двухколесный экипаж, не загромождающий улиц, не отравляющий воздуха и разом решая проблемы пресловутой гиподинамики, кое-где начинает всерьез конкурировать не только с трамваями и автобусами, но даже с самим «его величеством» автомобилем.

Однако есть у велосипеда «ахиллесова пятна», даже две. Первая — зависимость от погоды: мало радости кататься в дождь, а тем более в снегопад или в гололедицу. Вторая — хрупкость, «незащищенность» велосипедиста на улицах, запруженных горохочими, рыхчущими «мастодонтами» автодорог.

Преодолимы ли эти сложности? Существует ли принципиальное решение, позволяющее «вписаться» велотранспорт в «интерьер» современного города? Да, считает московский инженер П. Райкин, такое решение существует. И разворачивает чертеж «велополитена» — системы крытых эстакадных магистралей, «парящих» где-то на высоте шестидесятых этажей.

На первый взгляд — фантастика: не проще ли проложить дополнительные линии метро? Нет, возражает изобретатель, не проще: снаряжение «велокорабля» обойдется дешевле во много раз, не говоря уж о его эксплуатации. Главное — построить станции, буквально через каждые полкилометра: возле крупных жилых домов, учреждений... Представьте себе платформы между верхним и нижним ярусами эстакады, по вертикали (сквозь оба

Где только не встречали мы пресловутые автографы типа «Здесь был Вася!» Немало хлопот доставляют они хранителям природных и архитектурных памятников. А вот в сузdalских музеях отказались от борьбы с любителями оставить свой «след в истории». Более того, музейные работники Суздаля гарантируют авторам сохранность их автографов в своих фондах. Специально для этого рядом с уникальными постройками древности установлены большие щиты — пожалуйста, расписывайся каждый.

Вероятно, «изобретение» суздалцев может вызвать и улыбку, но тем не менее специальные щиты исписаны вдоль и поперек, а на бесценных памятниках не встретишь ни одного «незапланированного» автографа.

Валерий ОРЛОВ

МАСТЕРА

РОСПИСЬ ПО СТАЛИ

Хотя и называется город Златоустом, но принесли ему славу не красивые речи, а золотые руки его мастеров. Знатнейшему из них поставлен памятник. На высоком постаменте внимательно рассматривает полосу гибкой стали бронзовый человек в сюртуке горного инженера — Павел Петрович Амосов. Открыватель скрепок древней таинственной стали — булата. «Россия... — писал Амосов, — богата железными рудами различного свойства, не бедна и искусствами руками». Для сохранения мастерства уральских оружейников он предложил основать Златоустовский музей, который по сей день является хранителем уникальных произведений мастеров холодного оружия, среди них — сабли, шпаги, плаши, кирасы, изготовленные здесь полтора столетия назад и украшенные уникальной гравировкой.

Имя одного из самых первых русских граверов холодного оружия — Ивана Бушиева известно многим по сказу Бажова об Иванке Крылатке. В Златоусте хранятся клинки со знаменитым крылатым коньком, ставшим теперь эмблемой города металлургов. Но Бушиев был не одинок, работали здесь замечательные художники-самоучки М. Тележников, И. Бояршинов, С. Фетисов, М. Пелягин. Апофеозом их работы явились рыцарские доспехи, заказан-

ные царем для наследника престола, будущего Александра II. Над изготовлением этих доспехов почти пять лет работали кузнецы, чеканщики, граверы, золотильщики — руководили ими Иван Бушиев. Латы и шлем были выкованы из лучшей стали, искусно украшены вытравкой, гравировкой, чеканкой, литьем.

Древнее искусство свое сохранило златоустовцы и до наших дней. Новые, современные по рисунку работы украшают многие витрины музея — кубки, декоративные блюда, ножи, топорики, сувениры и целые панно.

Сегодняшний Златоуст — огромный промышленный город, выпускающий сложнейшую продукцию самого современного назначения. И здесь пригодился опыт старых мастеров «стального дела» — точный глазомер, упорство, профессиональная виртуозность.

Роман БОРИСОВ,
Фото автора

УВЛЕЧЕНИЕ

В мире сказки

Полосатый тигр устремил свои клыки на вертлявых мартышек. С лукавой усмешкой поглядывают на эту кутерьму чародеи-лесовики. А из золотистого шара пьется нежная, прямо-таки волшебная музыка...

Переступаешь порог дома Юрия Николаевича Поливанова, художественного редактора издательства «Малыш», и попадаешь в чудесный мир сказки. На полках, в шкафах тесными рядами выстроились игрушки. Их здесь великое множество — более двух с половиной тысяч.

Еще Гете сказал: «Собиратели — одни из счастливейших людей». Пожалуй, в полной мере эти слова можно отнести к хозяину дома. Уже двадцать лет Юрий Николаевич одержим страстью коллекционирования кукол и игрушек, созданных народными умельцами. Они привозятся отовсюду. Яркие, из раскрашенной глины каргопольские кентавры, полные лукавства таджикские химеры, важные сударушки, грозные немецкие щелкунчики, нарядные испанские танцовщики... Посланцы из семидесяти двух стран живут в этом необычном музее, двери которого всегда открыты детям.

Елена САМОУКОВА,
Фото Бориса ГОРШКОВА

Михаил КРУШИНСКИЙ

ОБЫЧАИ

ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА

Проводы русской зимы — праздник очень древний, самобытный, исконно русский. А название ему — масленица. Нам повезло. Повезло проводить зиму и встретить весну в старинном русском городке на Орловщине.

Как пахнуло сказочной русской удалой!

Мчаться из окрестных колхозных деревень в Малоархангельск запряженные в сани-розвальни резвые лошадки. А дуга-то переплетена шелковыми лентами. Из заветных сундуков вытащены на свет старинные колокольчики, сотканный еще прабабушкой расписной ковер и нарядная попона для коня...

Мчаться праздничные сани по мартовскому снегу весну встречать. А в санях — как теплая, мягкая, душевная перина — охапка сена, укрытая ковром, серебристый возница и куча румяных ребятишек.

В домах никого нет. Все на площади. Она поет, танцует, хохочет. Тешат народ веселые скоморохи, летят расписные тройки, пылает огромное со-

поменное чучело Зимы. Уморительно препираются ряженые, далеко окрестились перебор гармошки да задорные частушки...

Идет-гудят широкая масленица!

Александр БОГДАНЧИКОВ.
Фото автора

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИАНИНО

Несколько лет назад в Пермском краеведческом музее появился новый экспонат — старое ширдеровское пианино. Когда-то оно принадлежало русскому музыканту Илье Алексеевичу Шатрову — капельмейстеру 214-го Мокшанского полка, автору знаменитого вальса «На сопках Маньчжурии».

В Златоусте существовал музыкальный кружок местной интеллигенции. Его стал посещать будущий композитор. Ближе, чем со всеми, он сошелся с сыном Лавра Иродионовича Фенелонова, привязался к их маленькому сыну Аркадию.

В июле 1904 года казармы на окраине Златоуста опустели — полк был отправлен на Дальний Восток. И. А. Шатров решил подарить пианино своим друзьям Фенелоновым.

А Аркадий Лаврович Фенелонов стал впоследствии профессором Пермского медицинского института. И пианино он перевез в Пермь. Когда А. Л. Фенелонов умер, родственники его передали инструмент в дар местному краеведческому музею.

Такова необычная история этого инструмента.

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

КАК И МИЛЛИОН ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Заманчиво проникнуть с помощью машин времени в глубинные пласты истории, не правда ли? Но такие чудеса, как известно, случаются разве что в фантастических романах. Однако не будем забывать, что любая фантастика непременно граничит с реальностью.

Зная об этом, молдавские учёные — зоологи, палеонтологи — объединились со скульпторами и решили создать макет животного мира далекого прошлого. В распоряжении художников и учёных была одна из богатейших в Советском Союзе коллекций остатков животных, населявших территорию Молдавии два с лишним миллиона лет назад.

Идея проста и оригинальна: организовать музей, в котором были бы воспроизведены с предельной точно-

стью и в натуральную величину саблезубые тигры и носороги, мамонты и олени. Всего же задумано разместить на площадке под городом Тирасполем свыше сорока видов обитателей доисторической фауны. За выполнение заказа республиканского общества по охране природы взялись кишиневские скульпторы.

Так через некоторое время вновь «появятся» на молдавской земле исчезнувшие миллионы лет назад представители животного мира.

Валерий ПЛЕШАКОВ

ВНИМАНИЕ: СЪЕМКА!

Случай или судьба?

Могу сказать совершенно точно: Баграт Девносадзе ни до своего кинематографического дебюта, ни после не думал о популярности, хотя о его жизни можно сделать не один полноценный фильм.

С режиссером Резо Чхеидзе они встретились совершенно случайно. Чхеидзе вместе со сценаристом Сулико Жгенти готовился к съемкам фильма «Твой сын, земля» — о партийном руководителе наших дней. В который раз объезжая места будущих съемок, на одной из террас в Верхней Вардзии они увидели работающего в одиночестве старика. Им оказался крестьянин Баграт Девносадзе. Он родился в селе Апния, на самой границе с Турцией. Одним из первых вступил в колхоз. Был бригадиром. В сорок первом на фронт ушли два его сына, а в январе сорок второго — сам Баграт (военкомату надоело, наверное, посыпать ему отказы). После ранения «зайцем» отправился снова на фронт и дошел до Берлина. После войны вернулся в родные места, начал строить дом и нашел в земле корни виноградной лозы. Вырастил виноградник, воспитал внуков, а потом... потом прочитал в газете призыв: «Возродим оставленные села!». И поехал в Вардзию.

Там и произошла его встреча с Резо Чхеидзе. И совершенно неожиданно оказалось, что Баграт Девносадзе со всеми своими заботами, раздумьями не просто органично вплетается в сценарный замысел картины, но и совершенно ей необходим — как воплощение режиссерского представления о

грузинском крестьянине, о его самоотверженной любви к родной земле.

Те, кто знаком с творчеством Резо Чхеидзе, несомненно, найдут в характере и в судьбе Баграта Девносадзе черты экранных героев Чхеидзе — и Георгия Махарашили из «Отца солдата» и старика Луки из «Саженцев». С единственной разницей — Георгий Махарашили, «придуманный» персонаж, воспринялся как реально существующий человек (в Грузии даже есть памятник «отцу солдата»), а Баграт Девносадзе, несмотря на то, что он вошел в фильм под своей фамилией и делает в нем, собственно, только то, что делает в жизни, воспринимается как художественно-обобщенный персонаж.

Вера ЖЕЛТОВА

БАНЯ... С ЭКОНОМИЧЕСКИМ ЭФФЕКТОМ

На трассе — минус шестьдесят, злой ветер, а из зеленого вагончика с дымком над трубой раздаются веселые голоса: банный день. Вагончик на колесах: сегодня — здесь, завтра — там. И везде ему рады. Да и как не порадоваться хорошей русской бане, с парком да с веничиком! Экономисты подсчитали: эффект передвижной бани, выраженный в рублях, достигает 18 тысяч. Только разве этим измерить радость и здоровье, которое прибавляет она строителям нефте- и газопроводов.

Авторы комфортабельных передвижных конструкций выпустят на трассы в будущем году целые санитарно-бытовые здания. Их выпуск начнет Волоколамский завод строительных конструкций. Здесь баня уже не простая:

«сауна», с раздевалкой и душем. Ей не нужен фундамент, воду баня возит с собой или берет из артезианских колодцев, а отапливается электричеством.

С достоинствами и устройством бани на колесах можно познакомиться, не отправляясь на северные трассы. Ее демонстрирует ВДНХ СССР, наградившая конструкторов золотой медалью.

Елена ГОЛОВАНЬ

А ЧТО У ВАС?

Оперетта. Многие произведения этого жанра легкой музыки могут похвастаться эпитетом «классический». И тем печальнее, что сейчас и эти веселые, лирические, грустные музикальные спектакли теряют популярность. А современные, увы, часто и вовсе ее не приобретают: единичные успехи, нестабильный зрительский интерес, порой появляются устаревшие «новинки»... Возможно, тревога несколько преувеличена, но, Татьяна Ивановна, согласитесь, что звездный час оперетты прошел. Ее потеснили эстрада, различные музикальные шоу, рок-опера, водевили...

Народная артистка СССР
Татьяна ШМЫГА:

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ОПЕРЕТТЫ

— Когда в последний раз вы были в нашем театре? — спросила Татьяна Ивановна, и в голосе ее послышалось легкое раздражение.

— Два дня назад, на спектакле «Обещание, обещание...». И зал был полупустой.

— Это неудачный спектакль. Спектакль-поиск, который, к сожалению, провалился. Такое может произойти в любом театре. А что касается первого вопроса, то вы неоригинальны. Оперетту начали бранить еще в восемнадцатом веке. Одни — за филистерство, как Лессинг, другие — за безнравственность, как, скажем, драматург князь Шаховской. Рубинштейн сравнивал оперетту с юмористической газетой, «положенной на музыку, в коей прелестное сделалось распущенными, веселое — пошлым, остроумное — грязным». Не любил оперетту и Чайковский, ругали и поносили ее в своих романах, пьесах и рассказах такие прославленные мастера слова, как Золя, Островский, Горький, Чехов. Имя композитора Оффенбаха для многих его современников стало име-

нем нарицательным, обозначавшим моду, дешевый успех, большие и легкие деньги в награду за... пошлость и скабрезность на сцене. Дело дошло до того, что в конце XIX столетия само слово «опереточный» стало синонимом всего иенастящего и глупого. Так, от царя Менелая в «Прекрасной Елене» родилось название «опереточный царь», а от Дона Рибейро в «Периколе» — «опереточный губернатор». И надо сказать, что критики XVIII и XIX веков были правы, ругая наших предшественников, ибо в оперетте тех дней царствовали косность, вульгарность, примитив, отсутствие настоящей художественности.

— И все-таки оперетта завоевала право на жизнь...

— Это обязательно должно было случиться! — с жаром воскликнула Татьяна Ивановна. — И это случилось. В 1919 году, когда вопрос о существовании оперетты встал ребром — быть или не быть, на прием к народному комиссару просвещения Луначарскому отправились Ярон и Потопчина. Выслушав их, Анатолий Васильевич сказал: «Оперетта всегда была одной из самых близких к народным массам театральных форм. Только надо ее очистить от всего наносного, пустить по правильному руслу».

По такому пути и пошла советская оперетта, и был он долгим и нелегким — от старой классики к так называемой новой венской оперетте, а от нее уже к подлинно новой, советской. Путь этот далеко еще не завершен, но, оглядываясь назад, можно сказать, что зритель от всей души полюбил наш жанр. Я могла убедиться в этом за долгие годы работы на сцене Театра оперетты и нахожу подтверждение этому в той теплоте и сердечности, с которой меня встречают на заводах и фабриках, в колхозах, на комсомольских стройках, в научно-исследовательских институтах, а также по тем многочисленным письмам, которые получаю после своих выступлений на радио и по телевидению: пишут из Тулы и Магадана, Салехарда и Комсомольска-на-Амуре, пишут люди самых различных профессий. Читая эти письма, я слышу за их строками смех, вижу радостные лица, чувствую

— Не знаю. Наверное, подумали, что я еще не созрела для самостоятельных решений... Я согласилась. Затем — опять случайность! Одна из моих подруг перетащила меня в музыкально-театральное училище имени Глазунова. А через два года — ну, как здесь не сказать: судьба играет человеком! — наш курс трансформировался в отделение музыкальной комедии ГИТИСа.

— И вы случайно стали ведущей артисткой Московского театра оперетты?

— Не иронизируйте, — улыбается Татьяна Ивановна. — Дальше моя судьба схожа с судьбами людей, которые пришли в театр не случайно. Чтобы добиться признания, пришлось работать, работать и еще раз работать.

— А если исключить элемент случайности... Допустим, вагон под названием «оперетта» не остановился бы рядом с вами, прошел мимо — как бы в этом случае сложилась ваша судьба?

— Александр Дюма устами отважного мушкетера д'Артаньяна говорил, что на голове у случая растет единственная прядь волос, за которую его можно схватить. Так вот рано или поздно, но я все равно бы ухватилась за эту прядь и догнала бы, как вы сказали, вагон под названием «оперетта». Поэтому случайности, которые сопутствовали мне в начале биографии, прошу рассматривать как случайности закономерные. Ну, а если говорить о везении, то мне действительно повезло. Но в совершенно другом плане — мне повезло на учителей. В 1954 году Московский театр оперетты возглавили Г. А. Столяров, профессор, талантливый оперный и симфонический дирижер, и прекрасный актер Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко В. А. Канделаки.

Станиславский говорил, что «оперетта, водевиль — хорошая школа для артистов. Старики, наши предшественники, недаром начинали с них свою карьеру, на них учились драматическому искусству, на них выраба-

тывали артистическую технику. Голос, дикция, жест, движения, легкий ритм, бодрый темп, искреннее веселье — необходимы в легком жанре. Мало того — нужно изящество и шик, которые дают произведению пикантность, вроде этого газа, без которого шампанское становится кислой водичкой». Все эти истинцы-заповеди Столяров и Канделаки взяли на вооружение и... Что за чудесное было время! Вспоминаю и не верю, трудно поверить, что человек может быть счастлив, когда его заставляют работать до седьмого пота. Мы стали добровольными пленниками театра, жителями; каждый работал не за страх, а за совесть, стараясь выпу-

тить своего героя или герoinю выпукло, чтобы зритель надолго запомнил не только наши голоса, но и артистизм, легкость движений, каскад...

Столяров и Канделаки предъявили жесткие требования не только к нам, артистам, но и к себе. Оффенбах, Кальман, Штраус, Легар — великолепные композиторы. Но в карете прошлого далеко не уедешь. Прекрасно это понимая, наши учителя-руководители старались крепить и развивать советскую оперетту, уже доказавшую свое право на жизнь, зрелость, яркость, музыкальность и поэтичность формы. Вслед за Дунаевским и Милотиным к сотрудничеству с театром привлека-

ОПЕРЕТЫ

ются Кабалевский и Шостакович. И наши зрители и мы, артисты, получаем в конце концов желаемое, давно обещанное — грустные и веселые лирические песни, светлые, задорные танцевальные мелодии. Оперетты «Белая акация» Дунаевского, «Весна поет» Кабалевского и «Москва, Черемушки» Шостаковича прошли с большим успехом и стали значительным событием в музыкальной жизни страны. Особенно много разговоров вызвала оперетта «Москва, Черемушки». Его Седьмую и Одиннадцатую симфонии знает весь мир, и вдруг — оперетта! Результат превзошел все ожидания. Через несколько месяцев после

премьеры федеральный канцлер Австрии, присутствуя в Москве на собрании учредителей Советско-Австрийского общества дружбы, сообщил о том, что венский театр «Фольксопер» хочет ставить «Москву, Черемушки» и просит привезти либретто и клавир. Представляете?! Вена сдалась! Вена, колыбель нашего жанра, ставит советские оперетты!

— Это был звездный час оперетты, ваш звездный час...

— Вы хотите вернуться к первому вопросу? — насторожилась Татьяна Ивановна.

— Если разрешите...

— Ну хорошо, вернемся.

— В шестидесятые годы кривая популярности оперетты была несколько выше, чем в наши дни. Чем вы это объясните?

— Кривая популярности зависит от репертуара. Иначе говоря — от количества хороших или плохих спектаклей. Последние сегодня, к сожалению, преобладают: надуманная проблематика, слабость, схематичность драматургии, бедность языка, мысли. Яркий пример тому спектакль «Обещание, обещание...», на который вы попали.

— Вам предлагали роль в этом спектакле?

— В театре дисциплина. Роль не предлагают — на роль назначают. Я отказалась играть в этом спектакле. Но это не выход из положения, поэтому — раз уж вы подняли этот вопрос — разрешите мне через ваш журнал обратиться ко всем композиторам и либреттистам. Дорогие товарищи, наш жанр только считается легким, на самом деле он трудный и требует к себе самого серьезного отношения. Помните об этом и пишите для нас с полной отдачей, чтобы музыка ваша улыбалась, хохотала, танцевала, издавалась, шалила, чуть-чуть грустила, а драматургия была острой, проблемной, диалоги — точными, фразы — мудрыми, наполненными сарказмом и юмором. В общем, работайте так, чтобы ни у кого и никогда не возникала мысль, что звездный час оперетты позади. Он — впереди. Я верю в это! Вы удовлетворены? — спросила Татьяна Ивановна.

— Вполне. Каким вы видите Театр оперетты в будущем?

— Думаю, что расширится проблематика. Мы уже сегодня обращаемся к значительным темам. С успехом идет спектакль «Товарищ Любовь», поставленный по пьесе Тренева. Я играю в нем Любовь Яровую. С удовольствием пою в «Эспаньоле» Анатолия Кремера и Алексея Николаева. Здесь все прекрасно: и музыка и драматургия. Д. Б. Кабалевский не раз говорил, что «слабым местом нашего музыкально-театрального творчества все еще остается драматургия». Можно сказать, что за редким исключением уровень музыки в наших операх, балетах и опереттах выше, чем уровень их драматургии, их либретто. Иногда композитору удается силой музыки сгладить недостатки либретто, но в большинстве случаев это ему не удается». Так вот, «Эспаньола» — это пример точного попадания музыки в театральное действие. Там даже некоторые дуэты построены, как драматургические фрагменты. Прекрасен текст Лопе де Вега в переводах Шепкиной-Куперник и Лозинского. Я играю собирательный образ — Диану из «Собаки на сене», женщин из «Учителя танцев», «Валенсианской вдовы», играю и радуюсь: язык сочный, образный, слова легко ложатся на музыку, в общем, пою в свое удовольствие. Но подобные значительные темы пока нетипичны для нашего жанра в целом.

Я не теоретик, не искусствовед, не режиссер, я — актриса, но, фантазируя, вижу в идеале... ну, скажем, Театр музыкальной драмы и комедии, где сегодня идет «Фиалка Монмартра», завтра — «Товарищ Любовь», послезавтра — «Матушка Кураж» Брехта...

— Если я правильно понял, вам некогда тесно в рамках репертуара вашего жанра?

— Может быть. И, откровенно говоря, я не раз задумывалась, не уйти ли в

драматический театр, тем более, что предлагали. Но каждый раз гнала эту мысль прочь, прекрасно понимая, что без музыки мне не прожить и дня.

— Неужели вы не удовлетворены своей актерской судьбой?

— Тут уж мне сетовать не приходится — счастливая судьба...

— Как вы относитесь к новому поколению актеров, которые если еще не претендуют, то в скором времени будут претендовать на ваши роли?

— Есть такой анекдот: одна актриса выпустила афишу — «Юбилей... Пятидесятилетие сценической деятельности и тридцать лет со дня рождения». В отличие от вышеуказанной дамы я свой возраст не скрываю. Дело дошло до курьезов. Однажды пианистка нашего театра в сердцах заявила мне: «Такой легкомысленной, как ты, я еще никогда не видела. Чтобы так легко отдавать свои роли и так открыто говорить, сколько тебе лет!» Ну, а если серьезно, то я предпочитаю репетировать новую роль вместе с той актрисой, которая тоже на эту роль назначена. Наблюдая за ней, фиксирую плюсы, удачу и просчеты и пытаюсь создать полновесный, лишенный сценических недостатков портрет моей геройни. Такая работа приносит творческое удовлетворение и часто наталкивает на новые, совершенно неожиданные повороты и мысли в трактовке создаваемого образа.

Неплохо иногда взглянуть на свою роль и со стороны, из зрительного зала. Прихожу в свободный день на «Неистового гасконца» Кара Караева, смотрю Роксану и убеждаюсь, что сыграть ее можно несколько иначе, чем сыграла занятая в спектакле актриса. Или взять мюзикл «Хелло, Долли...». Барбра Стрейзанд прекрасная актриса, но моя Долли заметно отличалась бы от ее.

— Татьяна Ивановна, раз уж вы не скрываете свой возраст, то разрешите спросить: много ли вы работаете, чтобы выглядеть на сцене... простите, в любой обстановке, даже дома, такой молодой и эффектной?

— Не хочу стареть. Кто-то сказал, что «трагедия старости не в том, что чувствуешь себя старым, а в том, что чувствуешь себя молодым». Я действительно чувствую себя молодой, но, чтобы душевная молодость гармонировала с физической, приходится работать, работать и работать. Много работать. Иначе... форма изменит содержанию.

— Татьяна Ивановна, воздадим дань традициям интервью: ваши ближайшие планы на будущее?

— Планы есть, я не сомневаюсь в их реализации, и все-таки позвольте мне не отвечать на этот вопрос — в этом отношении я несколько суеверна.

— Тогда последний вопрос: как вы относитесь к зрителю?

— Я люблю нашего зрителя и убеждена, что именно в соприкосновении с ним и происходит таинство рождения спектакля. По одну сторону — на сцене — возникает такой накал страсти, искренность чувств и глубина мыслей, что и по другую сторону — в зале — рождаются не менее сильные ощущения. Этот порыв, это сопротивление сплачивают зрителей и актеров, наступает удивительная тишина, которая и рождает и приносит успех спектаклю. Вот ради таких мгновений мы, актеры, и живем, и, когда они приходят, хочется поклониться зрителю и сказать ему наше огромное, огромное спасибо.

Откровенный разговор

«ДИСКОВАЯ БОЛЕЗНЬ?

Да, встречается и такая. Ведь что греха таить, часто покупают пластинку в ярком конверте только из-за ажиотажа, из-за желания иметь голос модного певца или певицы в коллекции. Вот, мол, хватай эстрадные звезды с неба, не хотите ли послушать или переписать? И растут подобные коллекции как грибы, а коллекционеров мало-помалу начинают окружать околомузикальные личности, жонглирующие звонкими именами и парой-тройкой музыкальных фраз из шлагеров. Популярность эстрадной музыки, интерес к ней молодежи понятен, объясним. Но только серьезный интерес, не погоня за количеством модных дисков в домашней дискотеке. Стоят в ней иные пластинки, трясятся над ними хозяин, но не знает истинной им цену, ибо музыкально неграмотен. Спроси его об истории того или иного ансамбля, о сути какого-нибудь из направлений современной эстрадной музыки — ничего вразумительного в ответ не услышишь. Потому что вкусы его произрастали на потребительской основе. Почва же эта неглубока.

Печатая сердитое письмо электросварщика из Москвы Павла Аверинова, мы надеемся, что в дискуссионной рубрике клуба «Музыка с тобой» пойдет откровенный, занимательный, серьезный разговор о формировании музыкального вкуса, о корнях «дисковой» болезни, о коллекционерах истинных и мнимых.

«К НЕМУ МЫ БОЛЬШЕ НЕ ХОДИМ...»

По вечерам он почти всегда дома. Ложится на диван, надевает стереофонические наушники, закрывает глаза. Он слушает музыку. Ему есть что слушать. На стене книжные полки, на которых теснятся кассеты. У него есть все. По крайней мере почти все, что можно достать.

Он встречает нас с неизменным выражением: опять пришли. Ну, ладно уж, послушайте. «Что поставить?» — спрашивает он, сдувая пылинки с магнитофона. Мы не слишком сведущи в вопросах модных групп и записей, что идут нарасхват: «Поставь, что самому нравится».

Уже в который раз мы слушаем парижские записи Высоцкого и напевы какой-то заграничной не то Клавы, не то Саши. Он почти всегда молчит. Но однажды мы все-таки втянули его в разговор. И сами пожалели об этом. Во-первых, он не обладал даже малейшими намеками на какой-либо музыкальный слух, а во-вторых, и это самое ужасное, он, оказывается, и не знал, что стоит у него на полках, он с трудом отличал одну популярную группу от другой и в довершение всего не имел представления ни о направлении того или иного ансамбля, ни об истории его создания.

Он просто имеет все записи и дорогую аппаратуру. Его чут в «музыкальных» кругах как ценителя и знатока современной эстрадной музыки, а ему что «Бони М», что «АББА». Танцевать не умеет

совсем. Читает в основном детективы.

Его девушка, с которой он знаком уже шесть лет, как-то сказала нам: «Я устала. Устала от его вечных поисков: где достать диски, у кого переписать записи. Я устала от его убивающих грохотом наушников. Я для него не существую, ибо я не престижна. Ведь я не могу похвастаться такими «богатыми» полками».

К нему мы больше не ходим. Скучно. Теперь он встречает других, которым может быть, с ним интересно.

Павел АВЕРИНОВ,
электросварщик, Москва

Рисунок Александра ШУРОВА

Я ЗАПИСКИ МУЗЫКАЛЬНЫХ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Татьяна КУШТЕВСКАЯ

часто думаю о том, как много добрых начинаний гибнет из-за формального к ним подхода, особенно если это касается такого тонкого и трудного дела, как музыкальное воспитание детей и юношества.

Шесть лет я проработала преподавателем детской музыкальной школы Ленска — небольшого города в Якутии. Они были очень разные, мои ученики: шустрые и озорные, как Валера Сонин, добрые и мечтательные, как Женя Костюков, любознательные и аккуратные, как Танечка Апаназова. Но все жили в своем детском мире, в котором «волшебно все, даже бумажный сор», и еще одна черта объединяла их: они с удовольствием начали заниматься в музыкальной школе. Это было ясно.

Неясности начались через несколько лет. Таня Апаназова бросила музыкальную школу. Валера Сонин и Женя Костюков окончили ее даже неплохо, но на этом все и оборвалось, в музыкальное училище они поступать и не собирались... Статистика утверждает, что ежегодный отсев из музыкальных школ по всей стране составляет 20 процентов, а в музыкальные училища поступают только 16 процентов всех выпускников.

Когда-то Фурье говорил, что в каждом человеке заложено по крайней мере двадцать способностей. 20! Одну из них — музыкальную — призваны развивать педагоги. Что же получается на деле? Вроде бы сдаются академические концерты и технические зачеты, существуют уроки музыкальной литературы — идет все по программе, но почему же так плачевны результаты? Почему год за годом в ребенке тихо убивается стремление понять и постичь Музыку?

Музыкальное образование порой сродни задаче. Из пункта А вышел пешеход, из пункта Б вышел другой. Спрашивается, почему они не встретились? И бредет по дороге Музыка, ждет встречи с тем, кто любит ее. Состоится ли эта встреча? На девяносто девять процентов это зависит от педагога. А педагог, оказывается, нацелен на технологию музыкального исполнительства, съедающую большую часть урока. На уроках музыкальной литературы учат ЗАПОМИНАТЬ — два часа на Моцарта, четыре часа на Бетховена, а хотелось бы, чтобы учили ДУМАТЬ, а главное — ЧУВСТВОВАТЬ («радость по Моцарту», «мышление по Бетховену»). По моему глубочайшему убеждению, надо менять всю систему музыкального воспитания. Ребенка «тащат» в музыку, перетаскивают из класса в класс, натаскивая только на исполнительские навыки. То же и в музыкальном училище. В результате неталантливый, бескрылый человек, который исполнителем не стал (это мало кому удается), становится педагогом. А это страшно.

ВИВА

«грудной болезни», он не мог подниматься по лестницам, ходить пешком. Но огромная внутренняя энергия, воля и творческая одержимость заставляли этого тяжелобольного человека проводить работу, непосильную для большинства здоровых и крепких людей».

Еще в студенческие годы меня потрясла невероятная творческая плодовитость Вивальди. Особенно врезались в память две цифры: 465 инструментальных концертов и из них 221 для скрипки. Современники композитора уверяли, что он писал партитуру концерта быстрее, чем переписчики снимали с нее копии. А партитура трехактной оперы «Тито Манлио» была написана, согласно авторской пометке на рукописи, за пять дней. И хотя, справедливо ради, следует сказать, что в XVIII веке такая «продуктивность» скорее была правилом, нежели исключением — достаточно вспомнить 104 симфонии великого Гайдна, — все же количество произведений Вивальди, многие из которых были и остаются по сей день шедеврами, изумляет. Добавим, что интенсивная композиторская деятельность сочеталась с гастрольными выступлениями во Франции, Нидерландах, Австрии, Богемии (Чехии), с кипучей педагогической деятельности: Вивальди в общей сложности 37 лет проработал в одной из лучших консерваторий Италии — венецианской женской консерватории «Пи-

Мне всегда казалось странным, что детская музыкальная школа и общеобразовательная никак не связаны. У нас в школе работало больше десяти педагогов-профессионалов, а рядом стояла огромная общеобразовательная школа, где на несколько сот учеников был всего один преподаватель пения. Столько музикально «беспризорных» детей! И это никого не волновало.

В общем, так. Я решила поработать в общеобразовательной школе. Выбрала ленскую школу № 2. Засела за учебники, пособия, достала нужные пластики. Уроки музыки решила вести по методике Д. Б. Кабалевского.

Вот тут-то и началось! Сначала я каждый вечер говорила себе: «Завтра я иду в школу последний раз. Все. Не могу. Напишу заявление, и точка!» Оказывается, не воспитать у человека с детских лет любви к музыке, не развить его слух, ритм, чувство прекрасного, так трудно воспитывать это же, но уже у подростков. Мои мальчики с удовольствием «гудели», потом стали петь очень чистенько, на два голоса, они с удовольствием слушали симфоническую сказку «Петя и Волк» С. Прокофьева и другую музыку.

Со старшими оказалось все сложнее. Вот только несколько ответов на мою анкету, которую я попросила заполнить, чтобы лучше узнать их музикальные вкусы:

«...Вы, я понял, против эстрады. А что Вы можете противопоставить? Хор? Так это, простите, для муравьев. И вообще искусство — для солистов, а не хористов (это я говорю о жизни вообще)... Не обижайтесь, Вы ведь просили писать откровенно...»

«Татьяна Васильевна, Вы сами знаете, что сейчас все восхищаются зарубежными ансамблями. Хотелось бы услышать о них подробнее: какие из них действительно заслуживают восхищения, а какие — нет...»

«А что такое джаз-рок? Послушать бы...»

«...Вашу «серебряную» музыку органически не переношу. А если в классе и притворяются, что слушают, то потому, что просто не хотят неприятностей, а Вы думаете, что кому-то интересно...»

Прочитав все анкеты, я схватилась за голову: вот вам и пешеход из пункта А! Рассуждать было, конечно, проще. Да и вообще не лучше ли было тихо сидеть в музыкальной школе? Да, отступать некуда. Сама же рвась и так хорошо рассуждала о том, что подросткам необходимо общение с профессиональным музыкантом, влюбленным в музыку, который мог бы тонко и ненавязчиво приучить к пониманию прекрасной музыки...

Бессчетное количество раз я перечитывала школьные программы, которыми снабжают учителя пения, и все методические указания к ним, пытаясь найти «пружину», двигающую каждый

урок. Марк Твен говорил, что по любой книжке он может определить сразу, плавал ли автор по реке или нет. Работу лоцмана он знал. Судя по программам, составители не плавали по реке вообще, а то бы, наверное, задумались: как такая программа может устраивать детей, а особенно подростков конца двадцатого века, обогащенных книгами, радио, телевидением и другими средствами массовой информации.

Я решила пойти другим путем. Благо, что директор, Семен Петрович Черепанов, доверял мне и верил в меня.

С учениками младших классов все было в порядке. В них жили энергия достижения и радость творчества. У подростков же все сложнее, прямо какой-то возраст неподатливости. Необходимо было выяснить для себя миропонимание подростков, это был очень важный момент в начале моей работы. Планирование каждого урока начиналось у меня с «загрузки трюмов» — чтения книг, статей, подбора вырезок из журналов, отбора пластинок и магнитофонных записей. Что же я все-таки могу противопоставить мощному обаянию эстрады? Начала говорить о том, что им на данном этапе было интересно. Очень мне помогла в этом книжка О. Феофанова «Музыка бунта», кстати, первое ее издание «Тигр в гитаре» я так и не нашла. Начали слушать записи современной «молодежной» музыки. Я поняла, что во многом от меня зависит, будут ли мои ребята восхищаться песнями замученного чилийского певца Виктора Хары или отдадут предпочтение очередному шлягеру. Однажды мы слушали польскую пластинку бит-группы Петра Фигеля. Я специально ее принесла, чтобы ребята попробовали сравнить классическое исполнение «Прелюдии» Шопена с интерпретацией, сделанной группой. Они заинтересовались. Разгорелся спор.

Решено было узнать о композиторах-романтиках больше. Так мы начали уроки, для которых придумали название «Машина времени». Я начинала рассказывать... На этих уроках что-то вдруг дрогнуло в них — видимо, воображение получило импульс. Правда, у многих иногда бывали скучные глаза. Я понимала: значит, мною что-то упущенное, и очень мучилась. Как же вызвать эмоциональную отдачу? Под воздействием чего люди добиваются сдвига в сторону интереса к классической музыке? Почему кто-то скучает, когда звучит Верди? Прекрасный, величественный и суворый Верди! Моя первая и самая серьезная ошибка, которую я, к счастью, быстро поняла, была в том, что я стала приучать своих учеников к пассивной роли зрителя. Я чуть не отбила вкус к самостоятельности. Ребята привыкли жить на готовеньким: я раздобыду и книги, и статьи, и музыку подберу. Все сама. А вот это как раз, я думаю, и противопоказано. В них

начинает развиваться этакое музыкальное издевательство.

Как только я это поняла, мне стало легче. Семикласснику, любителю гитары, я поручила собрать сведения о выдающемся гитаристе Джими Хендриксе, дала ему старую, хранившуюся у меня зарубежную газету с небольшой статьей о нем. Вы бы видели, с какой старательностью переводил он, поминутно заглядывая в словарь. Тот, кто спрашивал в анкете о джаз-роке, сделал небольшое сообщение с прослушиванием всего двух записей, которые мы сумели достать, ансамбль «Арсенал» под руководством Алексея Козлова. Но мне пришло, конечно, основательно проштудировать перед этим книгу Алексея Баташева «Советский джаз».

В уроке, как известно, всего 45 минут, и много не успеешь. Я заметила, что старшеклассники, как правило, поют нехотя. А не лучше ли, подумала я, сделать из любителей пения хор, который будет собираться отдельно, а на уроках пения начать с музыки Моцарта, Бетховена, Чайковского, Шопена, то есть начать воспитывать вкус и слух на лучших образцах, расширять музыкальный кругозор подростков, заинтересовать их серьезной музыкой? Цель я, конечно, поставила перед собой очень трудную и не всегда правильно, может быть, шла к ней. Многое делала на ощупь, не зная, как поступить. Трудно было с пластинками, книгами... Хорошо, что я, будучи заочницей ВГИКа, часто бывала в Москве, а то бы не знаю, что и делала. Иногда казалось: посильно ли все это для одного? Даже если у него есть страстное, искреннее желание помочь полюбить то, что любит сам? Одному тяжело. Вот если бы ему помогли хотя бы несколько энтузиастов из числа преподавателей детской музыкальной школы... Но дождется ли этих энтузиастов когда-нибудь общеобразовательная школа?

Я часто думала: почему бы не собрать наши крупицы опыта? Может быть, это даст импульс поиску новых средств привлечения молодежи к серьезной музыке. Что может сравниться с тем счастьем, когда видишь, как хорошеют лица ребят от радости, которую принесла им причастность к искусству!

Опыт работы в общеобразовательной школе многому меня научил. Впоследствии при поддержке людей, истинно увлеченных, таких, как второй секретарь горкома комсомола Виктор Лапенко, директор Дома культуры Вика Анисимова и заведующая отделом культуры Ольга Гаврилова, мы организовали в нашем небольшом городе молодежный клуб с двумя гостиными: музыкальной и литературной. Кстати, помогали нам многие из моих повзрослевших учеников. Значит, пешеходы, вышедшие из пункта А и Б, все-таки встретились!

ЛЬДИ?

ета». Концерты, которые дважды в месяц давал Вивальди с руководимым им консерваторским оркестром, собирали многочисленных слушателей со всех концов страны.

Антонио Вивальди родился в Венеции предположительно 4 марта 1678 года. Отец Антонио — Джованни Баттиста Вивальди, скрипач в капелле собора святого Марка, стал его первым учителем игры на скрипке.

В 1693 году Вивальди принял духовный сан (отсюда и прозвище «рыжий поп»), что не помешало его дальнейшему совершенствованию на музыкальном поприще. По воспоминаниям современников, в том числе Карло Гольдони, в характере «рыжего попа» было немало чисто светских черт. Известен рассказ о том, как Вивальди прервал служение мессы, чтобы записать пришедшую в голову тему фуги, за что получил суровый выговор. В результате конфликтов с клерикальными кругами композитор в 1740 году уехал в Вену, где через год скончался в бедности.

Чем же прославился сын простого скрипача? Почему его музыка оказала заметное влияние на великого Баха, переложившего для органа и клавира ряд концертов итальянского мастера? Чем объясняется огромный интерес наших современников к творчеству Вивальди, жившего более двух с половиной веков назад?

Вивальди был непрестанно ищущим художником, новатором. Именно он впервые устанавливает форму трехчастного концерта солирующего инструмента с оркестром, который существует и поныне. Именно Вивальди был основоположником программной музыки. Обладая удивительно высокоразвитым тембровым восприятием и мышлением, Вивальди обогатил музыку свежими оркестровыми красками, новыми средствами выразительности. Необычайно интересна и разнообразна ритмика произведений композитора, фактура. А мелодика Вивальди — темпераментная и яркая, живая, экспрессивная, в большинстве своем праздничная и рельефно выпуклая — обращена была к широкому слушателю, к массам.

При жизни Вивальди издал относительно небольшую часть своих произведений. После смерти композитора музыка его была надолго предана забвению.

ВИВАЛЬДИ!

Но когда в 1926 году итальянский музыкант Альберто Джентили обнаружил множество рукописей неизвестных произведений Вивальди, наступил подлинный ренессанс его музыки.

«Огромная сила воздействия музыки Вивальди в значительной мере объясняется тем, что он был великим скрипачом, для которого поистине не существовало никаких трудностей. Создавая свои произведения, Вивальди, как и другие гениальные композиторы-исполнители, воображал себя, так тонко и точно знаяшего аудиторию и тайные контакты с ней, на концертной эстраде», — пишет Доброхотов.

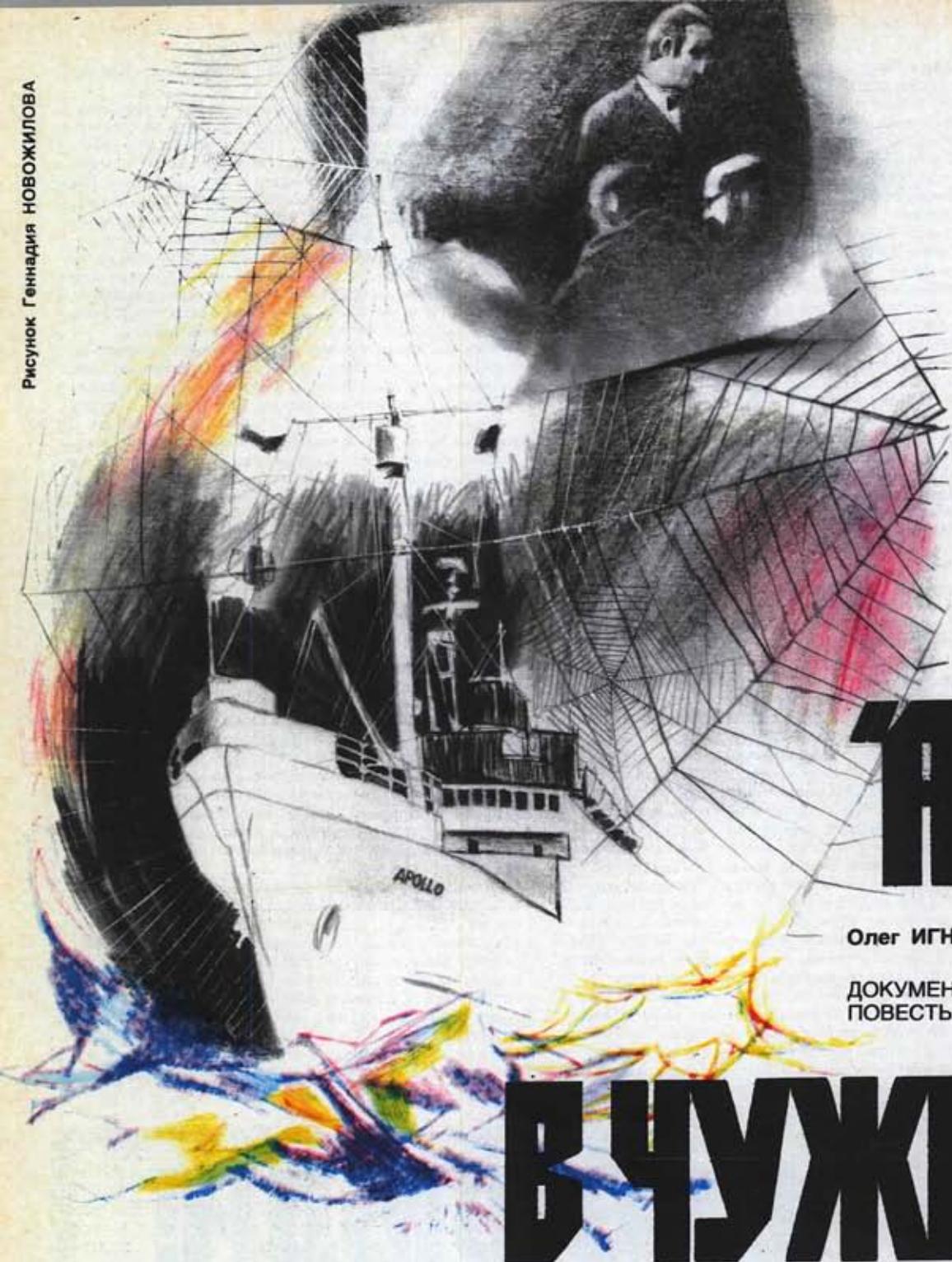
А чем ныне вызван столь значительный интерес к музыке Вивальди?

Усложненный жизненный ритм двадцатого столетия сказался на музыке. Многочисленные поиски в области формы и выразительных средств порой приводили к распаду традиционных форм, к отрицанию мелодики как ядра музыкального образа. Да что говорить, наверняка многие из вас, уважаемые читатели, прослушав новомодный опус додекафониста или еще какого-нибудь «искусства», испытывали почти физическую потребность услышать «человеческую» музыку Моцарта или Чайковского, Шопена или Вивальди. А кто-нибудь из вас задумывался над тем, почему в век повального увлечения биг-битом так успешно конкурирует с многочисленными

рок-группами оркестр Поля Мориа? Да потому, например, что через столетия при посредстве того же П. Мориа нам шлет свое живое, трепетное слово Антонио Вивальди. Не он один, правда, но главным образом все же он. Французский дирижер, композитор и аранжировщик взял на вооружение ритмику современную, а вот мелодии Мориа — красивые, романтические, волнующие — возвращают нашу память к великим мелодистам прошлого, к которым принадлежит и Вивальди, и как бы говорят нам, что мелодия, подобно человеческой речи, должна быть членораздельной инятой, выразительной и эмоциональной. И если ее исторгает талантливый и чуткий художник, то она способна распахнуть настежь людские сердца независимо от языковых барьеров.

...Пересказывать словами музыку — неблагодарнейшее занятие, а главное — бессмысленное! Если бы это было возможно, то в музыке отпала бы всякая необходимость. Впрочем, творение великого венецианца не нуждается в рекламе. В его сочинениях пульсирует и клокочет сама жизнь с присущими ей сложностями и противоречиями, радостями и печальми. И эта музыка волнует, пленяет сердца вечной молодостью и свежестью чувств. Поэтому-то она современна и, уверен, всегда будет любима людьми.

Павел ЕРМИШЕВ

Так закончился последний визит шпионского судна ЦРУ в Португалию. С тех пор никто ничего об «Аполло» не слышал.

Да, кстати, небезинтересно узнать, что лиссабонские служащие-португальцы фирмы СИНДУКТА получили вскоре после провала спаниолистского заговора 28 сентября уведомления о прекращении деятельности СИНДУКТА, «так как в настоящее время в Португалии отсутствуют гарантии безопасности для иностранных компаний». Справедливости ради необходимо отметить, что португальцам выплатили причитавшуюся им зарплату.

В первых числах октября Эберт Окун выехал в Троя, небольшое курортное местечко недалеко от Сетубала, где ему был зарезервирован комфортабельный номер в одном из отелей. По случайности одна из дверей номера Окуна вела в смежный номер, занимаемый неким гватемальцем. Видимо, соседи быстро нашли общий язык, потому что то Окун заходил к гватемальцу поболтать, то гватемальц появлялся в номере Окуна и засиживался у него до вторых петухов. Через трое суток Окун вернулся в Лиссабон, а гватемальец, выехав на машине, направился через Эвору к испанской границе, которую и пересек в районе Сао-Леонардо. В Бадахосе он заночевал, а вечером следующего дня вылетел из мадридского аэропорта Бадахос в Париж. Однако остановка в Бадахосе была вызвана не столько усталостью после длинной дороги, сколько необходимостью срочно переговорить с бывшим членом организационной комиссии распущенной либеральной

«АПОЛЛО» ИДЕТ В ЧУЖИЕ ВОДЫ

Олег ИГНАТЬЕВ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА «Ю.С.Ньюс энд Уорлд Рипорт»: «Вас критикуют за то, что на большинство ключевых постов в управлении вы назначили дилетантов, пришедших из других ведомств. Почему вы так поступили?»

ДИРЕКТОР ЦРУ АДМИРАЛ СТЕЙНСФИЛД ТЭРНЕР: «Я привлек отнюдь не дилетантов, а опытных людей. Заместитель директора ЦРУ Фрэнк Карлуччи, например, до получения высокого поста в ЦРУ занимался разведывательной работой, когда был послом (в Португалии.—О.И.) и руководил командой, действовавшей в стране».

«Ю.С. Ньюс энд Уорлд рипорт»,
7 мая 1979 года

направились к трапу. Вахтенный узнал служащих мадейрского филиала СИНДУКТА.

— Эй, вахтенный,—крикнул один из них,—быстрой позови дежурного офицера, пусть немедленно прикажет поднять трап. Через несколько минут сюда заявляются демонстранты. Видишь, там, вдали, движется по набережной толпа? Так это к вам в гости. Держитесь, сейчас здесь будет довольно жарко...

Служащие СИНДУКТА ушли, а вскоре пришел заполнены демонстранты. Однако трап уже подняли, и связь с берегом прервалась. Участники демонстрации опять начали скандировать: «Аполло»—шпион, убрайся вон!», некоторые даже попытались по причальным канатам влезть на борт «Аполло», но экипаж яхты развернулся на палубах брезентовые шланги и стал поливать толпу из брандспойтов. В ответ полетели булыжники. Трудно сказать, чем бы все это закончилось, но вскоре появился отряд полицейских во главе с лейтенантом, который поднялся на борт «Аполло» и предупредил капитана Робертсона, что если яхта не поднимет якоря, то он, лейтенант, снимает с себя всякую ответственность за то, что может произойти.

Робертсон попросил полицейского чина дать согласие на погрузку имущества СИНДУКТА, обещая после этого немедленно покинуть португальские территориальные воды. Демонстрантам сообщили о достигнутом соглашении, и те разошлись по домам, хотя некоторые горячие головы требовали тут же, немедленно двинуться к СИНДУКТА и «разгромить это шпионское гнездо».

Около полуночи к причалу подъехал грузовик, нагруженный сейфами и железными шкафами. С помощью корабельной лебедки груз переправили на борт яхты, и на рассвете «Аполло» покинул порт Фуншала.

Вероятно, с тех времен, когда Жоао Гонсалвиш Сарко и Тристао Вас Тейшейра открыли в 1419 году Мадейру, островитяне не видели таких демонстраций, какая прошла в Фуншале вечером 3 октября 1974 года. Несколько тысяч людей, собравшихся на муниципальной площади главного города острова, направились после митинга в порт. Колонна прошла по улице Жоао Тавира, затем свернула на засаженную деревьями жакаранды авениду Арриага, потом вышла на авениду ду Мар, и на всем пути к ней присоединялись новые сотни жителей Фуншала.

Демонстранты шли и скандировали лозунги. Если быть точным, скандировали один и тот же лозунг: «Аполло»—шпион, убрайся вон!

«Аполло» стоял у стенки порта Фуншал. Вахтенный у трапа, зевая, скучающим взглядом провожал фланнировавшие по набережной парочки. В это время на территорию порта торопливо вошли двое мужчин и

партии, бывшим прaporщиком отрядов «командос» Франиску Шавьером Дамиао Браганса Ван Дуненом по прозвищу «колумбиец».

16 октября Франиску Ван Дунен был задержан португальской пограничной службой в Сан-Леонардо, так как не имел при себе никаких документов, но последовал телефонный звонок из Лиссабона от одного высокопоставленного лица, и «колумбиец» немедленно отпустили, после чего за оставшиеся дни сентября он три раза беспрепятственно пересекал в обоих направлениях португalo-испанскую границу.

Эберт Окун после возвращения из Троя послал обширную депешу начальству, в которой, естественно, не описывал восторженных выражениях красоты местных ландшафтов, а докладывал о сугубо прозаических вещах—планах очередного заговора против демократической Португалии.

Параллельно разрабатывались две операции. За первую отвечала военная разведка, и в ней ключевую роль играл уже однажды обанкротившийся Спинола. Во главе второй, которую опекало ЦРУ, стояла группа фашистских элементов, в том числе бывших салазаровской армии.

Назначенный на пост государственного секретаря США и принявший присягу 22 сентября 1974 года Генри Киссинджер взял под свой контроль подготовку всех акций, разрабатываемых для Португалии различными разведывательными службами Соединенных Штатов.

В конце октября Киссинджер направил в Лиссабон специальную миссию, наделенную большими полномочиями для «инспекции» деятельности посольства США в Португалии и выработки соответствующих рекомендаций. В состав миссии входили директор Иберийского отдела государственного департамента

Алан Луканс, эксперты по африканским проблемам Майкл Самуэл и Питер Дэвис, экономист Роберт Райен и два ближайших сотрудника заместителя директора ЦРУ генерала Вернона Уолтерса, проходившие в списках делегации как «советники-консультанты государственного департамента Соединенных Штатов».

Четыре члена комиссии после десятидневного пребывания в Португалии отбыли в Вашингтон с твердым убеждением в необходимости смены посла, а «советники-консультанты» направили свои стопы в Мадрид для выполнения особого задания Вернона Уолтерса, связанного со второй операцией, носившей кодовое название «Пи-Ар-Эй/2» — («Португез Рескою Арми/2») — «Португальская армия спасения/2».

Название придумал один из помощников военного атташе посольства, и необычайно гордился этим. Португальцы же, отобранные для сколачивания «Пи-Ар-Эй», решили, что их группа станет именоваться «ЭЛП» — «Элерсито де Либертасао Португеш» — «Португальская армия освобождения». Мы будем в дальнейшем называть ее сокращенно ЭЛП, как во всех португальских источниках тех лет.

После такого пространного этимологического экскурса скажем о задачах, ставившихся перед руководством ЭЛП. По замыслу ЦРУ, создаваемая по всей стране (с опорной базой на севере) сеть ЭЛП должна была на начальном этапе заниматься осуществлением террористических актов против демократических организаций и в первую очередь против ячеек коммунистической партии. Террор должен был создать климат неуверенности, посевать панику среди населения и в конце концов заставить вмешаться армию, в которой к этому времени руководящий силой становились противники апрельской революции. В ходе событий компартия объявляется вне закона, для обеспечения стабильности на территории Португалии вводятся части НАТО, а Эберт Окун мчится в Лэнгли получать заслуженную награду.

В Мадриде после 25 апреля 1974 года нашли убежище многие главари ПИДЕ и самая реакционная часть военной верхушки португальской армии. Среди этих беглецов особое место занимал бывший инспектор ПИДЕ Антонио Роша Касаку, один из непосредственных участников убийства португальского патриота — генерала Умберто Делгадо 13 февраля 1965 года. Во время фашистского режима Касаку являлся одним из связных между ПИДЕ и ЦРУ. Естественно, представители фашистского руководства и сами поддерживали тесные контакты с сотрудниками Центрального разведывательного управления, числившимися в американском посольстве, но часть конкретных указаний по выполнению заданий ЦРУ шла через Антонио Роша Касаку. После 25 апреля 1974 года Касаку обосновался в Мадриде, но уже выступал на второстепенных ролях и ходил под началом агента ЦРУ, некоего «Моргана».

Впрочем, на начальном этапе создания ЭЛП Касаку отводилась отнюдь не второстепенная роль...

Гватемальцу, встречавшемуся с Окуном в Троя, а потом выехавшему через Испанию в Париж, было поручено собрать во французской столице представителей частного сектора португальской экономики, сбежавших из страны, и подписать с ними документ, в котором провозглашалось создание ЭЛП и начало борьбы за «истинно свободную Португалию».

Так в конце октября под Парижем состоялось важное совещание представителей бывшей промышленной аристократии Португалии. Точное место встречи неизвестно, может быть, она проходила в Ла-Сель-Сен-Клу, а может быть, в Шанрозе или Суази, большого значения это не имеет, однако — и это главное — достоверно одно: «мотором» совещания были Мануэл Виньяш, Мартинш Соареш и Мануэл Бульоза, а докладчиком выступил гватемальец, встречающийся в Троя с Эбертом Окуном.

Мануэл Виньяш был владельцем крупнейшей ангольской пивной компании «Кука» и поддерживал самые тесные связи с «президентом» ФНЛА Холденом Роберто и Мобуту. За несколько дней до попытки переворота 28 сентября беседовал со Спиной о координации действий заговорщиков в Португалии с руководителями готовящегося одновременно путча в Анголе. 27 сентября португальские власти подписали ордер на ареста Виньяша, но, предупрежденный друзьями из числа правых военных, Мануэл Виньяш бежал в Испанию.

Мартинш Соареш являлся адвокатом двух смешанных американо-португальских компаний и выполнял поручения ЦРУ. Одновременно он был адвокатом маоистской организации «Движение за реконструкцию партии пролетариата» (МРПП), созданной на средства, поступившие после 25 апреля 1974 года из Лекина, и получавшей регулярные субсидии из фондов ЦРУ.¹

Мануэл Бульоза был совладельцем португальской фирмы СОННАП и совладельцем «Португальско-французского бан-

ка». Бульоза поддерживал контакты с французской секретной службой (СДСЕ) через агента Доминика де Руж.

«Гватемальец из Троя» обрисовал обстановку, сложившуюся после провала заговора «молчаливого большинства», и рассказал о задачах, поставленных перед ЭЛП.

Кроме указанных лиц, на совещании присутствовали еще человек 10—12, и каждый из них обязался привлечь к участию в ЭЛП не менее пяти верных людей с тем, чтобы те, в свою очередь, завербовали по пятерке достойных кандидатов, которые взяли бы на себя обязанность склонить к вступлению в ЭЛП еще по пять новых членов. Если бы вся работа по вовлечению новых сторонников прошла согласно разработанному плану, то к концу 1974 года в ЭЛП было бы уже более 7 тысяч человек. «Гватемальец из Троя» выдал каждому из участников совещания бумажку с номером мадридского почтового ящика, куда должны направляться списки завербованных, и форму, по которой следовало заполнять такие списки: имя, фамилия, адрес, возраст, профессия, располагает ли средствами для финансовой поддержки организации, партийная принадлежность и политические симпатии, имеет ли связь с военными кругами и в каких родах войск и т. д. Специальный вопрос касался будущей деятельности в рамках организации: «пропаганда, оперативная деятельность, участие в отдельных акциях, связанных с риском для жизни, выполнение отдельных поручений, материальная помощь».

Сразу же после парижского совещания «гватемальца из Троя» выехал на машине в сторону испанской границы и на контрольно-пропускном пункте предъявил гватемальский паспорт на имя Хьюза К. Франклина.

...Утром следующего дня запыленный «шевроле» остановился у подъезда дома № 51 на улице доктора Флеминга в 16-м районе Мадрида. Хьюз Франклин открыл дверь, возле которой висела табличка «ТехноМотор. Сосиедад анонима».

— Салуд и бомбас, «Кастор!»² — приветствовал его мужчина с обвислыми щеками и глазами-щелочками, сидевший в просторном кресле у письменного стола, заваленного бумагами. — Как съездилось?

— Салуд и мучас песетас!³ — ответил Франклин, ничуть не удивившись, что его назвали «Кастором». — Все в порядке. Эти «фэт кэтс»⁴ подпишут, не раздумывая, любую бумагу, лишь бы вернуться на старые mestechki. Слушай, нужно и тебе и мне взять постоянную визу, а то стали косо посматривать на границе. Антониу когда должен сюда явиться?

— Обещал ровно в десять, но эти португальцы всегда опаздывают.

Однако на этот раз Антониу Роша Касаку прибыл минута в минуту.

За вывеской коммерческой фирмы «ТехноМотор» скрывалась штаб-квартира ЭЛП. Сюда стекались данные о формировании групп ЭЛП в разных районах Португалии, об установлении связей с бывшими португальскими офицерами, находившимися в ЮАР и сколачивающими банды наемников для проведения операций в Анголе и Мозамбике против МПЛА и ФРЕЛИМО. Здесь разрабатывались подрывные планы против прогрессивных португальских организаций, намечалось осуществление террористических акций в различных районах Португалии.

— Итак, мистер Роша Касаку, — сказал Франклин. — «Кастор», — чем вы нас порадуете? Ждем только приятных известий, потому что, в свою очередь, у нас есть чем похвастаться.

— Что ж, у меня тоже дела не так уж плохи. Времени мне отвели не так-то много, но, используя старые связи, удалось на севере положить начало созданию нужной нам сети. Думаю, месяца через полтора-два эта сеть сможет обеспечить в том районе открытую границу между Испанией и нашей страной. Теперь кое-какие подробности. Ключевой фигурой я сделал моего старого знакомого, можно даже сказать, приятеля, Хоакина Феррейра Торреса. Человек, ворочающий миллионами. Не песет и даже не эскудо, а долларов. Я знаю его еще по Анголе. Там у Торреса небольшое дело, но главный африканский бизнес был в Зaire. Сейчас он занимает «высокий пост» президента муниципальной камеры в Мурса. Прошу не смеяться, сеньорес, для таких мест, как Мурса, нет выше поста. Президент муниципалитета — полновластный хозяин всей округи. Недаром мы называем их «касиками». «Касик» — означает «воаждь». И иметь своего воожда в таком районе, как Мурса, нам необходимо.

² Салуд и бомбас (исп.) — «Привет и бомбы» — приветствие анархистов во время гражданской войны в Испании.

³ Салуд и мучас песетас (исп.) — «Привет и много пеет» — шутливый ответ на анархистское приветствие.

⁴ Фэт кэтс (англ.) — «Толстые коты» — на американском жаргоне — состоятельные люди, финансирующие политические кампании.

У Феррейра Торреса есть друг-приятель, мой бывший сослуживец по ПИДЕ Симао Рибейро. Симао Рибейро владеет универсальным продуктовым магазином «Гиомар» в Туй. Если вы знакомы с географией, уважаемые сеньорес, то знаете, что Туй находится на самой границе с Португалией, и стоит лишь по мосту перейти речку Минью, как вы окажетесь в нашем родном португальском городе Валенса. Симао Рибейро связан тесными узами с Холденом Роберто и входит в Мобуту.

Феррейра Торрес имеет в Лиссабоне менятьную контору по адресу руа Аугуста, 57, в самом центре города. Иметь под рукой такую менятьную контору не так уж плохо для нашего дела, но Феррейра Торрес подумывает о продаже конторы. Дело в том, что у Феррейра Торреса есть голубая мечта — открыть собственный банк в Траз-уж-Монтиш, а так как новые власти к таким мечтам не благоволят, то он готов собственоручно всех их перестрелять... Еще несколько деталей из биографии Феррейра Торреса. В Порту пост команданте гражданской полиции занимает шурин Феррейра Торреса — майор Мота Фрейташ, который буквально готов молиться на Торреса. Там же, в Порту, служит заместителем инспектора отдела юридической полиции Фаусто Сарайва, друг Торреса. Фаусто Сарайва занимается расследованием дел, связанных с убийствами, но связи за 25 лет работы в полиции имеют такие, что в случае необходимости можетоказать нам колоссальную помощь. Между прочим, Сарайва поддерживает тесную связь с узловником Анхело Насименто, известным еще под именами Анхело де Транкосо и Анхело де Тейшера. Еще в 1967 году Анхело выдал Фаусто Сарайве группу участников ограбления «Банко ди Португали» в Фигейра да Фиш во главе с Палма Инасио. К слову сказать, этот Анхело сейчас служит охранником у генерала Галвао ди Мело.

Феррейра Торрес имеет резиденцию в Порту, но частенько проводит время в Виго. Как вы знаете, путь в этот милый испанский городок лежит через Валенса и Туй, где обосновался Симао Рибейро. В Виго есть отель «Ница». 610-й номер этого отеля отдан в постоянное пользование Феррейра Торреса. Это будет одним из мест для наших совещаний, так сказать, на высшем уровне. Феррейра Торрес предпочитает вкладывать деньги, вернее, получать деньги от операции, не совсем укладывающихся в рамки закона, но зато приносящих крупную прибыль. Совсем недавно он заработал таким образом один миллион двести тысяч долларов на контрабанде драгоценных камней из Анголы через Зaire. Мы, приобретя такого человека, как Феррейра Торрес, решим проблему виз и паспортов. На испанской территории в Пузбла Сенабрия служит простой комиссар полиции, некий Пепе Сомоса — друг Феррейра Торреса, который участвует во многих его операциях. Он сделает любой паспорт через своих друзей в мадридской полиции и через одного из португальских консулов в Испании. Да, да. Через одного из консулов — и всего за две тысячи песет! Вот вкратце результаты моей поездки. Лично я считаю их неплохими.

Роша Касаку, чрезвычайно довольный собой, удобно расположился на диване, вытащил пачку сигарет, закинул ногу на ногу и закурил, чуть снисходительно поглядывая на компаньонов.

— Все это так, — вяло и как-то скучно произнес «Морган». — В нашей карточке числится Хоакин Феррейра Торрес. Вы, Касаку, забыли еще упомянуть или же не знали о таком факте, что Торрес дает взаимы крупные суммы денег. Например, в начале сентября он выложил девяносто тысяч конто, то есть на наши деньги три миллиона шестьсот тысяч долларов, архитектору Жозе Гарри ди Алмейда Араужу, который, если мне не изменяет память, являлся ключевой фигурой в либеральной партии. А лидеры либеральной партии входили в верхушку руководителей спинолистского «молчаливого большинства». Правильно я излагаю события, сеньор Касаку?

Касаку как-то сразу сник, и от его недавней самоуверенности не осталось и следа.

— Конечно, — пробормотал он, нервно разминая в пепельнице сигарету, — сейчас другие времена. У меня уже нет такого досье, как у вас. Я теперь тружусь в одиночку и использую те связи, которые приобрел сам, за многие годы работы. Так что...

— Так что, — перебил «Морган», — не нужно здесь преувеличивать ваши заслуги, Касаку, не нужно считать нас ослами. Мы вам платим за работу, а не за фикцию. Созданная вами «сеть» — и правда и блеф одновременно. Блеф, что вы создали эту сеть. Правда, что эта сеть уже существует. Эта сеть создана спинолистами, эта сеть создана организацией, с которой связан теснейшим образом генерал Галвао ди Мело, у которого действительно служит охранником ваш бывший подчиненный Анхело. Все это вам известно, но вы не подозревали, что и мы полностью в курсе всех дел. Урок для вас на будущее. Учтите: кто нас пытается обвести вокруг пальца, тот может поставить крест на всей дальнейшей карьере. Шуток мы не признаем.

— Фрэнк Чарльз Карлуччи III будет более приемле-

¹ Когда в 1976 году Мартинш Соареш погиб в автомобильной катастрофе, то выяснилось, что деньги по страховому полису (довольно солидная сумма) должны были быть выплачены маоистской организации МРПП.

мым для нас послом в Португалии,— государственный секретарь Генри Киссинджер обвел взглядом присутствующих, как будто ожидая услышать возражения.— Есть ли у кого-нибудь вопросы?

— На одном из предыдущих заседаний была раздана записка по данному вопросу,— взял слово председатель Комитета начальников штабов.— Я хочу спросить: не помещают ли Карлуччи на новом посту некоторые факты его биографии?

— На мой взгляд,— заметил директор ЦРУ Уильям Колби,— Фрэнк Чарльз Карлуччи может отнести любое обвинение в принадлежности к моему ведомству. В нынешней ситуации он идеальная кандидатура для Португалии. Руководить операциями в такой стране может лишь человек, облеченный всей полнотой власти. Властью посла. И чем скорее его утвердят и направят в Португалию, тем лучше для дела.

— Скажите ему, Колби, пусть подготовится,— коротко бросил Киссинджер.— Итак, если все согласны, то разрешите закрыть наше заседание.

Все поднялись из-за стола и покинули небольшой кабинет, расположенный в подвалном помещении Белого дома. Так завершилось одно из заседаний «Комитета 40-а», имевшее непосредственное отношение к дальнейшей судьбе Португалии.

Кто же такой Фрэнк Чарльз Карлуччи, какова его биография?

Фрэнк Карлуччи родился в 1930 году. Окончил двадцати двух лет университет в Принстоне. С 1954 по 1956 год служил в военно-морском флоте, закончив службу в звании лейтенант-командера. В том же году его зачислили в штат госдепартамента. Подвергнув анализу этот период жизни Карлуччи, можно предположить, что он был завербован для работы в ЦРУ в конце 1953—начале 1954 года. Но так как агенты ЦРУ должны обязательно отслужить определенное время в армии, то ему пришлося приступить непосредственно к своим новым обязанностям лишь 7 июля 1956 года.

«Дипломатическую» карьеру Карлуччи начинает в Йоганнесбурге в качестве экономиста-аналитика. В марте 1960 года переведен в столицу Бельгийского Конго город ЛеопольдVILLE. Этот район Африки привлекал в то время самое пристальное внимание американской разведки, потому что 30 июля Бельгийское Конго должно было стать независимой страной и 29 июня Вашингтон назначил послов в независимое Конго Клер Хэйза Тимберлейка. Карлуччи стал работать в посольстве США в отделе политического анализа под руководством опытного сотрудника ЦРУ.

В феврале 1964 года—всего лишь через месяц после того, как на острове произошла антифеодальная революция—Карлуччи перевели на Занзибар. В декабре этого же года Фрэнк Чарльз Карлуччи получил пост генерального консула на Занзибаре, но не прошло и года, как власти Танзании «попросили» его покинуть территорию страны.

В июле 1965 года Карлуччи появляется в Бразилии в качестве политического советника посольства. В 1969 году возвращается в Соединенные Штаты, где выполняет роль координатора ЦРУ в различных ведомствах администрации Никсона. Последний его пост—заместитель министра здравоохранения, просвещения и социального обеспечения.

16 ноября 1974 года объявляется о назначении Фрэнка Чарльза Карлуччи на пост посла в Португальской Республике.

26 ноября в сенатской комиссии по иностранным делам прошло слушание по поводу утверждения Карлуччи послом в Португалии. На другой день газета «Нью-Йорк таймс» поместила отчет об этом заседании, написанный корреспондентом Дэвидом Биндером, где говорилось:

«Член палаты представителей Харрингтон призвал комиссию по иностранным делам рассмотреть вопрос о смене посла в Португалии и далее расследовать сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс, в котором указывалось, что в Португалии действуют «более 100 агентов ЦРУ».

В ответ Карлуччи сказал: «Насколько мне известно, это обвинение необоснованно,—а когда один сенатор потребовал, чтобы он уточнил, что имеет в виду, добавил: «Это значит, что я знаю: никакого вмешательства ЦРУ в дела Португалии нет».

Заявление Карлуччи в сенатской комиссии по иностранным делам было первым заявлением должностного лица правительства Форда, в котором содержалось опровержение полученных из Лиссабона сообщений и обвинений в том, что в Португалии ведется тайная операция ЦРУ с участием ста агентов, направленная против компартии этой страны. Комиссия в дальнейшем проголосовала за рекомендацию сенату утвердить его постом».

17 января 1975 года Фрэнк Чарльз Карлуччи прибывает в Лиссабон. На авениде Дуке ди Лоуле в здании посольства Соединенных Штатов Америки обосновывается новый хозяин.

Через четырнадцать дней после этого знаменательного события, 31 января, в отдельном кабинете ресторана «Лас Торрес» испанского города Саламанка собралось несколько человек, чтобы обсудить план действий ЭЛП. Несколько человек, занимавших ключевые посты в этой тайной организации.

«Морган», выступавший в роли докладчика, рассказал, что уже сделано различными звенями ЭЛП за короткий промежуток времени, истекший с момента

подписания первых документов на встрече деловых людей в особняке парижского пригорода.

— Уважаемые сеньорес,— «Морган», нахмурив брови, внимательно посмотрел на сидящих за столом,— хочу еще раз предупредить каждого из здесь присутствующих: мы обязаны соблюдать строжайшую конспирацию. В этом залог успеха. Достоинством гласности должен стать лишь документ, объявляющий о создании и начале действий ЭЛП. Присутствующие здесь относятся к командованию ЭЛП северного района Португалии. Пока, я подчеркиваю, пока вам не будут называться имена руководителей командования ЭЛП центральной и южной зон, так же как им останутся неизвестны ваши имена. Наши действия будут состоять из акций психологических и акций военных. Цель первых—создать климат неуверенности в стране, способствовать конфронтации политических марксистских групп с военными, всячески дискредитировать действия нынешних властей. В нашем распоряжении скоро окажутся две радиостанции, которые будут действовать с территории Испании. Одна здесь, на севере, и другая на юге.

Сеньор «Кастор»,— «Морган» кивнул сидевшему напротив него Хьюзу Франклину,— сегодня подвел итог поступивших в наше распоряжение средств. Имеющиеся суммы столь значительны, что полностью покрывают расходы всей нашей программы. Каждому из вас даны инструкции в отношении дальнейших действий на ближайшие два месяца. Каждый из вас предупрежден, когда и где состоится наша следующая встреча. Сейчас мы расстанемся, потому что вечером мне уже нужно быть далеко отсюда. Кстати, запомните один адрес: «Калье Лагаска, 129, Мадрид». Это наша новая резиденция, недалеко от португальского посольства. В случае крайней необходимости милости просим. Пропуском будет служить личный код каждого из вас. Итак, мы с «Кастором» прощаемся с вами.

Пять человек вышли из кабинета, и вскоре донесся шум отъезжающих со стоянки машин. «Кастор» и «Морган» еще около часа обсуждали свои проблемы, потом покинули ресторан, передав ключ от кабинета хозяину.

Поздно вечером того же дня в «Лас Торрес» явился еще один посетитель. Судя по всему, этот человек был завсегдатаем заведения. Пройдя через служебный вход в коридор, отделявший общий зал от отдельных кабинетов, посетитель несколько секунд повозился с замком одной из дверей и открыл комната, где недавно проходило заседание руководства северной группировки ЭЛП. Войдя в нее, он, не включая свет, перенес стул к стене напротив окна, встал на него и, запустив руку за висевшую на стене картину, что-то вынул оттуда и положил в карман плаща. Поставив стул на место, незнакомец тихо вышел из комнаты и, уже не таясь, вошел в помещение, на двери которого висела табличка «частное».

— Доброй ночи, сеньор Антониу,— приветствовал посетителя хозяин ресторана,— явились с новыми инструкциями?

— Нет, просто пришел расплатиться за аренду помещения.— И Антониу Роша Касаку вынул из бумаажника три стодолларовые купюры.

— Когда я буду иметь честь видеть вас снова в наших краях?— мило улыбнулся хозяин.

— Видимо, не скоро. Думаю пока несколько дней отдохнуть в Виго.

— Желаю приятного времязпрепровождения.

Когда Роша Касаку ушел, владелец ресторана некоторое время сидел, задумавшись, потом, вынув из ящика стола кассету, вставил ее в магнитофон. «Уважаемые сеньорес,— раздался из динамика несколько приглушенный голос «Моргана»,— хочу еще раз предупредить каждого из здесь присутствующих: мы обязаны соблюдать строжайшую конспирацию. В этом за...» Дослушав до начала этой фразы, хозяин ресторана выключил магнитофон, потому что в дверь постучали.

— Входите!

Дверь приоткрылась, и в комнату как-то боком проскользнула очень худой, сутулый, длинный мужчина, одетый в потертый черный костюм, который был явно мал ему. В вытянутой руке он держал оттопыренными пальцами еще мокрый отпечаток фотографии.

— Все в порядке, дон Пабло. Мне кажется, качество удовлетворительное.

— Надеюсь, дон Пепе, ваше начальство будет довольно?

— Начальство будет полностью удовлетворено, если вы выполните вторую часть обещания и мы получим магнитофонную пленку с записями бесед заговорщиков.

— Через час я сам вручу вам эту пленку, дон Пепе.

— Не рекомендую, дон Пабло, переписывать ее и оставлять у себя копию. Один и тот же товар продавать дважды не следует. Вы рискуете своим драгоценным здоровьем.

— Ну и хитры же вы, дон Пепе,— натянуто засмеялся хозяин гостиницы.— Ладно, забирайте пленку. На-

деюсь, ваше начальство не забыло номер моего банковского счета?

— Что вы, дон Пабло! Как только я вручу материал, так в тот же день мы сделаем перевод. Два месяца мы сотрудничаем с вами, и ни разу не было осечки. Не так ли? Кстати, почему вы просили меня не засвечивать пленку в фотоаппарате, установленном Роша Касаку?

— Неужели вам не ясно? Ведь ваши фотографии будут опубликованы в Лиссабоне. Да или нет?

— Вероятнее всего, да.

— Кого станет подозревать хотя бы тот же «Морган»? Естественно, хозяин гостиницы. А если кому-то, хотя бы тому же «Моргану», будет известно, что его партнер и доверенное лицо Роша Касаку засвечено тайно фотографировал участников собрания, то на дона Пабло подозрения не падут, и никто не станет угрожать его жизни.

— Хорошо. Мы вам платим за риск, а как избежать его—это ваше личное дело. Между прочим, дней через пятнадцать кабинет опять будет занят, вероятно, этими же клиентами, и нам желательно иметь полную запись беседы, причем доставить ее должны на другой же день утром лично вы. Конечно, не в Отдел Поддержки¹, а оставить в почтовом ящике той квартиры, где произошла столь памятная для меня наша первая встреча. Договорились?

— Договорились, дон Пепе.

Сутульный Пепе откланялся, оставив дона Пабло наедине с его хитроумными планами.

Вечером в воскресенье 2 февраля в номере 610 отеля «Ница» города Виго, не спеша потягивая кампари с содовой водой, беседовали два старых знакомых: Хоакин Феррейра Торрес и Антониу Роша Касаку. На столике лежали два отпечатка фотографии, где были увековечены участники встречи 31 января в саламанском отеле «Лас Торрес».

— Слушай, Хоакин,— говорил Антониу,— естественно, я хочу получить вознаграждение за риск, неизбежный при такой работе, но главное не в нескольких сотнях долларов, которые перейдут из твоего кармана в мой за эти фотографии. Этот «Морган» слишком много знает о нас и, в частности, о тебе и об организации Спинолы. Иметь какие-то компрометирующие его документы никогда не помешает.

— Ты меня, Антониу, не уговаривай,— растягивая каждое слово, произнес Феррейра Торрес,— «Морган» я знаю и фотографии заберу.

Роша Касаку покинул номер, а внизу, в комнатке полуподпольного этажа, пожилой мужчина с белыми как луну волосами снял наушники, выключил магнитофон и, вынув из него кассету, положил ее в карман.

На следующий день, в понедельник, кассета перекочевала в портфель дона Пабло—хозяина отеля «Лас Торрес», который тут же покинул Виго, вылетев самолетом в Мадрид.

В вторник «гватемальец» Хьюз Франклин обнаружил в почтовом ящике конверт на свое имя. Вскрыв его, он вынул небольшую записку. «Уважаемые сеньоры! Один португальский подданный, проживающий в номере 610 отеля «Ница» в городе Виго, обладает фотографией, на которой изображены знакомые Вам личности. В то же время другой португальский подданный стал богаче на несколько сот долларов». Под запиской стояла подпись «Доброжелатель».

В пятницу на той же неделе Хоакин Феррейра Торрес попал в две пренеприятные истории. Выйдя из ночного клуба, он направился к стоянке, где оставил машину, и только открыл дверцу, как на него набросились трое здоровенных парней и, угрожая ножами, забрали бумажник, затем сели в его машину и скрылись. Когда же он пешком вернулся в отель и вошел в номер, то обнаружил, что тут побывали непрошеные гости, потому что все вещи в чемодане были перерыты, а лежавшие в папке деловые документы разбросаны по полу.

Взбешенный Феррейра Торрес немедленно спустился в холл, собираясь устроить грандиозный скандал дирекции отеля, но около конторки администратора его перехватил портье, сказавший, что сеньора Феррейра Торреса просит срочно подойти к телефону лейтенант Барракуда из полиции.

— Это сеньор Торрес?— раздался в трубке хриплый голос.

— Да, Феррейра Торрес. Слушаю вас.

— У вас не угоняли машину, сеньор Торрес?

— Час назад около ночного клуба три бандита угнали мой «Форд». Вы что, задержали их?

— Нет, мы обнаружили вашу машину с открытыми дверцами в ста метрах от здания городской полиции, а на сиденье—бумажник с документами на ваше имя и карточкой отеля. Ключи от машины тоже на месте. Я сейчас пошлю сержанта, и он пригонит ваш «форд».

Феррейра Торрес поблагодарил лейтенанта, повесил трубку и, выйдя из кабинета, увидел подождавшего его старика портье.

¹ Отдел Поддержки—отдел, занимавшийся вопросами разведки и контрразведки в ДВС (Движение вооруженных сил).

— Сеньор Торрес, — сказал портье, — только что какой-то мальчишка принес конверт для вас. Просил срочно передать.

Феррейра Торрес вскрыл конверт. Там лежала бумажка, на которой было написано всего лишь одно слово: «Салуд!» И подпись: «Морган».

Феррейра Торрес не стал устраивать грандиозный скандал дирекции отеля, а молча поднялся к себе в номер. А когда пришел посыльный отеля сообщить, что машина сеньора стоит в гараже и вручил португальцу бумажник, то Торрес, даже не раскрыв его, бросил на стол. Он знал, что там могут быть все документы, кроме двух фотографий.

На другой день Торрес послал в Мадрид письмо Роша Касаку — короткое, всего в несколько строк, — где сообщал о пропаже и о полученной записке. «Мой совет», — писал Торрес, — избегай встреч с Афонсо». «Афонсо» — такова была еще одна кличка человека, откликавшегося на имя «Морган».

Кто же на самом деле был «Морган» — «Афонсо» и кто такой был Хьюз Франклин — «Кастор»?

Агент ЦРУ, один из координаторов как ЭЛП, так и спинолистской организации МДЛП — «Мовименту демократики ди либертарсас ди Португал» («Демократическое движение за освобождение Португалии»), был наиболее известен под кличкой «Морган» в кругах, связанных с ЭЛП. Среди второго эшелона руководства МДЛП этого человека называли «Афонсо» и не предполагали, что «Афонсо» и «Морган» — одно и то же лицо.

«Афонсо» — «Моргана» знали прекрасно в крайне правых кругах Парижа под кличками «Ив Гиллу», «Эрлу», а среди итальянских нефашистов под именем «Эриули». Настоящее же имя этого человека — Ив Герэн-Серак. Ив Герэн-Серак, бывший офицер французской армии, вступил в военно-фашистскую секретную вооруженную организацию ОАС в конце 1961 года, участвовал в проведении ряда террористических акций против прогрессивных сил Франции. Арестованный и осужденный в 1964 году, был амнистирован в 1968 году. В том же году опять связался с профашистскими французскими элементами и был одним из организаторов серии террористических актов в Париже, а в 1969 году в Милане. В 1970 году завербован ЦРУ, получает назначение на пост директора «Ажинтерпресс», оставаясь одновременно заместителем Пьера де Галларда — агента по связи между французской секретной полицией (СДСЕ) и португальской охранкой ПИДЕ при правительстве Марселя Каэтану.

«Кастор», разъезжавший по странам Европы с паспортом на имя гватемальского подданного Хьюза Кастро Франклина, на самом деле являлся агентом ЦРУ, американским гражданином Джоем С. Саблонски. Он числился гватемальским представителем испанской фирмы «Текномотор», как и другая фирма, «Мариано С. А.», принадлежала руководителю крайне правой католической организации «Герреирес де Кристо Рей» Мартигу Санчесу Ковису, орудовавшей при покровительстве Гарсии Родригеса, агента специальной службы информации и безопасности испанской политической полиции (СЕИС). «Герреирес де Кристо Рей» финансировалась «Банком д'Авила», большая часть акций которого принадлежала фашистскому лидеру принцу Боргезе и нацистскому головорезу Отто Скорцени, возглавлявшему испанскую террористическую организацию «Палладин» — она занималась также вербовкой наемников для отправки их в Африку.

«Палладин» выполняла роль посредника между ЭЛП и американской компанией «Уорлдарики», созданной ЦРУ для прикрытия своих операций на Иберийском полуострове. Штаб организации «Палладин» находится в городе Аликанте, а в 32 километрах от Аликанте по дороге номер 332 расположен городок Вильяхойса, куда перебрался после разгрома 22 мая 1974 года португальский филиал агентства «Ажинтерпресс».

Вот какой «бутик», состоявший из агентов секретных служб, членов фашистских организаций и террористических групп, использовался ЦРУ для дестабилизации обстановки в Португалии, для ликвидации демократических завоеваний португальского народа, ставших возможными в результате революции 25 апреля 1974 года.

12 февраля в местечке Пиедралвес, расположенным в горах Гредос, примерно в ста километрах от Мадрида, за столиком таверны отеля «Эль Басало» беседовали «Морган» и «Кастор».

— Остается одно невыясненное обстоятельство, — озабоченно произнес «Морган». — Кто автор полученных тобой писем? Того, где сообщалось о фотографиях, и позавчерашнего с предложением перевести на закодированный счет швейцарского банка десять тысяч долларов в обмен на подобные услуги в будущем.

— Может быть, — высказал предположение «Кастор», — это дело рук того же Роша Касаку?

— Что ты, дорогой друг! По-твоему, Роша Касаку есть тот «доброжелатель», сообщивший тебе, что он, то есть Роша Касаку, продал снимки нашего совещания, за что ему уже обеспечена пуля в лоб?

— И ты собираешься перевести десять тысяч долларов?

— Не подумаю. На такие расходы без разрешения Окуна пойти не могу.

— Предлагаю не обращать внимания на последнее письмо. До событий осталось ждать месяц, ну, скажем, полтора. Переживем?

— Переживем.

...В понедельник 17 февраля в отдельном зале мадридского ресторана «Ле Провансаль» собрались на консультативное совещание члены руководства ЭЛП с представителями МДЛП. Тема совещания: изучение возможностей проведения совместных акций во время военного переворота, планируемого МДЛП на последние числа февраля. Представители МДЛП подробно, со всеми деталями проинформировали руководство ЭЛП о том, как будет проходить переворот, на поддержку каких военных подразделений они рассчитывают. Эмиссарам МДЛП было задано несколько вопросов.

Первый: насколько известно руководству ЭЛП, проведение восстания должна была предшествовать подготовительная стадия, рассчитанная на 2—3 месяца. Почему от проведения ее МДЛП отказывается?

Второй: судя по составу участвующих в настоящем заседании, здесь присутствуют только представители северного района Португалии. Значит ли это, что ониполномочены выступать от имени всей организации МДЛП?

Третий: ознакомлены ли все звенья МДЛП с решением выступить в феврале?

На все эти вопросы эмиссары МДЛП дали такой ответ: решение о начале восстания принято единогласно генералом Спинолой, который пришел к выводу, что успех может быть достигнут уже сейчас.

Руководство ЭЛП объявило эмиссарам МДЛП, что в создавшейся ситуации оно не может дать своим людям внутри страны указание принять обязательное участие в акциях МДЛП, так как ЭЛП еще не готово к активным действиям, но не будет возражать, если каждый член их организации примет решение, соответствующее обстановке, которая будет складываться на месте.

...Вечером в понедельник 17 февраля Эберт Окун зашел в кабинет посла США Фрэнка Карлуччи с подготовленным текстом телеграммы для шефа ЦРУ. Карлуччи, внимательно прочитав текст, сделал несколько незначительных поправок и вернулся Окуну.

— Все хорошо, Эберт. Только, может быть, добавить несколько строк о моем интервью для «Экспрессо», опубликованном позавчера. Процитируйте тот абзац, где я «опроверг вмешательство ЦРУ во внутренние дела Португалии и подчеркнул первостепенное значение для НАТО выполнения Португалией своих обязательств как члена Североатлантического союза».

— Но мы же в предыдущей телеграмме уже сообщали о подобном интервью. Помните, то, которое выдали после визита к Васку Гансальвишу.

— Лишний раз им прочитать не вредно, — назидательно произнес Карлуччи.

...В ночь с понедельника 17-го на вторник 18-го февраля после окончания работы Ассамблеи Движения вооруженных сил, проходившей в помещении Института высшей стратегии национальной обороны, в одном из залов первого этажа собрались на срочное совещание члены Совета национального спасения (кроме президента Кошта Гомеша), члены координационной комиссии программы, представители командования района Порту и начальник Отдела Поддержки. Вот выдержка из протокола этого совещания: «...на совещании члены руководства Северного военного района и руководители Отдела Поддержки сообщили присутствующим о раскрытии правой контрреволюционной организации, в которой принимают участие гражданские лица района Порту. В заговоре также замешан один американец, один южноамериканец, подполковник Васку Симаш, подполковник Сантуш-и-Кастру и бывший капитан Алвиш Кардоуз. Заговорщики собирались на испанской территории в Верине, в Мадриде и в Саламанке. Командование Северного военного района и Отдел Поддержки имеют полные данные о том, что обсуждалось на данных сбирающих контрреволюционеров.

Их цель заключается в свержении португальского режима, и для выполнения ее заговорщики пользуются значительной финансовой поддержкой, покровительством официальных испанских властей и участниками бывших членов Португальского легиона и рассеянными по всей стране бывшими пидевцев. В разных районах Португалии заговорщиками созданы подпольные склады оружия.

Во время первой фазы своих действий заговорщики попытаются создать в стране климат неуверенности, используя для этого: а) проведение актов выборочно-го террора, б) похищение послов иностранных государств, в) осуществление актов саботажа, г) осуществление кампании по дискредитации руководства ДВС через имеющиеся у реакции органы печатной информации и по радио с помощью передвижных радиостанций, действующих на территории Испании.

Все гражданские лица, входящие в группу заговорщиков, известны и находятся под постоянным контролем и наблюдением. Отдел Поддержки полностью в курсе всех планов заговорщиков.

Во время второй фазы заговорщики предполагают

осуществить военный переворот, которому должна предшествовать «португальская варфоломеевская ночь», во время которой будут физически уничтожены главные марксистские элементы страны. Военный переворот должен быть проведен спинолистской МДЛП. Что же касается второй заговорщицкой организации — ЭЛП, то известны все их планы и действия, начиная с конца января. Известно, что часть верхушки МДЛП входит в руководство ЭЛП и что обе организации финансируются из одних и тех же источников».

11 марта группа спинолистов из числа правых офицеров совершила попытку осуществить военный переворот в стране. Благодаря быстрым и решительным действиям руководства Движения вооруженных сил и мобилизации народных масс, откликнувшихся на призыв Португальской коммунистической партии и профсоюзов, попытка мятежа была подавлена. Часть заговорщиков — как военных, так и гражданских — была арестована. Спинола с наиболее близкими ему офицерами сбежал за границу. Авантура МДЛП провалилась.

После разгрома заговорщиков демократические силы приняли ряд мер для закрепления и расширения завоеваний апрельской революции 1974 года. 14 марта была произведена национализация всех португальских банков, 16 марта — страховых компаний. В апреле было объявлено о национализации ряда ключевых отраслей национальной экономики и о проведении аграрной реформы. 25 апреля, в день первой годовщины революции, состоялись выборы в Учредительное собрание республики.

Так закончился в Португалии год, прошедший с момента падения фашистского режима. Внутренней и международной реакции не удалось свернуть Португалию с демократического пути, но это не значило, что правые силы отказались от своих намерений.

26 мая было разгромлено помещение Демократического движения Португалии в Браганса. Так началась террористическая деятельность ЭЛП, созданной по плану и на деньги ЦРУ. Но рассказ об этих событиях выходит за рамки моего повествования, ограниченного годичным периодом, начиная с 25 апреля 1974 года.

Остаётся сказать несколько слов о судьбе некоторых из тех, кто упомянут на прочитанных вами страницах.

Генерал Спинола еще несколько раз садился в лужу при попытке организации антипортугальских заговоров и в конце концов в августе 1976 года вернулся в Лиссабон, абсолютно никому не нужный.

Галвао ди Мело, считая свою персону достойной на президентских выборах, естественно, без малейшего шанса на успех.

Феррейра Торрес был убит 21 августа 1979 года на дороге в 30 километрах от Порту. В него была выпущена обойма из 10 пуль. В одной из газет промелькнуло сообщение, где высказывалось предположение, что в убийстве замешан Роша Касаку, о котором ничего не было слышно с начала февраля 1975 года. Фотография участников совещания в Саламанке появилась на страницах португальских газет 24 марта 1975 года, и, видимо, Роша Касаку считал, что без помощи Торреса здесь не обошлось. Кстати, шурин Торреса, майор полиции в Порту Мота Фрейша, был арестован 11 августа 1976 года по обвинению в покровительстве бандитам из ЭЛП.

Следы «Моргана» потерялись в Испании, а «Кастор» был до 18 июля 1979 года в Никарагуа и служил инструктором карательного батальона, казармы которого находились в Манагуа, рядом с бункером диктатора Сомосы. Когда 19 июля мы, группа журналистов, прилетели в освобожденную столицу Никарагуа и поселились в отеле «Интерконтиненталь», то коридорная, убирая номер для прилетевших с нами трех французских тележурналистов, вынесла из комнаты кипу бумаг и документов вместе со стопкой визитных карточек. Отпечатанные на английском и испанском языках, они свидетельствовали, что их владелец звали Хьюз Кастро Франклин, по званию старший лейтенант, по должности инструктор отрядов особого назначения. Вот так состоялась у меня первая и в то же время последняя встреча, правда, заочная, с агентом ЦРУ Джоем Саблонски.

Карлуччи стал заместителем директора ЦРУ, а Окун был назначен руководителем американской миссии на переговорах по разоружению в Женеве.

Что же касается обитателей здания на авениде Дуке ди Лоуле, то из старой команды Эбера Окуна там уже никого не осталось, но новые люди так же плетут заговоры против демократии, потому что в этом и заключается суть деятельности Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки.

В Португалии — и не только в Португалии...

Документальная повесть Олега Игнатьева «Аполло» идет в чужие воды» напечатана в журнальном варианте.

Понятными пригласили старика Гулюкина и молодую женщину — соседку, которая и сообщила, что дом принадлежит Олегу Анатольевичу Барабанщиковой. Лебедев сел писать протокол. Бугаев раскрыл на столе «дипломат» Платонова. Там лежали три небольшие иконы. Аристарх Антонович на вопросы отвечать отказался.

— В чемодане «дипломат», изъятом при задержании гражданина Платонова Аристарха Антоновича, обнаружены три иконы с изображением святых, —продиктовал капитан Лебедеву.

Гулюкин, с любопытством разглядывавший иконы, сказал:

— «Георгий Победоносец», «Спас на престоле» и «Положение во гроб».

— Вы точно знаете? — спросил Бугаев.

— Точно, товарищ начальник.

— Так и запишите, товарищ Лебедев, — официальным тоном сказал капитан.

— Врет! — вдруг подал голос Аристарх Антонович, пришедший в себя после испуга и сидевший с каменным лицом. — Старый человек, а врет! Какой же тут «Спас на престоле»? Нечего приписывать мне чужие иконы.

— Немой заговорил, —тихо, себе под нос буркнул капитан и, повернувшись к Аристарху Антоновичу, спросил: — А что же это за икона?

— Принадлежащая лично мне икона «Спас в силах».

Гулюкин смущенно махнул рукой — пишите, мол, что хотите.

Бугаев открыл второе отделение «дипломата» и вынул оттуда большой синий конверт. В конверте лежала старинная книжка в бежевом, телячьей кожи переплете.

— Библия, что ли? — Капитан раскрыл ее и увидел, что желтые, кое-где истлевшие страницы исписаны красной старинной вязью, а заглавные буквы раскрашены.

— Библия толще, — вставил Гулюкин.

— Э-э... — Аристарх Антонович издал какой-то нечленораздельный звук.

— Вы хотите сделать заявление, гражданин? — поинтересовался Бугаев. У него никак не выходил из головы Платонов, пьющий чужой коньяк.

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Аристарх Антонович не сводил глаз с книги.

— Нет, не хочу, — наконец выдавил он.

— Запишем: старинная книга. — Бугаев сунул руку в конверт и достал оттуда железнодорожный билет с фирменным посадочным талоном на «Стрелу».

— Поезд номер один, вагон шестой, место тринадцатое, — сказал он. — А поезд-то ушел, Аристарх Антонович! Билет-то вчерашний! Что же вы не уехали? Неотложные дела задержали?

Платонов молчал.

— По каким делам вы оказались в доме гражданина Барабанщикова? — спросил Бугаев. — И откуда у вас ключ от чужих дверей? — Он положил на стол длинный ключ с заковыристой бородкой — чудо кустарного производства. Точно такой же, что нашли в кармане погибшего в церкви хозяина дома.

— Мое изделие! — гордо сказал Гулюкин. — Точно. — И требовательно уставился на Аристарха Антоновича, словно хотел поскорее услышать, каким образом его произведение оказалось в руках Платонова.

Но Платонов больше не произнес ни слова. Он сидел с таким видом, словно все происходившее в доме совсем его не касалось. Лицо Аристарха Антоновича снова приобрело выражение значительности и превосходства.

Бугаев махнул рукой:

— Ладно. Еще наговоримся. Время будет.

Понятные подписали протокол, двери опечатали.

В машине Гулюкин с сожалением, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Время позднее, пивком уже не разжиться. Ну да ладно. Вижу, и без меня бы вы обошлись, соколики...

10

На следующий день утром Лебедев выяснил в домоуправлении, что Олег Анатольевич Барабанщик работал на станции Ленинград-Товарная, в военизированной охране.

Начальник охраны, пожилой плотный мужчина, похожий на офицера-отставника, только что вскипятил чай и разложил на столе бутерброда, поэтому появление Лебедева его не слишком обрадовало. Он отвечал неохотно, хмурился, то и дело дотрагиваясь широкой загорелой ладонью до чайника, словно хотел намекнуть пришельцу о необходимости поскорее сматываться.

— Барабанщик? Работает такой. Есть ли замечания? Замечаний нет. Все у него тихо. Никто не балует.

— Как же вы говорите — работает? — не вытерпел Лебедев, — когда он три дня назад погиб.

— Погиб? — удивился начальник и открыл серую, залапанную не слишком чистыми руками амбарную книгу, словно в ней должны были появиться сведения о гибели Олега Анатольевича.

— Вот как?! Погиб! — воскликнул начальник, выискивая что-то в многочисленных графах. Наконец найдя, сказал: — Он сегодня в ночь должен выйти. Но, кажется, с кем-то еще менялся дежурствами. Сейчас выясню. — Открыв дверь в соседнюю комнату, он спросил: — Григорьев, Барабанщик работал ни с кем не менялся сменами?

— Менялся, Петр Петрович, — ответил приятный женский голос. — С Брейдо он менялся. Говорил: в Москву надо.

— В Москву, говорил, надо, — снова усевшись за стол, повторил начальник и приложил ладонь к чайнику. Наверное, чайник катастрофически остыпал, потому что Петр Петрович, вдруг решившись, сказал: — А вы, товарищ, может, со мной за компанию по чайку ударите?

Ничего нет лучше для выяснения каких-либо обсто-

Лебедев промолчал.

— Да, знал бы, где упасть... — задумчиво произнес Петр Петрович.

— Он дружил с кем-нибудь из сотрудников?

— У нас особо не раздружишься. Отдежурил сутки — и гуляй. Как собрание запланируем провести — прямо бедствие. Аврал объявляем. Не соберешь ведь наше войско. — Он подумал немного. — А Барабанщиком-то со всеми ласков был. Дружить не дружил, но ни с кем не ссорился. Подменяться был всегда готов. — Петр Петрович вдруг неожиданно улыбнулся и закрутил головой: — Не пойму только, почему его собаки не любили! Ведь сколько раз кусали, до блефлетена доходило.

— Какие собаки? — удивился Лебедев.

— Да наши. Сторожевые. Вахтер ведь на дежурство идет, собак в дворе выпускает. Да и кормит их он.

Приехав в управление, Лебедев на всякий случай поинтересовался в ОБХСС, не было ли за последние годы случаев воровства на станции Ленинград-Товарная. Ему ответили, что с тех пор, как там поменяли начальника охраны, хищения прекратились. «Молодец, Петр Петрович», — подумал Лебедев с теплотой, — наладил дело».

И еще одну новость узнал старший лейтенант в управлении: Олег Анатольевич Барабанщик, сорокового года рождения, кличка «Барабан» и «Фокус», дважды судимый, один раз — за мошенничество, второй — за покушение на убийство, значился в картотеке Министерства внутренних дел Союза.

11

Вид у Аристарха Антоновича был насупленный. Четыре морщины на лбу залегли особенно глубоко. Не чувствовалось, что неожиданное задержание на чужой даче поколебало его самоуверенность.

«Кого же он мне напоминает?» — подумал Игорь Васильевич, но вспомнить так и не мог.

— Ну что ж, Аристарх Антонович, вчера я у вас гостил, сегодня вы ко мне с ответным визитом.

Платонов шутки не принял, только сердито скосил на Корнилова холодные голубые глаза.

ятельств, получения необходимых сведений, как серьезное, с глазу на глаз, членение. Исчезают натянутость первых минут знакомства, настороженность. Ничего не значащие реплики вроде «з-з», чаек, всем напиткам королек» или сообщение друг другу «чайных» секретов помогают найти общий язык и завести душевную беседу.

Бутерброда Петр Петрович разделил по-братьски, чай заварил со знанием дела. Да и беспокоился он напрасно — кипяток был еще что надо.

— У нас ведь народ сложный, товарищ Лебедев, — рассказывал он, с удовольствием прихлебывая чай.

Лебедев слушал внимательно, не донимая Петра Петровича вопросами. Ждал, когда дело дойдет до Барабанщикова.

— А вот Барабанщик... — Он машинально сказал «Барабанщик» — так, наверное, как привыкли звать Олега Анатольевича между собой, — но тут же поправился: — А вот Барабанщиком был мне мало понятен. Человек добрый, приветливый, для каждого нужное слово найдет, но не мог я понять, в чем его стержень. Заглянет в кабинет — все у него хиханьки да хаханьки. Кому среди зимы гвоздичку подарит, кому пачку сигарет американских. А начнешь с ним про житье-бытье говорить — он, словно налим, не дается в руки. — Петр Петрович вздохнул, потом спросил. — Он, что ж, в аварию попал?

— Нет. Ездил за город, проник в полуразрушенную церковь. Ну и... То ли с высоты сорвался, то ли еще что. Разбился, в общем.

— Вот так-так! — удивился начальник. — Чего это он полез в церковь? Такой осторожный человек.

— Вам, конечно, понятна причина задержания? — продолжал подполковник.

— Нет. Совсем непонятна, — отрубил Платонов.

— Я объясню еще раз. Вы были задержаны в доме, принадлежащем гражданину Барабанщику Олегу Анатольевичу, при попытке вынести оттуда три старинные иконы... — Корнилов перелистнул протокол задержания. — Ценность икон определит экспертиза...

— Все не так!

— Вот и объясните, как было на самом деле. — Корнилов достал сигареты, закурил. Протянул пачку Аристарху Антоновичу. — Не хотите? — Тот мотнул головой.

Несколько минут они сидели молча. Платонов то сдвигал брови, то выпячивал нижнюю губу, то принимался быстро-быстро барабанить пальцами по подлокотнику кресла. Корнилов не торопил. Наконец Аристарх Антонович сделал глубокий вдох, как перед прыжком в воду, громко выдохнул воздух и сказал:

— Вам известно, что я старший инженер конструкторского бюро?

— Да, — кивнул Игорь Васильевич и включил магнитофон, — это записано в протоколе задержания.

— К тому же я кандидат технических наук. В кругу моих коллег — ученых и инженеров — мой арест вызовет недоумение... — Он на секунду замолк, подбирая слова: — И возмущение произволом.

— Мы заинтересованы в быстрейшем разрешении всех проблем, — благожелательно сказал Корнилов. — Вы хотели объяснить, как оказались в чужом доме?

— Ну хорошо, — согласился Платонов. — Объяс-

няю: Барабанщиков — мой знакомый. Не приятель, не друг — просто знакомый. У-точ-няю: несколько раз он оказывал мне услуги — реставрировал иконы. У меня большая коллекция...

Корнилов кивнул.

— Вот-вот. Вы имели честь... Несколько месяцев тому назад я дал Барабанщикову на реставрацию три редких экземпляра. — Он подумал немного и добавил: — Нет, прошло уже больше времени. Больше года.

Игорь Васильевич пометил на листке бумаги: «3 иконы?»

— Вчера вы приходите ко мне и показываете фотографию Олега Анатольевича. Так сказать, мертвого... — Он свел морщины на лбу. Откашлялся. — Понимаю ваше недоумение, но на фото Барабанщикова я сразу не узнал. Потом, когда вы ушли, меня вдруг осенило... Я решил проверить — это так естественно. Не правда ли?

— Продолжайте, продолжайте, — кивнул Игорь Васильевич. — Не прост Аристарх Антонович, не прости! — подумал он. — Логично излагает».

— Телефона у Барабанщикова нет. Я поехал на машине. Ключ от дома Олег мне дал давно. Иногда я приезжал в его отсутствие отдохнуть. Увидев, что дом пустой, понял: случилось несчастье. Я не обознался — на фото Олег мертвый? Вы понимаете, товарищи...

— Корнилов.

— Товарищ Корнилов. Когда начинаешь волноваться — всегда делаешь ошибки. Олег умер, подумал я. Приедут родственники. Они живут в Пензе. Имущество разделят. Иконы выбросят или продадут. Как я докажу, что это мои иконы? Как? — Он развел

руками. — Ну вот! Я решил их забрать, мои иконы. В это время приехали ваши товарищи.

— Иконы отреставрированы?

— Что? Ах да, иконы. Уже отреставрированы. Я могу заплатить родственникам за работу Олега Анатольевича.

— Аристарх Антонович, у вас с Барабанщиковым есть общие знакомые?

— Кого вы имеете в виду?

— Общих знакомых. Людей, которые бы знали и вас и Барабанщикова.

— Есть, конечно.

— Кому-то из них можно сейчас позвонить?

— Сейчас? — Платонов посмотрел на часы. — Может. Только я...

Корнилов протянул ему записную книжку, изъятую во время задержания. Аристарх Антонович начал листать.

— Вот, хотя бы Рассказов Петр Горемирович. Доктор наук. Коллекционер. Вас соединить с ним? — Платонов потянулся к телефону. Корнилов остановил его.

— Звонить не надо.

— Тогда зачем же? — удивился Аристарх Антонович.

— Почему вы не позвонили Петру Горемировичу? Не поинтересовались у него, не случилось ли чего плохого с Барабанщиковым, а поехали сразу за иконами?

— Понимаете ли... — Аристарх Антонович опять выпятил губу, и Корнилов подумал, сдерживая улыбку: «За хороший крючок ты зацепился своей толстой губой, милый».

— Все-таки иконы мои! — выдохнул Платонов.

— Ну хорошо. Иконы так иконы, — согласился Игорь Васильевич. — Вам хотелось потихоньку забрать свои иконы, — он нажал на слове «свои», — без лишней огласки?

Платонов кивнул.

— Но вот фотографии, которые сделали сегодня утром наши сотрудники в доме Барабанщикова. — Он положил перед Платоновым несколько больших фотографий коллекции икон, развесанных на стене. Среди икон явно выделялось шесть пустых мест. В самом центре стены. «А, кстати, почему пустых мест шесть? — подумал подполковник. — Ведь в «дипломате» их было три?»

— Видите, Аристарх Антонович, не хватает шести икон. Там, где они висели, обои потемнее — не выгорели. По размеру сюда как раз подходят и те, что изъяли у вас. Неужели Барабанщиковых развесил бы чужие иконы? И потом... Вы не знаете, куда делись еще три иконы? Может быть, не только вы приходили за своим имуществом?

— Он был бесчестным человеком, — упрямо сказал Платонов. — Он присвоил три мои иконы. Три я и взял!

— Аристарх Антонович, не нужно ухудшать свое положение. Чем дальше в лес... А вдруг найдутся люди, которые видели эти иконы у Барабанщикова? Я не исключаю, что найдем мы и тех, у кого он купил эти иконы. Вот с этим ключом тоже... — Игорь Васильевич взял в руку длинный ключ со сложной бородкой. — Вы говорите, что Барабанщикова дал вам его в пользование. Приезжай, отдохтай... А ключ от калитки он почему вам не дал? Через забор-то неприлично старшему инженеру лазить.

Платонов опустил голову на ладони, с силой провел

ими по лицу. Глаза у него сделались затравленные. Но Корнилов увидел и другое — напускное величие, многозначительность ушли с лица, оно разгладилось, стало как-то мягче, проще. Человечнее. Только четвере глубокие морщины так и остались на лбу. «Вот так-то лучше, — подумал Игорь Васильевич. — Так ты даже девушкам можешь понравиться».

— Дело дойдет до суда? — спросил Аристарх Антонович.

Корнилов пожал плечами:

— Будущее покажет.

— Все пропало. Столько лет труда... А если чисто-сердечное признание? — с надеждой спросил Платонов. — Я дам подпиську, что это никогда не повторится. Вы должны понять: я же старший инженер, ученый, интеллигентный человек.

— У вас есть семья?

— Да. То есть практически нет. Я в разводе. Жена с сыном живет у матери в деревне.

Чувство жалости, шевельнувшееся было в душе подполковника, угасло.

— Не знаю, как решит следователь, но даже в том случае, если вы докажете, что иконы принадлежали вам, вы, Аристарх Антонович, совершили преступление — проникли в чужой дом, — жестко сказал он. Конечно, будут учтены и обстоятельства преступления и личность подсудимого... — Он хотел добавить: «И уровень его интеллигентности» — но сдержался. — Если вы хотите помочь следствию — напишите подробно обо всем. Только честно. Неудобно человека, считающего себя интеллигентным, уличать во лжи...

— Да, да. Я напишу, — кивнул Платонов.

— Перечислите людей, которые знали Барабанщикова. Подробно опишите, что вы делали в ночь с третьего на четвертое сентября.

— А это зачем? — насторожился Аристарх Антонович.

— Это важно для нас обоих. И обязательно напишите, как попал к вам ключ от дома погибшего.

Платонов согласно кивал.

— Теперь можете ехать домой. Завтра в десять я жду вас с подробными объяснениями.

— Я могу уйти? — На лице Платонова мелькнула надежда.

— Да. Следователь, который будет вести дело, избрал мерой пресечения для вас подпиську о невыезде. Пока идет следствие, вы не должны покидать город. Корнилов подвинул Платонову лист бумаги, тот внимательно, слегка шевеля губами, прошел и расписался красиво, с кудрявыми завитушками.

Когда Аристарх Антонович подходил к двери, подполковник окликнул его. Платонов вздрогнул и обернулся.

— Вы никогда не видели у Барабанщикова оружие?

— Оружие?

— Да. Пистолет, например?

— Нет, не видел.

«Спокойней бы было оставить его переночевать у нас, — подумал Игорь Васильевич, когда за Платоновым закрылась дверь, — но раз уж следователь так решил... Может быть, на доверие Платонов ответит откровенностью?»

Правда, не очень-то верил подполковник в откровенность людей такого склада, как Платонов. Слишком много было в нем напускного, неискреннего. «Лицедей, — неприязненно думал Корнилов. — Только мои эмоции к делу не пришлось, как говорил когда-то Мавродин».

Майор Мавродин, умерший в прошлом году, был первым наставником Игоря Васильевича в уголовном розыске.

12

Телефонный звонок разбудил Корнилова в шесть утра. Дежурный по городу доложил, что ночью на Озерной улице в Парголове сгорел дом Барабанщикова.

Когда Корнилов приехал на Озерную, пожарище еще дымилось. Пахло мокрой золой и почему-то печеным картошкой. Трава, кусты, яблони — все было засыпано пеплом. Внутри дома ничего не уцелело. Стояли обгорелые стены да чудом не обрушившиеся стропила. Пожарные машины уже уехали, осталась только красная «Волга» экспертов. Несколько женщин собрались невдалеке, перешептываясь с любопытством разглядывая копавшихся на пепелище экспертов и следователя. Чумазый милиционер потяжело бродил рядом.

— Вы дежурили ночью? — спросил у него Корнилов.

— Я... Милиционер почувствовал, что перед ним начальство, и совсем стушевался. — Кто ж его знает, чего он вдруг загорелся. Тихо было совсем. Спокойненько. Вдруг — жах! Как полыхнет.

— Покажите, где вы были, когда заметили огонь? — попросил подполковник.

Милиционер вышел из калитки на улицу.

— Не надо было отпускать этого Аристарха! — сердито-зашептал подошедший Бугаев. — Наверняка его рук дело!

— Спокойно, капитан, — одернул Семена Корнилов. — Лучше вспомни как следует, не оставили ли вы с Лебедевым включенными электроприборы во время обыска. И как с куревом у вас было?

— Все в порядке, товарищ подполковник, — обиженно сказал Бугаев. — Что ж мы, в первый раз!

Милиционер перешел дорогу, остановился у скамейки.

— Вот здесь я и сидел. У Молевых на скамейке. Все отсюда видно. Дом Барабанщикова как на ладони. Вдруг полыхнуло. Я калитку вышиб, и к дому. Да куда там! Стекла уже посыпалась. Черепица ровно как пулумет трещит. Побежал звонить пожарникам. Тут автомата на углу...

— Хорошо, сержант. Все сделали правильно, — сказал Корнилов.

Они вернулись на пепелище.

— Скорее всего, поджог. Эксперты, конечно, точнее все додумают, но у меня сомнений нет, — сказал капитан из пожарной охраны. — Все внутри дома было облито бензином. И канистра оставлена — поленились даже спрятать. — Он пнул ногой большую обгоревшую банку. — Из сарая притащена. Я место нашел, где она стояла. А сарая взломал.

— Собаку не пробовали пускать? — спросил подполковник у молодого капитана, следователя из районного отдела внутренних дел.

— Пробовали, товарищ подполковник, — не берет: все вокруг пеплом засыпано. Видно, приличная тут жаровня была. Не хотите печеной картошки? Еще горячая. В подвале испеклась.

— Может быть, и картошкой придется заняться, — без улыбки ответил Корнилов. — Если нужда придет. А сейчас другие заботы есть. Бугаев! — позвал он Семена. — Пройдемся еще разок по участку.

С трех сторон к дому Барабанщикова примыкали участки других хозяев. Забор стоял хлипкий, на живую нитку: кое-где подгнили столбы, и штакетник завалился, лежал прямо на кустах. Позади участка в заборе зияла большая дыра. Корнилов внимательно осмотрел ее. Свежая. «Только-только ломали, — определил он. — И трава помята. Хотя не просто примата — выпотаптана».

— Не проверяли? — спросил подполковник у Бугаева и кивнул головой на дом за забором.

— Проверяли. Когда начался пожар — соседи выломали. Ведрами стали воду таскать, да куда там.

— Если кто-то чужой хотел попасть к дому Барабанщикова незаметно, он скорее всегошел здесь, — сказал подполковник.

— При условии, что сержант с улицы никого не проворонил.

— Ты с ним подробно беседовал?

Бугаев кивнул.

— С той скамейки ему три дома как на ладони. А вот что на задворках творилось — он не видел.

— Сейчас одна надежда — опросить всех соседей: не видали ли кого чужого? — сказал Корнилов. — Я еще пройдусь по саду и поеду в управление. А ты с людьми беседуй, пока на работу не разъехались. Никого не пропусти.

— Вы не считаете, что это Аристарх поработал? Кто-то другой? — Бугаев с сомнением посмотрел на обгоревший дом.

Подполковник промолчал. Семен покрутил головой и, вздохнув, пошел через кусты к соседям.

«Нет, это не Платонов, — думал Игорь Васильевич, внимательно, штакетину за штакетиной осматривая забор. — Он свое уже взял. Хотел бы подожечь — сделал бы это вчера. После того, как тебя на месте преступления милиция взяла, приходить сюда снова и поджигать — для этого надо решительным человеком быть. А вся его решительность — одна видимость: четыре морщины на лбу да волевой подбородок».

Осмотр ничего нового Корнилову не дал. На траве, в кустах, на заборе валялось столько всякого хлама: каких-то тряпок, полубороделой бумаги, старых корзинок, обуглившейся мебели, — что поиски следов преступника теряли всякий смысл. «Бедлам каковой, — раздражаясь оттого, что ничего не сумел прояснить, думал подполковник. — С чем приехали, с тем и уезжаете, товарищ начальник. Что о вас районные милиционеры подумают?» Он сел в машину и сразу же набрал номер управления. Ответил Белянчиков, которого подполковник, узнав о пожаре, послал на квартиру Платонова.

— Ну как там наш инженер? — спросил Корнилов. — Написал сочинение?

— Платонов дома не ночевал, — доложил майор. — Соседи видели, как он поздно вечером погрузил в машину чемодан и уехал.

— Этого еще не хватало! — вырвалось у Корнилова. — Розыск объявил?

— Объявили. В доме дежурит Степанов.

«Ну и ну! Ну и Аристарх! — раздражаясь все больше и больше, думал Игорь Васильевич. — Преподнес

сюрприз. На что ж он надеется?! Удрал и все свои любимые иконы оставил!» Корнилов вдруг заулыбался. Шофер недоуменно покосился на него.

— Ничего, Саша, ничего. С ума я не сошел, — продолжая улыбаться, шутливо сказал Корнилов. — Вспомнил я этого Аристарха. Никуда он не убежит, миленький. — Подполковник посмотрел на часы. Было половина десятого. Он снова набрал номер Белянчикова.

— Ты, Юрий Евгеньевич, пропуск Платонову все же зажажи.

Когда они подъезжали к Главному управлению, Игорь Васильевич попросил шофера:

— Заверни, Саша, на Каляева, к автомобильной стоянке.

Красные «Жигули» Аристарха Антоновича, забрызганные подсыхающей грязью, красовались в сторонке. Корнилов удовлетворенно хмыкнул.

Платонов понурясь сидел в приемной. Увидев Корнилова, Аристарх Антонович встал, поздоровался, чуть наклонив голову.

— Здравствуйте, товарищ Платонов. — Игорь Васильевич скосился на его ботинки — они тоже были в грязи. — Через две минуты я вас приму.

В кабинете, усевшись за стол, Корнилов мельком пробежал сводку происшествий за сутки и, включив селектор, сказал секретарю:

— Варвара Никитична, пусть зайдет гражданин Платонов.

Лицо у Аристарха Антоновича было измученным, отечным. Под глазами залегли густые сине-зеленые тени. От вчерашней фанаберии и следа не осталось.

— Не выспались, Аристарх Антонович?

— Какой уж тутсон...

— Далеко ли ездили?

— Никуда не ездили.

Корнилов снял трубку с телефонного аппарата.

Набрал номер Белянчикова.

— Снимите пост на Зверинской у дома тридцать три. Пусть Степанов возвращается в управление.

Посмотрел внимательно на Аристарха Антоновича.

Платонов отвел глаза.

— Гражданин Платонов, — жестко сказал подполковник, — дела ваши очень плохи. Очень.

— Но объяснение я принес. — Аристарх Антонович испуганно посмотрел на Корнилова. — Как договорились. Я все написал...

— Сегодня ночью сгорел дом Барабанщикова. Не просто сгорел — его подожгли. Мы подумали: *Cui prodest?* Вы человек ученый, латыш, надеюсь, понимаете?

— Нет, — мотнул головой Аристарх Антонович.

— Что же вы так? А говорили мне вчера, что кандидат наук. Мы, кстати, проверили — никакой вы не кандидат. Не защищались. А теперь вас другая защита ожидает. «*Cui prodest?*» значит: «Кому выгодно?»

Платонов не шелохнулся. Сидел бледный, как полотно, ожидая, что еще скажет подполковник.

— Мы решили, что в первую очередь это выгодно вам. Приехали на Зверинскую, а вас нет дома. И соседи говорят: не ночевал. Машина у вас грязная, ботинки тоже... Что прикажете думать? Там, в Парголове, на Озерной, грязи хватает.

Платонов инстинктивно посмотрел на свои ноги.

— А ведь вы, Аристарх Антонович, давали подпиську о невыезде. И говорили мне хорошие слова об интеллигентности. А вы знаете, что по моему, милиционному разумению отличает человека интеллигентного? Чувство порядочности. — Корнилов смотрел, как розовеют большие, чуть оттопыренные уши Платонова. — То, что вы написали, я сейчас даже смотреть не буду. Чтобы не ставить вас в неловкое положение. Мы вас задерживаем. По закону имеем право на двадцать четыре часа. До того, как предъявлено обвинение. А новое объяснение я хотел бы получить от вас через час. Успеете?

Платонов кивнул.

Когда его увели, Корнилов вызвал секретаршу:

— От Бугаева нет сообщения?

— Нет, Игорь Васильевич.

— Тогда попроси зайти Белянчикова.

Вся история с погибшим в Орлинской церкви мужчины прибретала неожиданный и зловещий поворот. Вначале Игорю Васильевичу казалось, что достаточно найти точки соприкосновения Николая Михайловича Рожкина, убитого из найденного у Барабанщикова пистолета, и самого Барабанщикова, как все станет ясно. Отыщутся скрытые пружины убийства, найдутся люди, знаявшие обоих, скрестятся их интересы. Но обернулось все по-иному. Существовал еще один человек, смелый и осторожный одновременно, и потому вдвойне опасный. Человек, которому не хотелось, чтобы милиция обыскивала дом Барабанщикова, кололась в его вещах. Человек, который решил уничтожить коллекцию погибшего, чтобы не досталась ни государству, ни родственникам.

Корнилов посмотрел на часы — приближался пол-

день. Подполковнику не терпелось поскорее узнать, что выходил в Парголове Бугаев, хотя он и подозревал, что никакой сенсационной информации капитан не привезет. Все там проделано опытной рукой.

— Ну что? Пишет учений? — спросил Игорь Васильевич у Белянчикова, когда тот вошел в кабинет.

— Пишет. Печерк, я вам скажу, у него каллиграфический. Нам бы его на полстаки протоколы оформлять.

— А по мне, так следовало ему в отдаленных местах месяцев шесть стенгазету выпускать «Солнце исходит и заходит»! — проворчал Корнилов. — Только ничего ему не будет. Скорее всего он действительно свои иконы с Озерной унес.

— Чьи бы ни были, а выходит, что он их спас, — сказал Юрий Евгеньевич. — Сгорели бы они за милу душу.

— Это ты, Юрий Евгеньевич, правильно заметил, — усмехнулся подполковник. — Коловращение жизни, как писал Джек Лондон.

— Игорь Васильевич, — спросил Белянчиков, — а почему ты решил, что Платонов не сбежал, а придет к нам?

— Стереотип мышления. Увидел Аристарх у меня фотографию мертвого Барабанщикова — воспользовался случаем и украл иконы. — Корнилов поморщился. — Свои не свои, но украл! Поймали его с поличным. Платонов понял: не сумеет доказать, что иконы ему принадлежат, — попадет под суд. Я ему на это намекнул. Ну и подумал Аристарх Антонович: а если посадят? Пропала коллекция! Или реквизируют, или кто-нибудь из «друзей» утянет. Он же наверняка и друзьями своей мерке меряет. А тут возможность подвернулась коллекцию «спастись» — отпустили домой. Я думаю, он свои лучшие иконы погрузил в машину и отвез в надежное место. Скорее всего в деревню. Я видел — машина у него вся в грязи.

— Так это только твои догадки? — разочарованно протянул Белянчиков.

— Догадки мои, товарищ майор, имеют реальное основание. Через час прочитаем опус Аристарха Антоновича — убедимся. А у тебя догадок никаких нет?

— Думаю, ты меня снова к Рожкиной пошлешь.

— Правильно думаешь. Ее надо еще раз подробно расспросить. И про Барабанщикова и про Аристарха Антоновича.

Белянчиков кивнул.

— На фото она Барабанщикова не признала, а фамилию могла слышать...

— Кстати, а где она живет? — вдруг спросил подполковник.

— В Озерах... Ну-ка, ну-ка! — спохватился Юрий Евгеньевич. — А Барабанщикова в Парголове. Соседи.

— Вот видишь. Еще одна деталь.

13

Объяснительная записка, которую Аристарх Антонович положил на стол Корнилову, начиналась словами: «Серьезно продумав свое поведение за последние сутки, я пришел к выводу, что непреднамеренно совершил ряд неэтических поступков. Прежде всего, воспользовавшись имевшимся в моем распоряжении ключом от дома гражданина Барабанщикова, я пытался забрать оттуда принадлежавшие мне редкие иконы XVII века. Кроме того, я нарушил данное представителям милиции слово о невыезде из города. Совершил я эти поступки, находясь в стрессовом состоянии, вызванном беспокойством о возможной утрате для общества уникальных произведений древнерусского искусства...» Подполковник читал объяснение Платонова со смешанным чувством удовлетворения и горечи. Удовлетворения оттого, что он не ошибся в оценке характера этого человека, его действий. Платонов писал, что, опасаясь за свою коллекцию, решил отвезти иконы на сохранение к своей бывшей жене, в поселок Вырица. Горечь же испытывал Игорь Васильевич из-за неискренности, полуправды, стремления вывернуться, которыми дышало каждое слово в записке. «Сообщают вам, что все случившееся явилось для меня горьким нравственным уроком. Готов понести любое моральное наказание».

«Согласен только на «моральное наказание!» — усмехнулся подполковник. — А на большее не согласен. Ну и фрукт! Долго же придется из него правду вытряхивать».

Дальше в записке Платонов опять писал о том, что он интеллигентный человек, пользуется уважением в НИИ и много делает для страны и народа. Сплошная лирика, как называл Корнилов такие пустые словоизвержения, — и только один конкретный факт: Платонов указал фамилии и адреса двух человек, которые знают историю приобретения им икон, отденных на реставрацию и присвоенных Барабанщиковым.

— Значит, инженер Кузовлев и реставратор Мокшин могут подтвердить, что иконы, изъятые из вашего чемодана, принадлежали раньше вам? — спросил Корнилов, закончив чтение объяснительной записки.

— Да, — кивнул Платонов. — Я же написал. Они все подтверждают. Мокшина я приглашал к себе домой, показывал иконы. Просил отреставрировать.

— Он отказался?

— Да. Сказал, работы невпроворот.

— А где вы приобрели их?

Платонов насупился.

— Аристарх Антонович, вы же обещали быть откровенным.

— Я купил их у Барабанщикова.

— За сколько?

— Я уже не помню. — Откровенность у Аристарха Антоновича получалась урезанной, но Корнилов хотел узнать, на какой основе строились отношения этих двух людей — погибшего и ныне здравствующего.

— Постарайтесь вспомнить.

— Я купил иконы несколько лет назад. — морщаась, словно у него вытягивали зуб, стал рассказывать Платонов. — В то время я еще не увлекался коллекционированием. Купил просто так. Олег предложил, я и купил. За двести рублей все три.

— Почему он предложил им вам?

— Он принес импортные лезвия и джинсы. Открыл портфель. Я увидел, что у него там лежат иконы. Выглядели они как рухлядь. Я спросил, что он собирается с ними делать. Барабанщиков говорит: «Купите, сейчас это модно».

— А джинсы, лезвия?.. Почему он их принес? Вы просили?

— Ну да! Этот Барабанщик — типичный доставала. Мы его хаусмайором зовем.

— Как-как?

— Хаусмайором. Ну, знаете... Домашним майором. Он мог все доставать, все дефицитные вещи: импортные сигареты, кассеты к магнитофонам, даже хорошие стереосистемы. Имел, конечно, свой интерес, но зато удобно — не надо гоняться по городу в поисках дефицита. Приносит прямо на дом...

— Хаусмайор, — почти восхищенно пробормотал Корнилов. — Действительно удобно. А где же он доставал вам «дефицит»?

Платонов пожал плечами.

— И многие пользовались его услугами?

— Многие.

— Перечислите мне всех, кого знает.

Платонов поморщился.

— Это, знаете ли, неудобно. Многие — мои друзья, солидные люди. Получится сплетня.

— Называйте, называйте. Преступление уже получилось, чего вам бояться сплетен.

Аристарх Антонович вздохнул и начал перечислять...

Фамилии Рожкина среди названных не было.

— Аристарх Антонович, а как вы все-таки объясните, что в вашем «дипломате» оказались чужие билеты в Москву? И эта древняя книга? — Корнилов подвинул Платонову томик евангелия, но Аристарх Антонович только икоса взглянул на него и отвернулся.

— Это необъяснимо, — ответил он. Выражение значительности, так раздражавшее Корнилова вчера, снова мелькнуло на его лице. Мелькнуло и исчезло. — Я не знаю. Что вы от меня хотите? Который уже час вы мучаете меня своими вопросами!

Корнилов подумал: ну вот, он еще истерику мне закатит. Сказал:

— Ладно, прервемся. А вы, Аристарх Антонович, время даром не теряйте. Думайте, думайте. Вспомните. От этого многое в вашей судьбе зависит.

14

Бугаев приехал из Парголова злой. Корнилов не раз замечал, что когда капитан сердит, то голос у него садится, становится совсем глухим.

— Маковой росинки с утра не перепало, — ворчал Семен. — Перепачкался, как чушка, а результатов с гулькин нос.

— Ничего, химчисток у нас хватает. Через сутки будешь как огурчик, — утешил его Корнилов. — И победят у тебя еще время есть.

— У меня сегодня свидание, товарищ подполковник, — поплакался Бугаев. — Я должен одной даме с собачкой пакет молока отдать. Вчера, пока Аристарх Антоновича караулил, познакомился. Такая девушка...

— Капитан, — прервал его Корнилов, — ты мне дело докладывай. Но, заметив, что Семен обиделся, добавил: — Про девушку потом расскажешь.

— Да я, кроме шуток, Игорь Васильевич, к девушке заехать хотел. Она с Платоновым знакома: когда Аристарх в машину садился, то с девушкой раскланялся. Хорошо бы побеседовать...

— Сейчас бесед у нас будет — на год вперед набеседуешься, — усмехнулся Корнилов.

Сказав вначале, что результатов «с гулькин нос», капитан немного склонил голову. Результат был и очень серьезный.

Опросив человек пятнадцать соседей Барабанщикова и не узнав ничего интересного, Бугаев наткнулся наконец на женщину — работницу прядильной фабрики «Возрождение», которая рассказала ему кое-что значащее. Вчера, возвращаясь домой с вечерней смены, Евдокия Ивановна Певунова — так звали прядильщицу — увидела, как на Лесной улице из автомашине вышел мужчина и пошел метрах в двухстах перед ней. Шел он довольно быстро. Евдокия Ивановна подумала: «Чего же он машину оставил, а сам пешком? Дорога-то у нас хорошая». И еще подумала: «К кому такой поздний гость?». В это время мужчина остановился у забора, подтянулся, склонившись за доски, и был таков.

— За забором этим живут Флорентьевы. А участок их задам соприкасается с участком Барабанщикова. — Бугаев взял лист бумаги и быстро начертил план. — Вот видите, товарищ подполковник? Мы с вами здесь еще у лаза стояли. Натоптали тут...

Корнилов кивнул.

— Евдокия Ивановна отнесла позднего визитера на счет младшей дочери, Флорентьевых, Алевтины. Ну, знаете... Но когда я заглянул еще раз к Флорентьевым да поподробнее порасспрашивал их, оказалось, что никто в эту ночь к ним не приходил. Верить им можно. А сама Алевтина, студентка гидрометинститута, не вернулась еще с Ладоги, где проходит практику на метеостанции. Да и калитка в доме Флорентьевых на ночь не запирается. Незачем и лезть через забор.

Евдокия Ивановна показала Бугаеву место, где она видела ночью автомашину. Там, на сырой земле, остались прекрасные отпечатки протекторов.

— Отпечатки — высший класс, — сказал Семен. — И склеки сделали. И «живьем» кусок земли я привез.

— Какая машина?

— «Волга». Двадцать четвертая модель. Судя по протекторам, резина совсем новая. А может быть, и машина новая...

15

Корнилов часто повторял своим сотрудникам, что главное оружие сыщика — умение говорить с людьми. Даже закоренелому уголовнику, засевшему с оружием где-нибудь на чердаке, можно словами доказать, что ему некуда деться. «Но только в том случае, если хорошо знаешь его психологию», — тут же добавлял подполковник. Работа сотрудника уголовного розыска на восемьдесят процентов состоит из разговоров: с потерпевшим, со свидетелями, с экспертами и разного рода специалистами, с бывальными людьми. С преступниками, в конце концов. И от того, как направить беседу, какие найти слова — от умения слушать, часто зависит успех или провал операции. Эти принципы, не раз проверенные Игорем Васильевичем Корниловым за долгие годы службы в милиции, давно усвоили все сотрудники. Поэтому на совещаниях оперативных групп, когда прорабатывался план действия, Корнилову незачем было напоминать о них. Но сегодня подполковник сделал исключение.

Во-первых, вся надежда была на то, что в разговорах с множеством клиентов Барабанщикова, которых назвал Аристарх Антонович, вдруг выплынет еще один его знакомый — разъезжающий на «Волге». И, во-вторых, беседовать предстояло с самыми разными людьми, вся «вина» которых состояла в том, что они были не слишком разборчивы в выборе своего фуражера — «хаусмайора» Барабанщикова. Эти люди могли быть обидчивыми и неразговорчивыми, заносчивыми и хамоватыми. Могли быть сnobами, могли быть лжецами. Но к каждому следовало найти подход, с каждым поговорить, не вызвав ни обид, ни раздражения.

Обо всем этом Корнилов напомнил своим сотрудникам, давая им на завтра задание отправиться по адресам клиентов «хаусмайора» Барабанщикова.

Когда, получив задания на завтра, все разошлись, Корнилов позвонил своему старому знакомому — художнику Новицкому.

— Николай Николаевич! Милиция беспокоит...

— Игорь Васильевич! — узнал Новицкий. — Рад тебя слышать, дорогой. — Голос художника был какой-то тусклый, усталый. — Забыл ты меня. Не поинтересовалась, жив ли, умер...

— Вот видишь — звоню. Интересуюсь, — усмехнулся Корнилов. — Как жив-здоров?

— Нету жизни. Одна работа. Вкалываю, как грек на водокачке, никто доброго слова не скажет...

Игорь Васильевич знал Новицкого уже лет пять и всегда, когда звонил художнику или встречался с ним, слышал и про «грека на водокачке» и про то, что никто не говорит доброго слова о его работе. Это у Николая Николаевича было как заклинание, чтобы не сглазить успехи и то хорошее творческое состояние, в котором он находился.

Продолжение следует.

Рисунок ЮНАКА

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Олега БРИКА

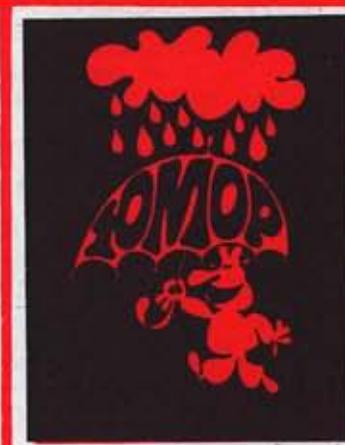

Рисунок Игоря СУРОВЦЕВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией международного арбитра,
заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

23 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

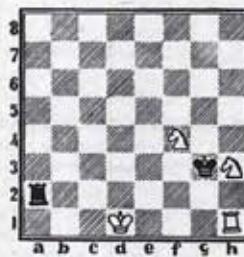
СМЕНЫ

Продолжение.
Начало см в №№ 1, 2

ТРЕТИЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в два хода (1 балла).

Ход черных. Каким путем они добиваются победы? (2 балла).

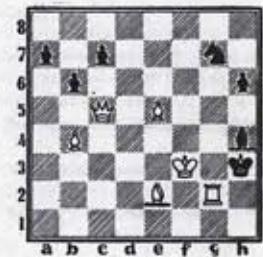
III

I. b4. Как впервые и кем было названо это начало? (1 балл).

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в три хода (2 балла).

Ход черных. Могут ли они достичь «ничейной гавани» в этом трудном для них положении? (3 балла).

III

I. Kf3 Kc6 2. e4 e5 3. Cc4 Ce7. Каково наименование этого дебюта? (1 балл).

Ответ на каждое из указанных выше шести заданий следует присыпать в адрес нашей редакции на отдельной открытке, используя сокращенную шахматную нотацию. В левом верхнем углу почтовой карточки необходимо сделать пометку «23-я шахматная олимпиада «Смены», а также сообщить номер турнира и свой регистрационный. Запомните, пожалуйста, что письма на третий тур нужно отправлять не позднее 30 апреля, а на четвертый — 10 мая 1981 года.

НЕ УСТУПАЯ МУЖЧИНАМ

Немало творческих удач было и у шахматисток на последнем женском чемпионате страны, состоявшемся в Алма-Ате. Причем содержательной игрой порадовали не только гроссмейстры во главе с чемпионкой СССР ленинградкой Ириной Левитиной, а и молодые участницы соревнования. Думается, читателям «Смены» понравится комбинационный фейерверк, устроенный ленинградкой Еленой Беловой в ее партии против москвички Тамары Миногиной.

Фb6—b4 21. Cf1—g2 Kрe8—f7 22. Kс3—e4! Kf6:e4 23. Cg2:e4 g7—g5 24. Ld1—f1! Fb4—c5.

Черные предпринимают попытку парировать пренеприятную жертву ладьи, нависшую над их королем. Однако намеченнную эффективную комбинацию белых вскоре все же осуществляют: стремительная атака белых фигур на неприятельского короля смотрится отлично!

25. b2—b4! Fc5—d4 26. c2—c3 Fd4:d6 27. Lf1:f6 + 1 Kрf7—e7 28. Fg3:g5 Ld8—g8 29. Lf6—g6 + Kрe7—e8 30. Lg1—d1! Fd6—e7 31. Ce4:c6 + Kрe8—f8 32. Fg5—f4 + Сe6—f7 33. Ff4—b8 +, и черные признали свое поражение.

К такому положению соперницы пришли после 18-го хода черных. Изобретательно и тонко лавируя, белые, которыми играла Е. Белова, подготавливали штурм не успевшего рокироватьться черного короля.

19. e4—e5! Ce7:d6 20. e5:d6

Изящную задачу-четырехходовку составила шахматный композитор из Ровно Надежда Леонтьева. Попробуйте найти замысловатое решение.

К ЧИТАТЕЛЯМ
И ДРУЗЬЯМ «СМЕНЫ»

ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ

Участвуя в общем добром деле, люди всегда раскрываются с лучшей стороны.

Со всех концов Советского Союза идут в Новый Уренгой сотни посылок с книгами для детской библиотеки. Сотрудники библиотеки взрослой, уже имеющие стаж работы, и их младшие коллеги, только что приступившие к своим обязанностям, комплектуют новый книжный фонд.

По одному только письму из «уренгойской почты», приходящей в редакцию «Смены», можно подчас проследить живительную силу добра, создающую высокую нравственную атмосферу в целом коллективе. Пишут сотрудники Министерства газовой промышленности СССР:

«Уважаемая редакция!

Если говорить откровенно, то очень трудно писать о хорошем и добром деле, сделанном твоими товарищами и коллегами. Трудно, но не стыдно. Трудно потому, что о нас, работниками министерства, говорить, сожалению, как-то не приятно. А люди в нашем Министерстве газовой промышленности поистине замечательные. Об этом можно судить хотя бы по тому, что у нас все дружно отклинулись на призыв собрать книги для детской библиотеки в Уренгое. Это очень важное, человечески полезное мероприятие. Мы работаем в теплых комнатах, за полированными столами, однако остро ощущаем передний край «фронт». Того «фронт», где идет битва за миллионы кубометров газа, так необходимого стране. Уренгой! Сейчас это слово ассоциируется со словом «подвиг». Ежедневный и ежечасный. Люди работают, все силы отдавая своей стране. Но мы, именно мы, работники министерства, зная об их труде, не имеем права забывать, что людям необходим хорошо организованный отдых, а их детям мы должны предоставить все самое лучшее.

Вот почему после выступления «Смены» наш первый разговор состоялся в парткоме министерства и получил самую горячую поддержку. Инициаторами сбора книг в министерстве выступили сотрудники Управления организации труда, заработной платы и рабочих кадров. Их клич был поддержан, да еще как!. Потом было и расширенное заседание местного комитета комсомола по этому вопросу, было и волнение, и чувство своей гражданской ответственности за маленьких уренгояцев.

Сейчас можно с гордостью сказать: в центральном аппарате Мингазпрома и его московских подразделениях собрано более 6000 экземпляров книг и журналов для детской библиотеки в Уренгое. Не остались в стороне и сотрудники ЦК профсоюзов: работники нефтегазовой и газовой промышленности. А первым принес книги и призвал всех сотрудников не оставаться в стороне министр газовой промышленности Сабит Атаевич Орудьев. С его легкой руки началось негласное соревнование среди управлений, и все оказались на высоте. Многие товарищи приходили в комитет комсомола и спрашивали: совета, какие книги лучше принести. В эти дни комитет походил на передвижную библиотеку, а люди все несли и несли книги, и не было, кажется, конца этому потоку. Это очень приятно, что люди не пожалели расстаться с книгами.

Скоро мы полетим с этим ценным грузом в Уренгой, и я думаю, что все, кто читает «Смену» и кто любит детей, помогут собрать детскую библиотеку в далеком и таком близком городе газовиков — Уренгое».

Сообщаем имена читателей, приславших книги в дар детской библиотеке Нового Уренгоя. Из Москвы: В. Орлова, М. Власова, А. Чуприянов, Л. Романова, С. Гладышев, С. Кочетков, С. Антропова, З. Иткин, П. Левченко, Сорина, Е. Комарова, С. Одинцова, Н. Позднейева, Б. Козлова, А. Коноплев, Ю. Флагина, Русланова, Горелова, Холодов, В. Морозов, Н. Лесин, учащиеся 6-в класса 621 школы, К. Ромичева, Шатрова, А. Козлов, Л. Володина, О. Яшина, сотрудники библиотеки имени Горького МГУ, Е. Маслова, А. Пищемука, А. Аполлонов, Яковleva, Фуфирина, Соковкина, Антонов, А. Картосткин, И. Макаренко, Ларина, Романовский, М. Карпов, учащиеся 2-б класса 921 школы, Л. Крюкова, Е. Володина, сотрудники Тимирязевского райсовбеса, В. Старостин, Т. Добринина, В. Чернышев, учащиеся 4-а класса 97 школы, учащиеся 4-а класса 31 школы, М. Горнова, Р. Клима-чева, В. Шашкин, А. Календарева, Т. Черно-

шайкина, В. Корнеев, Якушина, сотрудники Министерства сельского хозяйства, Кожевникова, Архипова, учащиеся 3-в класса 886 школы, Никонов, учащиеся 5 и 6 классов 597 школы, Никонов, учащиеся 4-а класса 706 школы, учащиеся 8-б класса 777 школы, учащиеся 8 школы, Андреева, Лавренева, Лубнина, Вартанов, Серенко, Соколова, Демина, Арно-льдик, Никитин, Баруздина, Соболева, Владими-ровы, Баранов, Шилова. Из Ленинграда: Н. Баженов, И. Медведев, Е. Петровская, учащиеся 7-б класса 522 школы, Лебедев, Парс-нов, Осипова, Петрова, студенты ЛГУ, ЛГПИ, М. Ткаченко, Пархоменко, учащиеся 10 класса 24 школы, учащиеся 4-а класса 128 школы, Т. Чотилина, И. Мирошинченко, Н. Зеннова, В. Сидоров, рабочие ДСК-2 и СУ-5, Непомня-щий. Из других городов страны: Л. Пивоварова из Анапы, Балиновы из Ашхабада, Матусевич из Алушторонска, Л. Соколова и Р. Соколовский из Алма-Аты, В. Лисоградская из Ангарска; из Архангельска: Л. Наумова, Стрелков, М. Гагарин; из Андиджана: Ш. Ганиев и А. Растворова; из Актюбинска: И. Ламанова и учащиеся начальных классов 30 школы; из г. Авантарда учащиеся 23 и 36 школ; из Армавира: В. Онищенко, Н. Стылинская, Маланчик, учащиеся 3-го курса пединститута; Л. Баязитова из Артемовского; семья Лопатиных, учащиеся 3 класса 11 школы из Альметьевска; А. Свешнико-ва и учащиеся 7 класса школы из Боровска, Е. Алина из Бердичева, Кривулец и Чванова из Бреста, учащиеся 7-а класса 12 школы, 7-а класса 5 школы из Березников, Луговая из Билибина, Г. Воронина из Балашихи, учащиеся 4-д класса 35 школы из Братска, С. Панфилова из г. Борисова; из Брянска: Штукатурова, Карапуза, Т. Рощина, Кузнецо-вы, Барышники, Байкиева, студенты педин-ститута, учащиеся 2-а класса 53 школы, участники ансамбля «Веселые минутки»; из Бийска: Асанова, члены пионерского штаба «Тимур» Дома пионеров № 1, учащиеся 5-б класса 25 школы; С. Пешкова из Бельцы, С. Губанов из Бендера, Т. Грачева и И. Мурашева из Бобруйска, М. Мусицкая и учащиеся 182 школы из Баку, учащиеся 5 школы и Калинус из Балакова; Титовы из Воркуты, Щербаковы и А. Хомякова из Вязьмы, Коптелецкая и Коробейникова из Воткинска, учащиеся 4-х классов 12 и 13 школ из Волжского, Л. Горбачева из Вяземского, учащиеся 23 школы из В. Пышмы, Киселевы из г. Владимира; из Воронежа: Галина, Бойко, учащиеся 4-а класса 40 школы, Батура; Никифоров из Волгограда; из Вологды: Т. Русенкова, учащиеся 3-а класса 4 школы, Логинов; В. Баланина из Ваддая; З. Петтицкий и Романов из Воршиловграда, Ю. Гончарова из Воскресенска, П. Рычков из Витебска, учащиеся 9-а класса 20 школы из Вильнюса, учащиеся 3-б класса 13 школы из Выборга, Е. Мушикова и Н. Кравцова из Владивостока; из Волгограда: учащиеся 3-а класса 3 школы, Р. Клар, Путляковы, учащиеся 5-в класса 20 школы, Г. Гурова, Черкасов, учащиеся 3-а класса 107 школы, Г. Шевчик; М. Родина и Т. Иванова из Гродно; из г. Горького: Башуршат, С. Блюдин, И. Тарабрин, А. Кузнецова; из Гайворона: М. Колбасов, детская библиотека, учащиеся 4-б и 7-а классов 1 школы; Иванова из Губахи, Щипаковская и Логачевская из Гурьева, учащиеся 5 класса 63 школы и 7 школы из Губкина, Л. Петрова из Гроздного, Иванов из Гусь-Хрустального, Бабицкая из Гомеля, Русалова из Гатчины, учащиеся школы из пос. Глазуновки, Шахлонько из Домодедова, сотрудники историко-революционного музея из Доморукова, учащиеся 3 класса 8 школы из Джезказгана, Тимошенко и Дмитриев из Дубны, учащиеся 16 школы из Детгварда; С. Святич, Клименко, Е. Кулагина из Днепропетровска; З. Левченко из Днепродзержинска, Л. Жилина из Донецка, В. Лысов из Душанбе, учащиеся 5-х классов 17 и 14 школ из Дмитровграда, Орловы из Дзержинска, Смирнова из Егорьевска; из Евпатории: Дом пионеров, учащиеся 5-а класса 4 школы, члены кружка юных журналистов, учащиеся 4-а класса 4 школы; Спириденко из Елабуги, учащиеся 5-в класса 2 школы из Ессентуков; Ильинцева и А. Сорокин из г. Жуковского, Чайковская из Ивано-Франковска, школьники из Иртышки, В. Сергеева из Измаила; из Ижевска: Б. Сапаров, Загузин, А. Лаптев, Э. Чернован, А. Чидов; М. Клименко из Ипатова; из Иванова: В. Воронина, Обыденный, Козиных, учащиеся 4-в класса 4 школы; Чунов и учащиеся 2-а класса 5 школы из Ижевска; из Ирбита: Мухина, Л. Паранова, учащиеся 4-а класса 10 школы; С. Матвеевский из Инты, Кожеверская из Истры; из Иркутска: Г. Богданова, Леонтьев, Крылов, Г. Кузьмина и В. Трофимов; из Кемерова: В. Арцыхович и Яковleva; сотрудники библиотеки № 9 из Калуги, из г. Кубышева: Лукианова, Игнашева, Ткачева, Н. Белозерский, А. Голованова, Н. Коканов, Польников, Кузнецова, учащиеся 2-а класса 49 школы, учащиеся 11 школы, учащиеся 9-а класса 12 школы; из Красноярска: Бобровы, Тутов, Г. Александрова, Т. Власова, Ф. Мурзенко, З. Васильева, учащиеся 5-б класса 93 школы, учащиеся 178 школы; из Казани: Онищенко, Л. Никонов, Кузьмин, Световидовы, В. Бартовая, М. Оханкина, Иллари-оновы, Н. Орлотова, учащиеся 3-б класса 39 школы; Аксенова из Каменск-Уральского, Колесова из Кузнецка, сотрудники Межхоз-строя из Кировограда, учащиеся 5-а класса 5 школы из Камня-на-Оби, С. Мамонова из Калызина, Картиня из Кременчука, Преображенский из Котовска, Ившин из г. Калинина, учащиеся 5-а класса 5 школы из Каменки, учащиеся 7-а класса 2 школы из Красноказ-менска, учащиеся 6-а класса 1 школы из Кубинки, Иванов из Кольчугина, И. Ковалева из Колпина, Марченко из Кирковы, Карчинский из Кургана, З. Никитина из Климовска, Е. Холопова из Красавина, Д. Балакина из Калининска, М. Хисматуллина из Кумертау, учащиеся 4 класса 11 школы из Ключевки, Еремеева и В. Михайлова из Коврова, Н. Абдрахманова из Красноводска, учащиеся 6-б класса 3 школы из Кагула, Е. Духовникова и Ю. Яковлев из Кривого Рога, Карповы из Кинешмы, учащиеся педагоги из Карасука, Мошкин из Курильска, Галина и Кравченко из Костромы, Сынникова и Никольская из Комсомольска-на-Амуре, учащиеся 6 класса 2 школы из Кокчетава, Б. Грюкован из Каунаса, Л. Каравчова из Караганды, И. Попова из г. Кирова, В. Бондаренко из Кизляра, учащиеся 26 школы из Краматорска, М. Дикукова из Курска; из Краснодара: учащиеся 6-а класса 40 школы, Ковалева; учащиеся 5-б класса 35 школы, Кузнецова; из Кургана: И. Береженцев, Л. Зайцева, С. Штабова; С. Матковский и Гарин из Кинешмы; из Калининграда: Пчелкин, Митяевский, Н. Шуйская, Шамова; из Киева: Н. Неупокоева, учащиеся 61 школы, Л. Рыбакова, Е. Полерова, А. Кашубский, В. Новицкий; Максимчева из Лыкова, Лопатин из Лысогорского; из Львова: учащиеся 5-б класса 2 школы, Губенко, Н. Ручко; Ю. Лядкин из г. Ломоносова, М. Рыбалко из Лозовой, И. Андуков из Лениногорска, Батурина из Липецка; из Минска: учащиеся 2-г класса 65 школы, Л. Шевелева, сотрудники библиотеки БГУ, В. Табаков, О. Шенолева, Вересковская; Л. Леонтьева из Макулина, Горевская из Мундыбаша, Н. Маркушева из Мценска, Мифтахутдинов и Марковы из Магадана; комсомольская организация дошкольных учреждений из Марганца, В. Красок из Миорограда, Е. Зорина из Златоуста, учащиеся 9-б класса 5 школы из Ферганы, А. Булько и работник детского сада № 17 «Огонек» из Южно-Сахалинска, А. Данаева из Южно-Уральска; из Ярославля: Мусины, Ю. и Л. Чувашини, Орловы, учащиеся 3-в класса 18 школы, сотрудники областной библиотеки для слепых; Исакова из Ялуторовска; Малыйков и Жданова из пос. Тума; Галимов из пос. Приютова, Караваева из села Н.-Михайлова, Т. Кальна из пос. Майсан, учащиеся 23 школы из села Богдановка, учащиеся 6 класса со ст. Шиля, Балкины из пос. Кесова Гора, Атраментова и Немчинова из пос. Камено, А. Антонова из пос. Пушкинские Гory, А. Лазарев из г. Токмак, Вальковы из г. Шенкурска, Т. Абрамова из пос. Варница, учащиеся 2 школы из Починска, Д. Смирнов из г. Марьина Горка, учащиеся 5 класса 18 школы из пос. Заводской, Жердевская из пос. Солнечный, учащиеся 23 школы из пос. Тышы, А. Сорокин из г. Жуковского, Швимков из г. Оханска, учащиеся 7 класса 5 школы из пос. Слюдя, учащиеся 4-а класса 2 школы и А. Панов из села Мильково, И. Балиярова из Омской обл., учащиеся 4-б класса 2 школы из пос. Деражня, учащиеся 6 школы из Тары, учащиеся 5-а класса 48 школы из Ростовской обл., Зацаринский, школьники из пос. Юрьево, школьники из д. Баскалово, Моисеев из пос. Маложма, В. Тишинов и Едашев из г. Ярцева, учащиеся 3-а класса 85 школы из пос. Келес, Караглев из пос. Иловля, учащиеся 9-б класса школы из пос. Лотошино, П. Юриевич из д. Усакино, учащиеся 6-б класса 1 школы из Курской обл., учащиеся 5 класса школы из Т. Трусова из пос. Черусти, Ю. Шербак из села Ольшана, С. Киркова из пос. Мир, В. Харзина из пос. Кузьмолово, З. Алишба из села Шаумян, А. Ильяна из села Первомайское, В. Баланина из пос. Рощино, Л. Иванова из пос. Акбулат, учащиеся 8 класса школы из села Оленьково, А. Склянова из пос. Боровский, Федосеева из пос. Грицовский, учащиеся 3 класса 6 школы со ст. Кудкинская, учащиеся 5-б класса школы из Пресновского района, Э. Изаксон из пос. Хору-Аксы, учащиеся 9 класса 5 школы из Камышлова, учащиеся 3-в класса 85 школы из г. Кемь, М. Мурзакова из пос. Яни-Базар, Н. Малышев из г. Талицы, Ю. Корнилов из г. Мирного, школьники из пос. Гаркалне, сотрудники детской библиотеки со ст. Фаленки, А. Малегенко из села Сапников, К. и М. Тиличес из Мурманской обл., учащиеся 7 класса школы из села Раздоленск, учащиеся 7-а класса 5 школы из г. Нефтеюганска, Азаров из Кемеровской обл., И. Скрипченко из пос. Немчиновская, учащиеся 4-в класса 18 школы из г. Загорска, А. Саплов из пос. Новый Узен, Э. Коршков со ст. Березовская, учащиеся 9-а класса школы из села Бандурово, Барковская из Новгородской обл., учащиеся 5 класса школы из Танзыбека, Родзенланской из Воронежской обл., сотрудники библиотеки № 1 из Кировоградской обл., П. Морженко из пос. Дубовки, Синкина из пос. Осинки.

Редакция сердечно благодарит чита-телей, приславших книги в детскую библиотеку Нового Уренгоя!

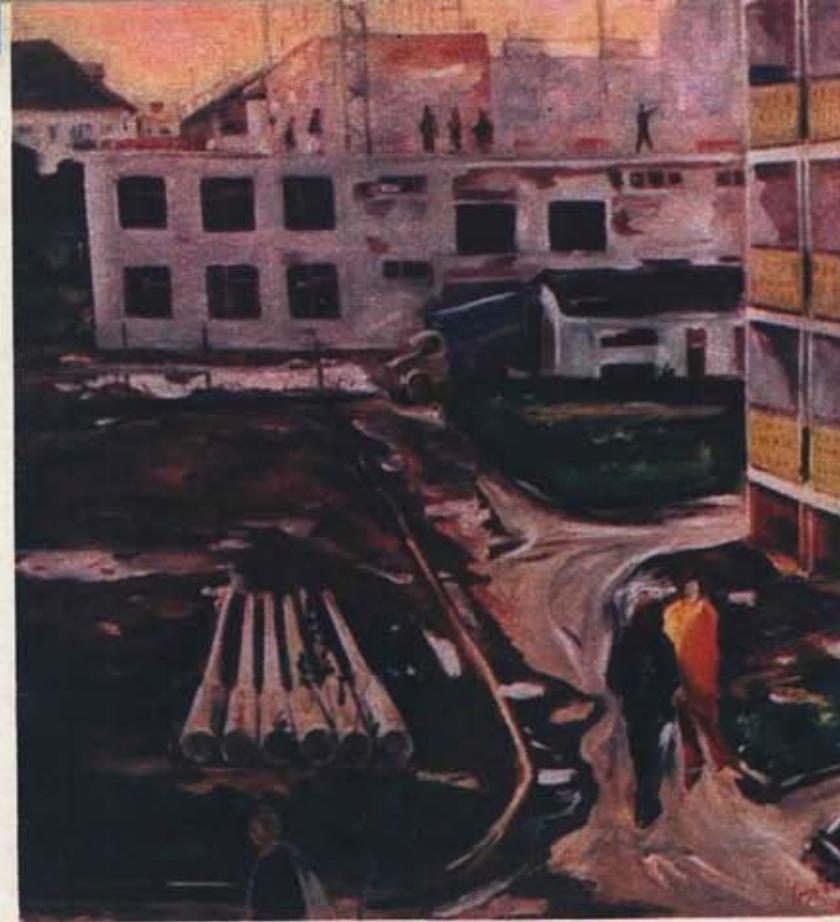
Новые книги просим寄送 по ад-ресу: 626718, Тюменская область, г. Новый Уренгой, библиотека имени жур-нала «Смена», детям Уренгоя.

ИЗ СОЛНЦА И СВЕТА

Есть художники, которые сразу привлекают внимание. Именно к ним принадлежит молодой художник Юрий Арбузов.

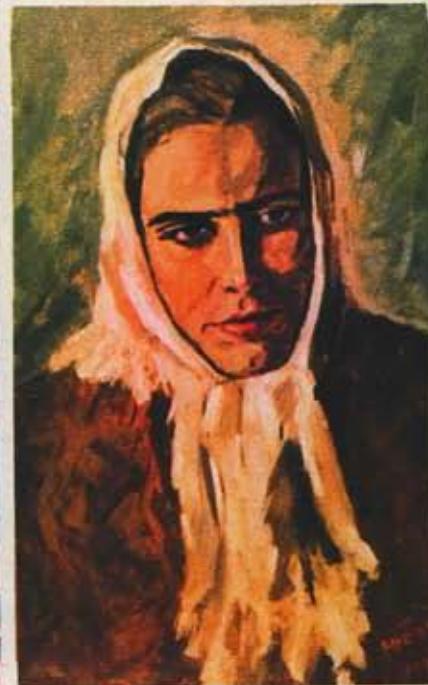
Рос он в семье сельского учителя. С детства словно бы впитывал неброскую красоту орловской природы, дышал хмельным, пахнущим травами воздухом. Со временем перенес эти впечатления на картины. Даже портреты его кисти поражают воздушностью и возвышенностью.

У Арбузова было много любимых художников, привязанности эти менялись, но постоянное чувство восхищения он испытывает к Сурикову. В четвертом классе родители взяли его с собой в

ПОСЛЕ ДОЖДЯ
В НОВОМ МИКРОРАЙОНЕ.

МОЛОДАЯ КОЛХОЗНИЦА

пейзажах Юрия Арбузова. «Утро на Малой земле». Зеленовато-голубые тона подчеркивают раннюю прохладу, когда из-за гор еще не взошло солнце. Сонные волны лениво плещутся о борта спящих судов, холодный воздух густ и прозрачен. И, кажется, пройдет несколько минут и золотые дорожки света побегут по воде, вспыхнут в иллюминаторах, заиграют на медных поручнях солнечные зайчики.

На зональной выставке «Край черноземный» внимание многочисленных зрителей привлекла работа Арбузова «Конец октября». Художник запечатлев уголок старого Орла. Багрец и золото осенних красок поблекли, потускнели.

До весны умолк птичий гомон, шум листвы. Прощание с летом умиротворяющее. Город готовится встретить зиму.

Рассказ о Юрии Арбузове был бы неполным, если не упомянуть о его общественной работе, без которой, как и без творчества, художник себя не мыслит. Юрий часто выступает с лекциями, беседами перед рабочими Орловского завода управляющих вычислительных машин, на котором работает художником-оформителем, ведет секцию самодеятельных художников, читает лекции по эстетике, о современном искусстве.

Игорь БУРКОВ

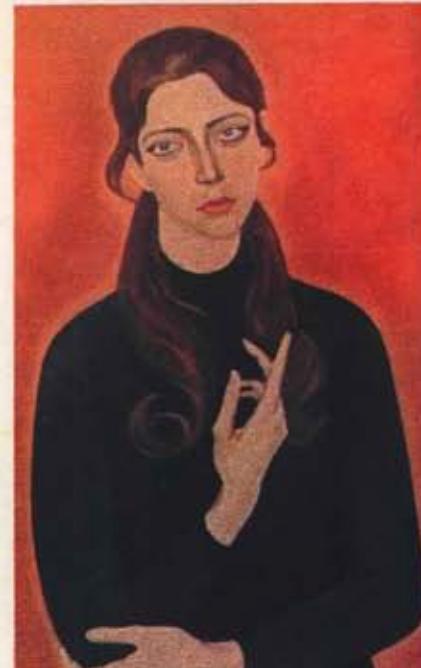
УТРО НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ.

Москву и повели в Третьяковскую галерею. «Боярыня Морозова» поразила мальчика своим драматизмом, накалом страсти, внутренней болью. Тогда он решил: буду рисовать, как Суриков.

После школы Арбузов поступил на художественно-графический факультет Орловского педагогического института. Три года работал преподавателем художественного училища в Чечено-Ингушетии. И все время совершенствовал мастерство.

«Автопортрет». Художник как бы выходит из вечернего сумеречного света. И в то же время белый контур резко отделяет его, золотоволосого, от серости умирающего дня. От смуглого лица, от рыжеватой шевелюры даже густая синева начинает золотиться. Художник как бы является продолжением пропавшего за горизонтом солнечного света. Совсем иначе смотрится «Молодая колхозница». Бронзоволикая, темноглазая женщина погружена в свои думы. Гордый лоб, волевой рот, мужественный разлет бровей... И зритель понимает: нет ничего на свете, что бы не смогла выложить, вынести на своих плечах эта русская женщина.

Особенно хочется остановиться на

МУЗА.

В ЛЕТНЕМ САДУ.